

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Прохоренков Игорь Александрович

**ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКАЯ АНТИРОССИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПРОПАГАНДА ПЕРИОДА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ**

Научная специальность 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Филюшкин Александр Ильич

Санкт-Петербург

2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Речь Посполитая на пути к открытой интервенции в Россию.....	34
§ 1. Отношения с Москвой в польско-литовской литературе накануне Смутного времени.....	34
§ 2. Литературная пропаганда периода первой «дмитриады»	51
§ 3. Смерть и воскрешение лжецаревича: пропаганда в поисках новых смыслов в 1606–1609 гг.....	63
Глава II. Трансформация военно-политической доктрины Речи Посполитой в первом десятилетии XVII в. в контексте антимосковской пропаганды.....	71
§ 1. Идеи «справедливой войны» в польской публицистике XV–XVI вв.....	71
§ 2. «Домашняя война» в Речи Посполитой и вторжение в Россию в контексте начала централизованной провоенной пропаганды.....	75
§ 3. Планы подчинения и колонизации России в сочинениях Павла Пальчовского.....	83
§ 4. Генезис колониционного дискурса в творчестве Мартина Пашковского....	99
Глава III. Осада и взятие Смоленска как фактор распространения антироссийской литературной пропаганды.....	110
§ 1. Интенсификация создания антироссийских сочинений в период военной кампании 1609–1611 гг.....	110
§ 2. Триумф в Вильне в контексте пропаганды успехов Сигизмунда III в войне против России.....	134
§ 3. Основные дискурсы антироссийской литературной пропаганды в Речи Посполитой после взятия Смоленска 13 июня 1611 г.....	146
§ 4. Варшавский сейм 1611 г. и его решения в контексте антироссийской пропаганды	166
Заключение.....	180
Список источников и литературы.....	183

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена особым значением Смутного времени для отечественной истории и культуры. Литература, скульптура, живопись, театр, кинематограф, народное творчество – события и персоналии Смуты нашли свое отражение во всех сферах русской духовной жизни. К образам героев, отстоявших в первые два десятилетия XVII в. независимость собственного государства, российская общественность неоднократно обращалась в кризисные моменты своей истории. Пример К. Минина и Д. Пожарского, освободивших от иноземных захватчиков Москву, вдохновлял солдат Красной армии во времена Великой Отечественной войны¹.

Важность сюжетов Смуты для развития национального самосознания и общероссийской идентичности подтверждается событиями новейшей истории России. В частности, следует акцентировать внимание на введении ежегодно празднуемого 4 ноября (с 2005 г.) «Дня народного единства». Праздник официально рассматривается как реконструкция установленной царем Алексеем Михайловичем в 1649 г. памятной даты: дня Казанской иконы Божьей Матери. В современных коммеморативных практиках дата 4 ноября приурочена к триумфу Второго народного ополчения и капитуляции укрепившегося в Кремле польского гарнизона.

Следует отметить, что историческая наука не имеет абсолютной монополии на ретрансляцию сюжетов Смутного времени, так как значение этого периода для российской культуры крайне велико. По этой причине хранителями истории Смуты выступают не только исследователи-профессионалы, но также память о тех событиях является достоянием всего российского общества. Указанное обстоятельство позволяет нам отнести Смутное время к категории «мест памяти» в терминах П. Нора. Рассуждения французского историка о феномене «мест памяти» онтологически соотносятся с выбранным нами направлением

---

¹ Бузова О., Иванов В.С. "Нет такой силы, которая поработила бы нас" (Козьма Минин). М., 1942; Бузова О., Иванов В.С. "Наша правда. Бейтесь до смерти!" (Дмитрий Пожарский). М., 1942.

исследования: «память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии»². Обращаясь к событиям Смутного времени в рамках нашей диссертации, мы действуем в русле актуального социального запроса на изучение собственных корней, без которого сложно представить себе современное российское общество.

Историческое сообщество едино в своей оценке Смутного времени как одного из наиболее трагичных периодов российской истории, ставшего значимым рубежом в ее хронологии. Хозяйственная и экономическая разруха, социально-политический упадок, духовно-нравственный кризис, обусловленный ужасами гражданской войны – нет такой стороны жизни русского человека первой четверти XVII в., которую не затронула бы Смута. Помимо совокупности внутривнутриполитических причин, генезис такого сложного явления, как Смутное время, невозможно рассматривать без внешних факторов, важнейший из которых в историографии обозначается формулировкой «иностранный интервенция».

Вмешательство соседей в дела Московского царства началось задолго до официально объявленной в 1609 г. Речью Посполитой войны. Польский след в эскалации Смуты очевиден с первых дней вступления Лжедмитрия I в пределы Российского государства. Несмотря на то, что ко времени торжественного въезда в Москву в армии самозванца оставалось не более 600–700 польских всадников³, и победы в решающих сражениях претенденту принесло не польско-литовское оружие, но силы служилых людей юга России⁴, невозможно представить успех предприятия Лжедмитрия на начальном этапе без поддержки польско-литовской политической элиты.

Мотивы, побудившие знатные роды Речи Посполитой вмешаться в русские дела и поддержать самозванца, нашли комплексное отражение в «условиях»,

---

² Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 20.

³ Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве начала XVII века. Л., 1985. С. 265.

⁴ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 60.

которые были поставлены Сигизмундом III перед Лжедмитрием⁵. От лжецаревича ожидалась территориальные уступки в пользу польско-литовского государства, допуск иезуитов в Москву, военная помощь против Швеции, а также лояльность к проекту «вечного соединения» Речи Посполитой и Московского царства.

Следует помнить, что подобные амбициозные цели, не предаваемые огласке в условиях скрытного характера интервенции в Россию, были близки и понятны преимущественно только представителям магнатории, непосредственно участвовавших в формировании внутри- и внешнеполитического курса Речи Посполитой. Ввиду этого актуализируется следующий вопрос: что побуждало рядовую шляхту, мелкое польское и литовское рыцарство, и даже представителей мещанства собираться под стягами Лжедмитрия? Хронологически эта проблема выходит за пределы предприятия первого лжецаревича, так как польско-литовские добровольцы продолжили играть важную роль и в авантюрах последующих самозванцев. Отметим, что и после официального объявления войны королем Сигизмундом III Василию Шуйскому не прекратились их самостоятельные действия в московских землях.

Массовое участие иностранцев в трагических событиях Смуты обуславливает и по сей день интерес зарубежных ученых к изучаемому нами периоду. Представленные в диссертации на материале малоизученных источников новые данные о восприятии польско-литовской читающей общественностью обстоятельств участия Речи Посполитой в войне против России способны внести вклад в мировую историографию ввиду своей новизны.

Объектом исследования являются публичные способы описания отношений между Речью Посполитой и Россией в годы Смутного времени. Представления польских и литовских современников о природе и предполагаемых последствиях кризисных явлений, охвативших Московское царство, менялись под влиянием актуальных военно-политических событий⁶. Представленное диссертационное

---

⁵ Подробнее см.: Александренко В. Н. Материалы по смутному времени на Руси XVII в. // Старина и новизна. 1911. Т. 14. С. 443–444.

⁶ Прохоренков И. А. Польско-литовская литературная пропаганда периода Смутного времени: к вопросу периодизации // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней

исследование посвящено изучению причин, принципов и механизмов создания информационных и агитационно-пропагандистских текстов о Смутном времени, а также выявлению в них магистральных смыслообразующих дискурсов.

В качестве основного **предмета** исследования мы выбрали малоизученные в исторической науке литературные памятники «малых литературных форм»⁷ периода Смутного времени. Летучие листы, окказиональная поэзия, фунеральные тексты, политическая полемика и публицистика, сборники эпиграмм, панегирики, фразки и коляды ранее не рассматривались как цельный литературный феномен, имеющий значительный пропагандистский потенциал. Несмотря на то, что все указанные жанровые течения представляются крайне разнородными по отношению друг к другу, мы не можем игнорировать их утилитарное единство. Произведения указанных выше жанров наполняли актуальными социально-политическими сюжетами информационное пространство Речи Посполитой, ввиду чего упомянутые памятники были рассмотрены нами с историософской позиции холизма.

Целью диссертационного исследования является выявление информационно-пропагандистского потенциала литературных памятников «малых литературных форм», изданных в Речи Посполитой в период Смутного времени и посвященных российской тематике.

Для достижения цели нашего исследования необходимо было решить ряд **задач**:

1) Проанализировать влияние актуальных социально-политических событий на сюжетную наполненность изданных в годы Смуты на территории Речи Посполитой печатных изданий.

2) Провести сравнительно-текстологический анализ, чтобы выяснить степень влияния текстов друг на друга.

славянской письменности и культуры. 24–25 мая 2022 г. / Отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М., 2022. С. 43–47.

⁷ Обоснование терминологии см. по: Шамин С. М. Иностранцы «памфлеты» и «куръезы» в России XVI – начала XVIII столетия. М., 2020. С. 12–15.

3) Выявить основные смыслообразующие дискурсы, которые использовались в рамках антироссийской информационной кампании.

4) Изучить сконструированные авторами символы и сюжеты, используемые в идеологической борьбе против Москвы.

5) Проследить динамику роста антироссийских настроений, которая постепенно возрастала по мере втягивания Речи Посполитой в события русской Смуты.

6) Изучить степень личной заинтересованности отдельных авторов пропагандистских сочинений в событиях Смуты в тех случаях, где источники предоставляют подобную возможность (были ли авторы очевидцами событий, участвовали ли их меценаты в интервенции и т.д.).

Хронологические рамки исследования ограничены второй половиной XVI в. – 1612 г. Расплывчатость нижней границы обусловлена необходимостью рассмотреть генезис антироссийской полемики в предшествовавший Смуте период. Польско-русские отношения до авантюры Лжедмитрия I имели собственную богатую историю и множество поворотных точек в ней. Без обращения к ряду литературных источников, созданных еще во время Ливонской войны, наш анализ польско-литовских политических реляций периода Смуты в России сложно было бы назвать исчерпывающим.

Верхняя рамка нашего исследования определена строго: закончить изучение исторических памятников на 1612 г. нас побудило политическое поражение короля Сигизмунда на проходившем с 26 сентября по 9 ноября 1611 г. ординарном сейме в Варшаве. Указанное событие продемонстрировало, что пропагандистские тексты, распространяемые при поддержке королевского окружения, не смогли повлиять на настроения оппозиционно настроенных шляхетских послов, ввиду чего монарх не получил необходимые для продолжения войны с Россией финансовые источники.

После варшавского сейма памятники «малых литературных форм» постепенно утратили свое значение в качестве ведущего элемента целенаправленной антироссийской пропагандистской кампании и наполнились совершенно новыми дискурсами. В частности, в литературе Речи Посполитой,

изданной после изгнания польского гарнизона из Кремля, постепенно сформировалось мнение, что преувеличение военно-политических успехов в России со стороны королевского двора не позволило сейму трезво взглянуть на ход войны с соседним государством и вотировать необходимые для успешного завершения кампании поборы. Литературное переосмысление причин потери Москвы для Речи Посполитой выходит за пределы выбранной нами темы диссертационного исследования, так как оно уже не подпадает под категорию агрессивной военной агитации против России.

Географические рамки представленной работы преимущественно ограничиваются территориями Речи Посполитой. В контексте изучения влияния отдельных социально-политических событий на распространение новостей в Европе посредством печатных изданий, мы затронули несколько удаленных от польско-литовских земель регионов. Например, мы отметили, каким образом о смерти Лжедмитрия I с помощью летучих листов узнали в Лондоне, или как после взятия Смоленска Сигизмундом III Рим наполнился поздравительными панегириками. Подобного рода выходы за географические границы Речи Посполитой имеют ограниченный характер и используются сугубо в качестве дополнения к основному исследованию.

Методология и методы исследования. Комплекс поставленных задач обусловил использование междисциплинарного методологического подхода. Помимо традиционного для исторической науки текстологического метода, мы применили методiku дискурсивного анализа к изученным нами памятникам. Упомянутая выше разнородность рассмотренного нами материала вызвала необходимость обращения к генеалогии, т.е., в работе использовались и литературоведческие методы.

Степень состоятельности и эффективности пропаганды как культурно-информационного явления принято измерять в связи с уровнем развития средств массовой информации в изучаемом обществе. Ввиду этого, наибольшее внимание в научных работах феномен пропаганды получил в XX в., где он рассматривался как управляемый и направляемый процесс. Тем не менее, невозможно

игнорировать присущие пропаганде черты в полемических дискурсах предшествующих исторических периодов. По мнению видного исследователя теории пропаганды Ф. Тейлора, сущностная черта пропаганды – заставлять человека думать и поступать таким образом, каким бы он не поступил без ее влияния⁸.

В представленном исследовании будет показано, что призыв оставить пределы Речи Посполитой и с оружием в руках войти в московские земли был присущ многим разножанровым произведениям периода Смуты (наиболее ярко он проявлялся в «экзортах», «посилках» и «побудках»). основополагающий метод пропаганды заключается в создании символов, на которые общество должно реагировать «правильным» (выгодным целям пропаганды) спектром эмоций⁹. Образ несчастного царевича, нуждающегося в помощи польского и литовского народов, символ московитов-варваров, в любой момент готовых обрушиться на Речь Посполитую, идея Немезиды, которую должно было воплощать в себе рыцарство, мстящее за «кровавую свадьбу» и прочие обиды – эти и прочие идейные штампы повсеместно (ре)конструировались в польско-литовской литературе периода Смутного времени.

Любое общество особенно уязвимо к пропаганде в тяжелые моменты своей истории¹⁰. Ситуация, сложившаяся в Речи Посполитой в начале XVII в., по многим признакам подпадает под это определение. Совокупность внутренних (рокош Зебжидовского) и внешних (длительный конфликт со Швецией) неурядиц породила в польско-литовском обществе тревожные настроения. Это тонко почувствовали литераторы того времени: от миниатюрных виршей К. Мясковского¹¹ и до историко-дидактической эпики М. Пашковского¹² – мотив плача о «домовой разрухе» приобрел широкую популярность в польской литературе первых двух десятилетий XVII столетия. Ввиду всего

⁸ Taylor P. M. *Munitions of the mind. A history of propaganda from the ancient world to the present day.* Manchester; New York, 1995. P.1.

⁹ Lasswell G. D. *Propaganda Technique in the World War.* New York, 1938. P. 9.

¹⁰ Ibid. P. 190–191.

¹¹ Miaskowski K. *Zbiór rytmów.* Kraków, 1612.

¹² Paszkowski M. *Wizerunk wiecznej sławy Surmatow starych.* Kraków, 1613.

вышеперечисленного, мы отводим инструментарию теории пропаганды важное место в методологии данного исследования.

В связи с тем, что источниковой базой диссертационной работы является многослойный комплекс старопольских письменных памятников, выполнить все поставленные задачи невозможно без применения методов литературоведения.

В 1931 г. С. Скварчинской была сформулирована концепция «literatury stosowanej»¹³. По мысли исследовательницы, старопечатные литературные произведения можно разделить на два крыла: «literatura piękną» (прекрасная литература) и «literatura stosowana» (прикладная литература). «Пре́красная литература» обобщает жанры и произведения, в которых эстетика, выразительные средства и художественные формы играют главную роль (что близко концепции «l'art pour l'art»). «Прикладная литература» также стремится соответствовать художественно-эстетическим канонам стиля эпохи, но все же готова пожертвовать ими в угоду информативной составляющей произведения. К этому виду литературы относятся полемические, публицистические, хронографические и злободневные (okolicznościowe) тексты.

Используемые в данном исследовании жанры подпадают под категорию «прикладных» литературных произведений¹⁴, что позволяет нам в большой мере интерпретировать их как исторический источник, а используемые художественные средства рассматривать в качестве одного из способов передачи информации от автора к читателю. Отметим, что концепция С. Скварчинской со временем подверглась критике, так как накапливалось все больше произведений, не подпадающих под предложенную классификацию. Подобная критика имеет под собой основания и должна быть учтена, но, по нашему мнению, концепция «literatury stosowanej» релевантно работает применительно к литературе периода Смутного времени.

---

¹³ Skwarczyńska S. O pojęcie literatury stosowanej // Pamiętnik Literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej. 1931. T. 28. № 1/4. S. 1–24.

¹⁴ Skwarczyńska S. Teoria listu. Warszawa, 1937. S. 17–19.

Эпоха Барокко характеризуется широкой вовлеченностью авторов-любителей в литературу. Для второразрядных писателей литературная карьера выглядела особенно привлекательно в контексте повышенного спроса читающей публики на описание актуальных социально-политических событий. Вышесказанное объясняет тот факт, что польско-литовская литература эпохи Смуты имеет высокий количественный и низкий качественный показатели, ввиду чего рассматривается нами именно сквозь призму концепции «прикладной литературы».

Необходимостью решения задачи изучения динамики развития пропагандистских сюжетов и типологии антимосковских дискурсов в период Смуты обуславливается обращение автора диссертационного исследования к генологической методологии. Барочной литературе свойственно быстрое развитие жанров, которые могли в считанные годы появляться и исчезать. При определенных условиях, господствующий в обществе дискурс способен породить новый жанр. Дискурсивное наполнение определенной жанровой формы и видоизменения дискурса способны привести к тому, что определенный тип высказывания может исчезнуть из коммуникации, будучи заменен на жанр, принятый произвольно в соответствии с новыми коммуникативными или культурными конвенциями¹⁵. Так, например, антитурецкими настроениями в польско-литовском обществе был порожден жанр «турциков».

В рамках генологии жанр понимается как набор intersubъектно функционирующих правил, оформленных исторически и культурно, бытующих в рамках определенных дискурсов¹⁶. В польско-литовской литературе периода Смуты актуальные дискурсивные конвенции заметно влияли на малые жанры. «Димитриада» – описывающая деяния Лжедмитриев литература – все же не стала новым жанром, как, например, «турцики», но тематически объединила и подчинила своей сюжетной составляющей большое множество прочих жанров.

---

¹⁵ Войтак М. Генология обиходных текстов // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 40–41.

¹⁶ Żydek-Bednarczuk U. Typy, odmiany, klasy... tekstów. W poszukiwaniu kryteriów // Stylistyka a pragmatyka / Red. B. Witosz. Katowice, 2001. S. 114–121.

Использование генологического метода при анализе старопечатных источников способствует выявлению новых смыслов в текстах.

В ходе работы над темой исследования привлекались источники на польском, латинском, немецком, французском, английском и итальянском языках. Все приведенные в тексте диссертации переводы были выполнены силами автора. Адаптированным нами фрагментам источников сопутствует оригинальный текст в сносках, что позволяет контролировать степень релевантности переводов.

Использованные поэтические произведения имеют собственную самобытную структуру, обусловленную литературными и художественными нормами XVI–XVII вв. Мы стремились сохранить изначальную организацию текста цитируемых памятников: оригинальное построчное деление рифмованных произведений в нашей диссертационной работе обозначено знаком «/». При ссылке на поэтические тексты нами с помощью сокращения «ст.» были даны указания на отдельные цитируемые в них строки. Если использованный текст представляет собой малое произведение в литературном сборнике, то вместе с указанием на страницу и цитируемые строки мы дополнительно обозначали и сам памятник («Песнь XI, ст. 1–4», «На того же [Дмитрия эпиграмма], ст. 1–2» и т.д.). Заглавия цитируемых источников в диссертации даны на языке оригинала и выделены курсивом, каждый впервые упомянутый в тексте литературный памятник имеет собственную библиографическую сноску.

Цитаты из источников оформлены по следующим правилам:

Цитируемые рифмованные фрагменты в нашем переводе воспроизведены по центру страницы и отделены от основного текста дополнительными пустыми строками в случаях, если они самостоятельно способны проиллюстрировать/аргументировать содержание одного или нескольких логически связанных с ними абзацев исследования.

Цитируемые фрагменты источников в нашем переводе интегрированы непосредственно в текст работы в случаях, если они последовательно приводятся вместе с прочими цитатами и только совокупно раскрывают какой-либо выделенный нами научно-исследовательский сюжет.

Цитируемые фрагменты даются на языке оригинала в случаях, если использование тех или иных слов и словосочетаний со стороны авторов источников представляется принципиально важным для нашего исследования. Например, работа с оригинальным текстом необходима в рамках проведения текстологического анализа. Подобные фрагменты снабжены сносками, в которых приведен перевод текста на русский язык.

Основную источниковую базу исследования составили именно польскоязычные тексты, что побуждает нас заранее оговорить механизмы работы над их переводом. Синтаксис польского языка достаточно близок русскому, ввиду чего, за редкими исключениями, мы смогли дословно воспроизвести структуру оригинальных текстов без перестановки слов местами. Тем не менее, язык источников XVI–XVII в. лексически существенно отличается от современного. Это обстоятельство обусловило обращение к «Словарю польского языка XVI века»¹⁷. Первый том указанного издания вышел в 1966 г. и работа над ним продолжается по сей день (предполагаемое время выхода последнего тома запланировано на 2035 год¹⁸). Словарь разрабатывается коллективом польских филологов и историков по следующему принципу: каждому слову даются все известные трактовки и приводятся многочисленные примеры его использования в реальных исторических памятниках. Использование подобной фундаментальной справочной литературы позволило нам справиться с переводом необходимых для раскрытия темы диссертационного исследования источников на релевантном поставленном задачам уровне.

Помимо вышеуказанных методологических особенностей работы, в процессе написания диссертационного исследования использовались такие общенаучные методы как описание, анализ, синтез и систематизация.

---

¹⁷ Słownik polszczyzny XVI wieku / red. Mayenowa M. R., Pełowski F. (t. 1–34), Mrowcewicz K., Potoniec P. (t. 35–37), K. Wilczewska, L. Woronczakowa i in. (t. 27–37). Wrocław, 1966–1994; Warszawa, 1995–.

¹⁸ Информация взята с сайта проекта: Słownik polszczyzny XVI wieku [Электронный ресурс] / Internetowy przewodnik edukacyjny; red. Bańko M., Majdak M., Czeszewski M. URL : <http://www.leksykografia.uw.edu.pl/slowniki/28/slownik-polszczyzny-xvi-wieku-wroclaw-1966> (дата посещения: 20.11.2023).

Источниковая база исследования. Представленное диссертационное исследование базируется на большом количестве разножанровых источников «малых литературных форм». Для раскрытия выбранной нами темы использовались как переизданные и хорошо изученные в исторической науке тексты, так и практически неизвестные памятники из фондов отечественных и зарубежных архивохранилищ/библиотечных собраний. Ввиду того, что разнородность изученных текстов не позволяет составить единый обзор источниковой базы, мы описали использованные исторические памятники и их особенности непосредственно в главах нашего исследования. Тем не менее, во введении к представленной работе мы считаем необходимым указать общие черты, присущие литературе Речи Посполитой в изучаемый нами хронологический отрезок.

На протяжении всего ренессансного периода развитие литературных традиций в Польше протекало полностью в русле общеевропейских культурных тенденций¹⁹. За редкими исключениями²⁰, на польско-литовских землях в XV–первой половине XVI вв. не выявлено каких-либо жанровых особенностей, не свойственных западноевропейской литературе. За образец польскими авторами были взяты труды итальянских гуманистов вкупе с изданными в Европе разнообразными грамматиками и учебниками стихосложения²¹. В западославянских землях подобные сочинения были известны еще в допечатный книжный период. Например, в библиотеке Ягеллонского университета хранилась рукопись XIV в. «Поэтики» Аристотеля²².

Впервые посвященное искусству словесности сочинение, изданное непосредственно на территории самой Польши, появилось в 1505 г. в Кракове²³. Успех книги стал сигналом для издателей и подобные сочинения стали печататься

¹⁹ Pelc J. Renesans w literaturze polskiej. Początki i rozwój // Problemy literatury staropolskiej. Seria pierwsza / pod red. J. Pelca. Wrocław, 1972. S. 30–32.

²⁰ Подробнее см.: Woronczak J. Polskość i europejskość literatury naszego Średniowiecza // Problemy literatury staropolskiej. Seria pierwsza / pod red. J. Pelca. Wrocław, 1972. S. 7–28.

²¹ Gansiniec R. „Metrificale” Marka z Opatowca i traktaty gramatyczne XIV i XV wieku. Wrocław, 1960. S. 12–15.

²² Tatariewicz W. Historia estetyki. T.3: Estetyka nowożytna. Wrocław–Warszawa, 1967. S. 206.

²³ Речь идет о: Horatius Flaccus. Poetarum institutiones ad pisones. Q. Horatij flaccij Carmen seculare. G. L. Cracovie, 1505.

на регулярной основе в польско-литовском государстве. Профессор краковской академии Шимон Марициуш из Пильзно в своем сочинении *De scholis*²⁴ оставил яркий очерк о том, как изучалась словесность в высших учебных заведениях в Польше XVI в. и какую исключительную роль в этом процессе играла античная эпическая литература. Автор сам преподавал студентам античную литературу и рекомендовал следовать канонам Гомера, Арата из Сол, Пифагора, Катона, Фокилида и, разумеется, Вергилия²⁵.

Публий Вергилий Марон имел особый статус в европейской письменной культуре. В Средние века, согласно представлениям христианских мыслителей, в творчестве поэта (в знаменитых «Буколиках») видели предсказание явления «чудесного младенца» – Иисуса Христа. Поэтому, во многом благодаря Церкви, творческое наследие Вергилия не затерялось в веках. Также «Энеида» была источником заимствования сюжетов для многих средневековых рыцарских романов. Использование фигуры Вергилия Данте Алигьери в своей «Божественной комедии» еще более упрочило славу римского поэта как крупнейшего дохристианского литературного авторитета.

Фигура и творчество Вергилия на рубеже Ренессанса и Барокко обрела особую популярность на территориях Речи Посполитой. «Энеида» рассматривалась как эталон жанра «эпопеи», который очень высоко ценился польскими литераторами, так как он один мог позволить себе затронуть сразу бесчисленное количество тем²⁶. Если в эпоху Ренессанса «Энеида» привлекала читателей и подражателей, прежде всего, своей стилистикой, то авторы эпохи Барокко в большей степени интересовались дидактичностью и «историчностью» повествования²⁷. Эпопея Вергилия представляла читателям цельную космографическую картину, пришедшуюся по вкусу интеллектуалам рубежа XVI–XVII в. Боги и различные мистические силы – полноправные участники эпоса

²⁴ *De scholis seu academiis libri duo*. Kraków, 1551.

²⁵ Szymon Marycjusz z Pilzna. *O szkolach, czyli akademiach ksiąg dwoje* / Prz. A. Danysz, wstęp H. Barycz. Wrocław, 1955. S. 112–114.

²⁶ Nieznanowski S. *Staropolska epopeja historyczna. Kształtowanie się pojęcia, drogi rozwoju* // *Problemy literatury staropolskiej*. Seria pierwsza / pod red. J. Pelca. Wrocław, 1972. S. 394.

²⁷ *Ibid.* S. 395–396.

Вергилия – получили метафорическое и аллюзивное переосмысление в барочной литературе. Языческие Марс и Венера, фурии и мойры утратили свою персонализацию, превратившись под влиянием контрреформации в метафорические фигуры (война, любовь, судьба и т.д.).

Подражая «исторической» части «Энеиды», польско-литовские литераторы преследовали две цели: либо создавался опус, играющий роль саги *origo gentis* («Палемониада», «Лехиада»), либо произведение становилось панегириком в стилистическом каноне эпоса, служившим цели глорификации адресата («Ягеллониада», «Радзивиллиада», «Баториада»). В рамках нашего диссертационного исследования важно еще раз подчеркнуть «историческое» начало античного эпоса, перенятое и адаптированное польско-литовскими авторами в эпоху раннего барокко. Можно констатировать, что на практике произошло сращивание роли историка и поэта. Поэзия могла раскрывать описываемые события с новой стороны. Благодаря ей можно было придать фактам определенный смысл, подчеркнуть или приуменьшить их значение, наполнить их эмоциональной окраской и т.д. На наш взгляд, наилучшим образом подобный симбиоз ролей историка и поэта иллюстрирует фигура М. Стрыйковского. Упомянутый автор известен потомкам сразу в двух ролях: как крупный историограф ВКЛ²⁸, составивший хронику на национальном языке²⁹, и как виднейший поэт XVI в.³⁰, способный на поэтическом поприще тягаться с поэтами древности³¹.

Отличительная черта литературы начального этапа барочного периода заключается в том, что в изучаемую эпоху растет количество авторов за счет выходцев из социальных слоев, которым ранее не была свойственна творческая активность. Расцвела мещанская поэзия: представители городских верхов (врачи, торговцы, ремесленники и т.д.) стали посвящать свой досуг литературному

²⁸ Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966. С. 7–9.

²⁹ Strykowski M. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi. Krolewiec, 1582.

³⁰ Голенищев-Кутузов И.Н. Итальянское Возрождение и славянская литература XV–XVI веков. М., 1963. С. 309.

³¹ Речь идет об эпической поэме Стрыйковского «О началах...». Оригинальная рукопись датируется 1577 годом. Труд был издан только в XX веке: Strykowski M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego / oprac. J. Radziszewska. Warszawa, 1978.

творчеству. Новые авторы заявляли о себе, и их творчество вовсе не ограничивалось небольшими фразками. Например, не знавший университетского образования блестящий самоучка³² М. Бельский создал фундаментальную *Kroniku wszystkiego świata*³³ на польском языке, не уступавшую по информативности сочинениям профессиональных европейских хронографистов³⁴.

Появились люди, для которых занятия литературой были не просто увлечением, а настоящей профессией. В изучаемый период стремительно множилось число «домашних поэтов» – авторов, переходящих от одних меценатов к другим и занимающихся глорификацией своих покровителей. Так, например, М. Пашковский, лишившийся своих земельных владений в ходе польско-шведских конфликтов в Прибалтике, известен исследователям как очень бедный поэт³⁵, занявшийся литературой в корыстных целях, так как «судьбу свою рифмами поправить»³⁶ надеялся. Авторы, связавшие свою жизнь с таким видом литературной деятельности, находились в постоянном поиске меценатов. Своим творчеством они всячески старались угодить патронам, а участие представителей польских знатных родов в событиях Смуты как раз дало широкий простор для воспевания новых героев и обличения враждебных москвитов. Обилие новых заурядных поэтов, чьим творчеством была ознаменована польско-литовская литература периода Смутного времени, позволило А. Ошченде заключить, что поэзия и проза той эпохи выделяется количеством, но никак не качеством своего материала³⁷.

Отдельного упоминания заслуживают жанры, в которых изначально информативно-новостной аспект был приоритетным. Тиражирование т.н. летучих

³² Bibliografia Literatury Polskiej – Nowy Korbut. T.2: Piśmiennictwo Staropolskie. Warszawa, 1964. S. 27–30.

³³ Bielski M. Kronika wszystkiego świata na sześć wieków, monarchie cztery rozdzielona, z kosmografią i z rozmaitemi królestwami, tak pogańskimi, żydowskimi, jako i krześcijańskimi, z Sybillami i proroczwami ich, po polsku pisana, z figurami, w której też żywoty cesarskie, papieskie i tych królów z ich królestwami, asyryjskich, egipskich, żydowskich, greckich, perskich, tureckich, węgierskich, czeskich i innych królów, książąt, jako innych przelożonych, od początku świata aż do tego roku, który się pisze 1551, są wypisane, między którymi też nasza Polska na ostatku z osobna jest wypisana. Kraków, [1551].

³⁴ Карнаухов Д. В. Польскоязычная историческая книга в интеллектуальной культуре эпохи Возрождения // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 34–35.

³⁵ Juszyński H. Dykcjonarz poetow polskich. T.2. Kraków, 1820. S. 47.

³⁶ Siarczyński F. Obraz wieku panowania Zygmunta III, króla polskiego i szwedzkiego, zawierający opis osób żyjących pod jego panowaniem. T. 2. Lwów, 1828. S. 62.

³⁷ Oszczęda A. Mała Iliada – Nemezis kraju północnego Jakuba Duszy Podhoreckiego // Napis. 2001. Seria VII. S. 135.

листов на польско-литовских землях интенсифицировалось во второй половине XVI в. События Ливонской войны и Люблинская уния, череда интеррексий в Польше и последующие избрания новых монархов – подобные события неизбежно становились главной темой многочисленных эфемерид. Литературное поле было наполнено различными новостями, и в 1570-х гг., например, ежегодно выпускались десятки различных новостных изданий³⁸.

Следующего витка своего развития информационный бум достигает в первые два десятилетия XVII в. В это время активно печатались новости о польско-шведском противостоянии в Прибалтике, и каждый год выходило по несколько информационных брошюр на эту тему. Не упускался ни один крупный успех – так, например, на польском, немецком, итальянском и латинском языках сразу же в 1605 г. была воспета в летучих листах победа Я. Ходкевича над войсками Карла IX при Кирхгольме³⁹.

Далее, начиная уже с того же 1605 г., в польско-литовском новостном пространстве возникает новая тема, приковавшая к себе пристальное внимание читающей аудитории: Речь Посполитая наполнилась срочными новостями о начавшихся «димитриадах». Поддержанное польско-литовской шляхтой предприятие самозваного царевича, нацелившегося на московский престол, будоражило умы современников. Со смертью Бориса Годунова и вступлением Лжедмитрия в столицу, казалось, оставался один шаг до унии с Москвой и превращения Речи Посполитой уже в республику не двух, но трех народов. Тем не менее, этому не суждено было сбыться ввиду восстания 27 мая 1606 г., в результате которого был убит как сам царевич, так и пострадало множество гостей свадьбы из Польши и Литвы.

³⁸ Например, 21 издание в 1574, и 27 – в 1577. Статистика взята из: Digital Library of Polish and Poland-Related News Pamphlets [Электронный ресурс] / Электронная библиотека Польской академии наук. URL : <http://cbdu.ijp.pan.pl/view/year/> (дата посещения: 20.11.2023).

³⁹ Avviso della gran vittoria ottenuta da Sigismondo III, re di Polonia, appresso Riga, il 27 settembre 1605, contro il duca Carlo di Sudermania. Roma, 1605; Ein neues Lied von der Belagerung der Stadt Riga und Schlacht bei Kirchholm zwischen dem Feldobersten von Polen Johann Karl Chodkiewicz und Herzog Karl aus Schweden am 27. September 1605. [s.l.], 1605; Mercurius Sauromaticus sive rerum in septentrionalibus regnis in decursu 1605 anni gestarum relation. Mainz, 1606; Nowiny z Inflant o porażce, która się stała nad Karolem, księciem Sudermańskim przez Jana Karola Chodkiewicza dnia 27 września 1605. Kraków, 1605; Wahrhaftige Neue Zeitung und Beschreibung der sieghaften Schlacht Sigismundi III., Königs von Polen, durch Carolum Chodkiewicz mit Carolo Fürsten von Sudermanland. [s.l.], 1605.

Смута в России приковала к себе внимание жителей Речи Посполитой: интерес к событиям в соседнем государстве подогревался тем фактом, что кризисные явления внутри обеих держав обнаруживали между собой определенное сходство. Идеи, что Смута не была собственно «русской», но имела более масштабный, региональный характер, часто высказываются в современной исторической науке⁴⁰. В польской полемике многим российским событиям того времени современники находили польские аналогии. Например, подчеркивалась сходность судеб Сигизмунда III и (лже)царевича Дмитрия Ивановича – как шведского короля с законного престола низверг Карл IX, так и узурпатор Борис Годунов лишил Дмитрия царственного венца. Ввиду этого ряд листовок даже провозглашал польского короля и московского царевича «братьями» по судьбе⁴¹. Не избежали сравнения и внутренние неурядицы в обоих государствах – так в своей бессмысленности и кровавости рокош Зебжидовского сопоставлялся полемистами с вооруженными народными волнениями в Московском государстве⁴².

Подобные нюансы смогли запечатлеть летучие листы интересующего нас временного периода. Прежде всего, специфика подобного вида литературных источников требует от нас уточнения используемой терминологии. Летучая пресса той эпохи, чаще всего, скрывалась под титулами: *Listy / Gazety Ulotny, Nowiny, Opisy, Efemerydy, Relacji, Doniesienia, Pisma* в польской традиции, *Zeitungen, Neue Zeitungen, Flugblätter, Nachrichtenblätter, Einblattdrucke, Flugblattdrucke* – в немецкой, *Feuilles d'actualité, Feuilles d'information, Feuilles volantes, Occasionnels, Canards* – во французской, и *Avvisi, Lettere, Relazioni* в итальянской. Истоки самого словосочетания «летучая газета» принято искать в средиземноморском регионе. Этимология слова «газета», по мнению специалистов, выводится от итальянского

⁴⁰ Например, см.: Пенской В. В. Русская Смута начала XVII в. – локальное явление или часть общемирового процесса? // *Смутное время в России: конфликт и диалог культур*. СПб., 2012. С. 234–239.

⁴¹ Grochowski S. *Piesni na fest ucieszny wielkim dwiema narodom polskiemu y moskiewskiemu, przemoznego monarchy Dymitra Iwanowica cara moskiewskiego [...]* od autora powtore wydane, z przyczynieniem niektorych rytmow, do slawy tegoz wielkiego cara sluzacych. Kraków, 1606. A4v–B1r.

⁴² Paszkowski M. *Wizerunk wiecznej slawy Saurmatow starych, pobudzający młodź rycerską ku naśladowaniu spraw ich. Od szlachetnej Pallady, z Gniazda cnót ich, w ojczystym Parnasie wbudowany. A przez Marcina Paszkowskiego, z przykłady mężów rzymskich, onych wielkich miłośników Ojczyzny, opisany i wydany. Hic sibi delegit sedem pulcherrina virtus, Hinc sua Sauromatas, fors super astra vehit.* Kraków, 1613. A4v–B2r.

«gazzetta» – разменная монета, за которую покупались первые новостные листы⁴³. В XVI столетии термин закрепился в качестве названия для категории новостных листовок, как правило, злободневного содержания, и выходит уже за пределы итальянских земель.

Впервые к теме летучих газет в польской библиографии историки обратились в первой четверти XIX в. Первооткрывателем здесь можно назвать исследователя Ф. Бентковского, который в 1814 г. в своем труде «История литературы польской» отметил, что при короле Владиславе IV широко распространилась новостная печать, но так как эти издания не имели периодический характер, их нельзя было отнести к обычным газетам⁴⁴. Понадобилось ввести в научный оборот новую категорию для классификации таких изданий – «летучие листы».

В 1816 г. в исследовательском очерке «О первых периодических изданиях на польском языке» А. Т. Хлендовский также коснулся темы летучих газет. Важным шагом в понимании феномена летучей печати была констатация частого использования стихотворных форм в эфемеридах, что отличает их от появившихся позднее первых периодических новостных изданий⁴⁵. В статье 1819 г. «Краткие известия о польских газетах» Е. С. Бандтке утверждал, что уже в XVI в. зачастую после крупных битв издавались новостные авизы. Исследователь отметил многоязычие летучих изданий⁴⁶, заключавшееся в том, что один и тот же новостной памятник мог выпускаться сразу на нескольких разных языках. Летучие листы ориентировались не только на читателей Речи Посполитой, но и стремились охватить аудитории прочих европейских государств.

В библиографии спор о статусе таких листовок (были ли они протогазетами или же имели обособленный статус) протекал на протяжении всей первой половины XIX в. Так, например, К. Майерановский не относил летучую печать к отдельному явлению, а «новины», печатавшиеся по итогам сражений, считал

⁴³ Enciclopedia italiana di scienze, lettere ed arti. T. 16. Roma, 1949. S. 470.

⁴⁴ Bentkowski F. Historia Literatury polskiej. T. 2. Warszawa, 1814. S. 671.

⁴⁵ Chłędowski A. T. O początkowych pismach periodycznych w języku polskim. „Pamiętnik Lwowski”. T.1. Lwow, 1816. S. 122–133.

⁴⁶ Bandtkie J. S. Wiadomość krótka o Gazetach Polskich, czytana na posiedzeniu Towarz. 15 Maia 1817 // Rocznik Towarzystwa Naukowego z Uniwersytetem Krakowskim Połączonego. T. 4. Kraków, 1819. S. 205.

«первыми периодическими изданиями»⁴⁷. Против этого мнения выступал Франтишек Шарчиньский. В монографии «Картина времени правления Сигизмунда III» автор отводил летучим изданиям особый статус и отделял их от обычных периодических газет⁴⁸. Согласно Шарчиньскому, летучие листы отличались нерегулярностью, могли быть полностью посвящены известиям из других стран, носили злободневный характер, сообщали, как правило, не больше одной крупной новости, информация могла подаваться в них в стихотворной форме, а сами листовки могли печататься в походных условиях.

Дальнейшее изучение летучих листов шло в русле поиска и накопления новых титулов новостных эфемерид за XVI–XVII в. Существенно обогатилась библиография благодаря трудам М. Вишневого⁴⁹ и В. А. Мацеевского⁵⁰ – силами обоих исследователей параллельно были составлены работы каталожного типа, в которых были произведены попытки введения классификации летучих изданий. Газеты делились по формальным, внешним признакам: подписанные или анонимные, написанные в стихах или в прозе, листовые или брошюрные формы издания и т.д.

В исследовательском очерке Ф. М. Собешчаньского «Газеты польские»⁵¹ высказывались другие идеи по классификации. Вместо искусственной рубрикации, автор предложил провести более детальное изучение терминологии титулов летучих листов. Собешчаньский искал отличительные черты «писем», «новин», «реляций», «описаний», «авизов» и т.д. Это можно назвать магистральным направлением для изучения летучих листов во второй половине XIX в.: акцент ставился уже не на изучение внешних атрибутов издания в русле научной библиографии, а на анализе самого текста. Летучие листы получили большее, чем в предыдущий период, внимание со стороны исторической науки.

⁴⁷ Majeranowski K. Wiadomość historyczno-krytyczna o pismach periodycznych najdawniejszych czasów aż do roku 1826 alfabetycznie zebrane // Flora Polska. T. 5. Kraków, 1826. S. 35.

⁴⁸ Siarczyński F. Obraz wieku panowania Zygmunta III, króla polskiego i szwedzkiego. T. 1. Poznań, 1843. S. 178–182.

⁴⁹ Wiszniewski M. Historia literatury polskiej. T. VIII. Kraków, 1851. S. 44–55.

⁵⁰ Maciejowski W. A. Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830. T. II. Warszawa, 1852. S. 675–677.

⁵¹ Sobieszkański F. M. Czasopisma polskie // Encyklopedia Powszechna Orgelbranda. T. IV. Warszawa, 1861. S. 304–306.

Подход к летучей газете, как к особому виду исторического источника, можно встретить в работах К. Бонковского⁵², С. Горского⁵³ и В. Чаевского⁵⁴.

Нового витка своего развития тема летучей печати достигла в Польше уже только в послевоенные годы. В исторической науке на всемирном уровне актуализировалась тема изучения пропаганды, и летучая пресса XVI–XVII вв. попала в это русло⁵⁵. Исследователи по-разному отвечали на вопрос, какой же мотив доминировал в летучей прессе – новостной или информационно-пропагандистский, так как моральная оценка событий приводится в подавляющем количестве новостных эфемерид. Исследователь А. Керстен в своих работах призывал коллег не впадать в крайности и доказывал, что в изучаемых источниках вполне гармонично уживались оба начала⁵⁶.

В последние десятилетия в изучении темы летучей печати в Речи Посполитой доминирует тенденция публикации не обобщающих работ, но узкоспециализированных исследований. Изучением раннего этапа существования летучих газет на польских землях занимался Я. Пирожинский⁵⁷. Феномену смены летучих новостных изданий регулярно выходящими газетами в эпоху «Шведского потопа» посвятил отдельное исследование Я. А. Дроб⁵⁸.

Отдельного упоминания заслуживают труды К. Завадского, составившего самый полный на сегодняшний день трехтомный каталог летучих газет⁵⁹. Свои изыскания по летучим листам Завадский подытожил в монографии «Начала польской прессы»⁶⁰. Исследователь предлагал словосочетанием «gazeta ulotna»⁶¹ суммировать всю совокупность новостных эфемерид. «Летучесть» библиографом

⁵² Bąkowski K. Dziennikarstwo krakowskie do roku 1848 // Rocznik Krakowski. Kraków, 1906. S. 129–138.

⁵³ Gorski S. Dziennikarstwo polskie. Warszawa, 1905.

⁵⁴ Czajewski W. Warszawa ilustrowana. T. VII. Czasopiśmiennictwo. Warszawa, 1896.

⁵⁵ Zawadzki K. Początki prasy polskiej: gazety ulotne i seryjne XVI–XVIII wieku. Warszawa, 2002. S.18–19.

⁵⁶ Kersten A. W sprawie badań nad początkami prasy polskiej // Kwartalnik Historyczny. 1963. Z. 1. S. 69–83.

⁵⁷ Pirożyński J. Z dziejów obiegu informacji w Europie XVI wieku. Nowiny z Posłki w kolekcji Jana Jakuba Wicka w Zurychu z lat 1560–1587. Kraków, 1995.

⁵⁸ Drob. J. A. Obieg informacji w Europie w połowie XVII wieku. Lublin, 1993.

⁵⁹ Zawadzki K. Gazety ulotne polskie i Polski dotyczące XVI–XVIII wieku. Bibliografia. T. 1. 1514–1661. Wrocław, 1977; T. 2. 1662–1728. Wrocław, 1984; T.3. 1501–1725. Wrocław, 1990.

⁶⁰ Zawadzki K. Początki prasy polskiej: Gazety ulotne i seryjne XVI–XVIII wieku. Warszawa, 2002.

⁶¹ Zawadzki K. Szesnastowieczne gazety ulotne polskie i Polski dotyczące. Terminologia. Definicja. Charakterystyka. Zagadnienia edytorskie i topograficzne // Rocznik Historii Czasopiśmiennictwa Polskiego. T. XI/1. S. 6.

противопоставлялась «регулярности» первых газет, появившихся позже⁶². Также, К. Завадский попытался дать научное определение понятию «летучее издание». Согласно его мнению, летучая газета, это – «стихотворное либо прозаическое издание, преимущественного небольшого объема, содержащее одну или несколько актуальных новостей из Речи Посполитой либо зарубежья. По содержанию летучие листы носили, как правило, политический, религиозный либо сенсационный характер, выпускались по случаю важных или необычайных событий, способных широко привлечь общественный интерес»⁶³.

Степень изученности темы. «“Смутоведение” – наука очень молодая»⁶⁴ – такими словами А. Ю. Дворниченко начал свои размышления в недавно опубликованной статье о состоянии современных специализированных исследований, посвященных драматическим событиям русской истории рубежа XVI–XVII вв. Отметим, что указанная отрасль исторических знаний представляется не только молодой, но и активно развивающейся. Немного более десяти лет прошло с момента, когда вышла статья А. А. Селина о магистральных направлениях в современном “смутоведении”⁶⁵, а основные исследовательские тренды уже значительно изменились.

С точки зрения источниковедения, в последнее время наблюдается стремительный рост интереса историков к памятникам, которые ранее традиционно относились к сфере научных интересов лингвистов и филологов. Польскими учеными при поддержке варшавского научного издательства «Neriton» был запущен процесс переиздания и научного комментирования текстов «малых литературных форм» периода Смуты. Своеобразным манифестом этого течения можно считать антологию А. Ошченды «Московский Марс»⁶⁶, в которой под одним переплетом воспроизводится множество малоизученных разножанровых

⁶² Ibid. S. 9.

⁶³ Zawadzki K. Szesnastowieczne gazety ulotne polskie i Polski dotyczące. Terminologia. Definicja. Charakterystyka. Zagadnienia edytorskie i topograficzne // Rocznik Historii Czasopiśmiennictwa Polskiego. T. XI/1. S. 12.

⁶⁴ Дворниченко А. Ю. Смута как фактор российской истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 677.

⁶⁵ Селин А. А. Смутное время в историографии последних лет // Смутное время в России: конфликт и диалог культур. Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 12–14 октября 2012 года. СПб., 2012. С. 223–227.

⁶⁶ Moskiewski Mars. Wiersze polskie czasu pierwszej dymitriady (1605–1612). Antologia / oprac. A. Oszczyda. Warszawa, 2016.

памятников, проливающих свет на социально-политические реалии России и Речи Посполитой в годы Смутного времени.

Переиздание и научное комментирование малоизвестных литературных памятников периода Смуты представляется нам главным трендом в современном польском “смутоведении”. Помимо этого, промежуточные результаты исследований польских специалистов, имеющих дело с упомянутым выше пластом источников, активно публикуются журналом Института литературных исследований Польской академии наук «Napis». Указанное периодическое научное издание дополнило и существенно доработало методологическую концепцию С. Скварчинской. Центральной идеей журнала является пересмотр польско-литовского литературного наследия сквозь призму новейших методологических школ, что полностью созвучно замыслу нашего диссертационного исследования. В разные годы на страницах журнала «Napis» свои статьи, близкие к теме представленной диссертации, публиковали: А. Будзиньска-Даца⁶⁷, М. Куран⁶⁸, М. Ярчикова⁶⁹, М. Кшиштофик⁷⁰, П. Борек⁷¹, Р. Кшивы⁷², Я. Недзведзь⁷³ и прочие авторы, чьи работы были учтены в рамках нашего исследования и упомянуты в соответствующих главах.

В отечественной историографии последних лет тема нашего диссертационного исследования получила куда меньше внимания со стороны специалистов, что обуславливает краткость приведенного очерка о степени изученности выбранной нами научной проблемы. Мы намеренно не выносим отдельно использованные в рамках подготовки работы фундаментальные

⁶⁷ Budzyńska-Daca A. O cudownym rozmnożeniu Dymitrów, czyli retoryka wielkiej mistyfikacji // Napis. 2006. Seria XII. S. 157–169.

⁶⁸ Kuran M. Pamięć o heroicznym czynach i cnotach rycerskich sławnych obrońców ojczyzny utrwalona w kazaniach funeralnych Fabiana Birkowskiego OP // Napis. 2019, Seria XXV. S. 37–63; Kuran M. Moskiewska trylogia Jana Żabczyca // Napis. 2006. Seria XII. S. 109–126.

⁶⁹ Jarczykowska M. Sponsorowana pochwała. Funeralia Radziwiłłowskie z XVII wieku napisane na zamówieni // Napis. 2019. Seria XXV. S. 19–36.

⁷⁰ Krzysztofik M. Siedemnastowieczne kalendarzowe poglądy na temat problemów zewnętrznych i wewnętrznych Rzeczypospolitej szlacheckiej // Napis. 2006. Seria XII. S. 7–20.

⁷¹ Borek P. Hetman Stanisław Żółkiewski w poezji rokokowej z lat 1606–1608 // Napis. 2006. Seria XII. S. 49–63.

⁷² Krzywy R. Adama Władysławiusza lamenty „moskiewskie” w imieniu kobiet pisane // Napis. 2006. Seria XII. S. 197–207.

⁷³ Niedźwiedz J. Polska i szwedzka epika propagandowa w pierwszej połowie XVII wieku // Napis. 2006. Seria XII. S. 319–330.

исследования по истории Смутного времени, так как нами разрабатывался именно узконаправленный сюжет в «смутоведении»: динамика антироссийской пропаганды периода Смуты на материале специфических источников «малых литературных форм». Среди авторов, работавших над этим сюжетом в последние годы, необходимо отметить Д. И. Антонова⁷⁴, Л. М. Аржакову⁷⁵, Д. В. Карнаухова⁷⁶, А. И. Цепкова⁷⁷ и Н. В. Эйльбарт⁷⁸. Достижения прочих русскоязычных исследователей будут упоминаться непосредственно в тексте диссертационного исследования в контексте степени изученности использованных нами памятников.

Научная новизна исследования. Как было указано выше, на сегодняшний день в Польше наблюдается активный процесс переиздания и научного комментирования новых литературных источников по истории Смутного времени. На этом фоне принципиальным новшеством нашей работы является взгляд на разножанровые памятники «малых литературных форм» как на единый пласт источников, скрепленный утилитарным единством. Одновременное изучение большого количества жанрово неоднородных текстов в контексте их воздействия на информационное пространство Речи Посполитой позволяет получить новые данные о социально-политической обстановке в государстве, которое напрямую влияло на развитие кризисных явлений в России.

Предложенная попытка генерализации изученных источников не только способствует преодолению наметившегося разрыва в источниковедческом пространстве между российскими и польскими коллегами, но и предвосхищает

---

⁷⁴ Антонов Д. И. Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII в. М.: РГГУ, 2009. Антонов Д. И. Потешный ад Лжедмитрия, или монстр на Москве-реке // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Вып. 2 / Отв. ред. и сост. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова. М., 2013. С. 45–56.

⁷⁵ Аржакова Л. М. Турецкая тема в «Сеймовых проповедях» Петра Скарги // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 5. СПб., 2005. С. 75–86.

⁷⁶ Карнаухов Д. В. Исторический образ Московии в польской хронографии эпохи Возрождения // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 10. С. 101–114; Карнаухов Д. В. Концепция истории Средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск, 2010; Карнаухов Д. В. Проблема русских летописных источников Яна Длугоша и Мачея Стрыйковского в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346. С. 69–73.

⁷⁷ Записки Станислава Немоевского (1606—1608). Рукопись Жолкевского / Подготовлено к изданию Цепковым А. И. Рязань, 2006.

⁷⁸ Эйльбарт Н. В. Морально-нравственный аспект поддержки польской шляхтой русских самозванцев начала XVII века: по источникам польско-литовского происхождения // Научный диалог. 2017. № 1. С. 204–214; Эйльбарт Н. В. «Гораций для Марины Мнишек»: герои Смутного времени в поэзии Себастьяна Петрици // Научный диалог. 2017. № 2. С. 216–233.

будущие исследования, направленные на интерпретацию феномена бытования антироссийских памятников «малых литературных форм» на территории Речи Посполитой в годы Смуты. Представленная диссертация рассматривается нами как необходимая ступень в процессе введения в научный оборот новых источников (прежде всего, перевод текстов «малых литературных форм» и комментариев к нему) по истории Смутного времени.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, а также списка использованных источников и литературы.

Глава I посвящена изучению разножанровых текстов, из которых обыватели Речи Посполитой могли узнать новости о социально-политическом кризисе в России до официального объявления войны Сигизмундом III в 1609 г. Первый параграф указанной главы суммирует образ польско-русских отношений в литературе Речи Посполитой накануне Смутного времени. Во втором параграфе были изучены исторические памятники, возникшие под влиянием похода Лжедмитрия I на Москву. Авторы агитировали шляхту поддержать «царевича Дмитрия», так как это могло принести множество выгод для Речи Посполитой. В третьем параграфе анализируется ситуация в польско-литовской литературе, сложившаяся после смерти лжецаревича в 1606 г. Литераторы пытались осознать смысл произошедшей трагедии, а памятники этого периода транслировали совершенно полярные взгляды: одни писатели опасались последствий вмешательства во внутренние дела Московского царства, другие настаивали на необходимости новой войны против соседнего государства.

В Главе II сквозь призму исторических памятников «малых литературных форм» анализируется путь Речи Посполитой к прямому объявлению войны России. Первый параграф второй главы посвящен устоявшимся в польско-литовском обществе воззрениям на допустимость наступательной войны, что представляется важной темой для исследования в контексте осады Смоленска в 1609 – 1611 гг. Во втором параграфе описывается влияние актуальных социально-политических событий, с которыми Речь Посполитая столкнулась до и во время Смутного времени, на рост числа издаваемых антироссийских сочинений. Третий и

четвертый параграфы посвящены творчеству отдельных авторов, чья деятельность заметно выделялась в истории распространения антироссийской пропаганды: П. Пальчовскому и М. Пашковскому.

В Главе III, которая также разделена на четыре параграфа, была предпринята попытка интерпретировать рост антироссийских настроений в литературе Речи Посполитой в связи с целенаправленной деятельностью Сигизмунда III и его окружения. В первом параграфе нами было показано, как военный поход короля на Смоленск привел к значительному росту числа антироссийских пропагандистских акций. Второй параграф посвящен королевскому триумфу в Вильне и его роли в информационной кампании Сигизмунда III. Третий параграф содержит в себе анализ основных смыслообразующих дискурсов пропагандистской литературы, с помощью которых объяснялась война с Россией и необходимость ее продолжения. В последнем параграфе Главы III продемонстрировано, что пропагандистская литература не смогла реально повлиять на своих адресатов. Указанное обстоятельство привело к неудачному исходу варшавского сейма 1611 г. для королевских планов, связанных с овладением московским престолом.

Основные научные результаты:

1. Создана концепция, обосновывающая возможность использования разножанровых памятников «малых литературных форм» польско-литовского происхождения при изучении общественных настроений, ожиданий и опасений в Речи Посполитой, возникших из-за участия магнатов и короля в событиях Смуты в России⁷⁹.

2. Реконструирована и изучена модель функционирования антироссийской пропаганды с выделением основных акторов, которая дает новое знание в области социальной и культурной истории Речи Посполитой и России в период Смутного времени⁸⁰.

⁷⁹ Прохоренков И. А. Проект польско-российской унии и посольство Льва Ивановича Сапеги 1600 г. на страницах рифмованного диариуша Гелиаша Пельгримовского // Вестник СПбГУ. История. 2018. № 3. С. 708–709; Прохоренков И. А. Польско-литовская поэтическая пропаганда и ее образный ряд (на примере редких изданий панегирической поэзии эпохи первой димитриады в коллекциях РНБ) // Книжная старина. Вып. 4. 2018. С. 42–43.

⁸⁰ Прохоренков И. А. Возвращаясь к исконным рубежам: проблемы взаимоотношений и границ между Речью Посполитой и Московским Царством в поэзии Марчина Пашковского // История. Историка. Источники. 2016. № 4. С. 54–56.

3. Выдвинута и обоснована гипотеза о том, что рост антироссийской пропаганды в Речи Посполитой в первые десятилетия XVII в. был напрямую связан с деятельностью королевского двора Сигизмунда III. Прочие политические силы в государстве – магнатские и шляхетские группировки – играли в этом процессе второстепенную роль на фоне активной работы королевской канцелярии⁸¹.

4. Предложена периодизация развития антироссийской пропаганды Речи Посполитой в начале XVII в. Выявлены основные хронологические этапы, через которые прошла польско-литовская читающая общественность на пути от опасений по поводу последствий войны к принятию конфронтации с Россией⁸².

Основные научные результаты диссертационного исследования также представлены в научных публикациях:

1. Прохоренков И. А. Павел Влодковиц. Конфликт Польши и Немецкого ордена на Констанцском соборе [Электронный ресурс] // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXIII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (26–29 ноября 2013 года) / Под.ред. А. Ю. Прокопьева. СПб., С. 103–110. (РИНЦ).

2. Прохоренков И. А. «Наши в сумраке багровом к стенам с бомбами пришли...». Штурм Смоленска глазами польского поэта // Родина. 2013. № 9. С. 29–30. (ВАК).

3. Прохоренков И. А. Загадка соавтора «Хроники Европейской Сарматии» Александра Гваньини (по поводу книги Михала Курана «Marcin Paszkowski – poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku») // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 1. С. 193–205. (ВАК, SCOPUS).

4. Прохоренков И. А. Войны за Прибалтику во второй половине XVI века в хронике Александра Гваньини: «...а с тех времен земля Инфлянтская Польше и

⁸¹ Прохоренков И. А. Военная и политическая печатная пропаганда Речи Посполитой в конце XVI – начале XVII века: Печатники на королевской службе // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2021. № 2. С. 58–61.

⁸² Прохоренков И. А. Польско-литовская литературная пропаганда периода Смутного времени: к вопросу периодизации // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 24–25 мая 2022 г. / Отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. С. 43–47.

Литве всегда принадлежала и принадлежит» // История. Историки. Источники. 2015. № 3. С. 43–55. (РИНЦ).

5. Lisichenok E. A., Prohorenkov I. A. Dyskurs orientalny w antymoskiewskim utworze Marcina Paszkowskiego „Posiłek Bellony słowieńskiej” // Res Historica. № 40. 2015. P. 115–125. (VazHum).

6. Прохоренков И. А. Возвращаясь к исконным рубежам: проблемы взаимоотношений и границ между Речью Посполитой и Московским Царством в поэзии Марчина Пашковского // История. Историки. Источники. 2016. № 4. С. 53–67. (РИНЦ).

7. Прохоренков И. А. Собирая древнерусское наследство: дискурсы истории и географии русских земель в хронографах XVI – первой четверти XVII вв. и в восточноевропейском историческом нарративе // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 63–71. (ВАК).

8. Прохоренков И. А. Проект польско-российской унии и посольство Льва Ивановича Сапеги 1600 г. на страницах рифмованного диариуша Гелиаша Пельгримовского // Вестник СПбГУ. История. 2018. № 3. С. 702–717. (ВАК, SCOPUS).

9. Прохоренков И. А. Польско-литовская поэтическая пропаганда и ее образный ряд (на примере редких изданий панегирической поэзии эпохи первой димитриады в коллекциях РНБ) // Книжная старина. Вып. 4. 2018. С. 41–56. (РИНЦ).

10. Прохоренков И. А. Военная и политическая печатная пропаганда Речи Посполитой в конце XVI – начале XVII века: Печатники на королевской службе // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2021. № 2. С. 53–63. (ВАК, SCOPUS).

11. Прохоренков И. А. Польско-литовская литературная пропаганда периода Смутного времени: к вопросу периодизации // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 24–25 мая 2022 г. / Отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. С. 43–47. (ВАК).

12. Прохоренков И. А. Смерть и воскрешение Лжедмитрия I. «Жизнь» царевича и судьба Москвы после восстания 27 мая 1606 г. глазами польских современников // Польза зело великая: сборник научных статей к 60-летию Андрея Владимировича Вознесенского / Отв. ред. Николаев Н. В. СПб., из-во. РНБ. 2022. С. 61–65.

13. Прохоренков И. А., Эйльбарт Н. В. Военная и политическая агитация Речи Посполитой против Ивана Грозного: по материалам разножанровых литературных памятников эпохи Ливонской войны // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 6. С. 432–448. (SCOPUS).

В рамках работы над диссертацией автор участвовал в гранте, связанном с темой своего исследования: Международный конкурс РГНФ – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований (БРФФИ) 2015 года. Проект: 15-21-01003 а(м). «Свои» и «чужие»: феномен пограничья в средние века и раннее новое время в Восточной Европе как фактор формирования социо- и этнокультурной идентичности населения регионов. Время участия в проекте: 2015–2016 гг.

Результаты работы также были представлены в 8 докладах на международных и всероссийских конференциях в ведущих научных учреждениях:

1. Прохоренков И. А. Марчин Пашковский – новые факты из биографии // Исторические портреты деятелей общей истории России и Польши. Международная научная конференция. Санкт-Петербург (Россия), Санкт-Петербургский государственный университет, 21–23 мая 2015 г.

2. Прохоренков И. А. Описание прошлого как описание другого: сравнение описания истории Древней Руси как части мировой истории в русских хронографах XVI-XVII вв. и восточноевропейском космографическом нарративе // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства в рамках проекта «Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей в XVI - сер. XVIII вв. в контексте зарождения современных наций в Европе». Минск (Республика Беларусь), Республиканский институт высшей школы, 4–6 ноября 2015 г.

3. Прохоренков И. А. Отражение проблем пограничья в нарративных памятниках // Белорусско-российский международный семинар: Проблемы изучения пограничья ВКЛ, России и других государств Восточной Европы в средние века и раннее новое время. Могилев (Республика Беларусь), Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, 16 августа 2016 г.

4. Прохоренков И. А. Собирая древнерусское наследство: дискурсы истории и географии русских земель в хронографах XVI – первой четверти XVII вв. и в восточноевропейском историческом нарративе // Международная научно-практическая конференция «XVI и XVII столетия в истории России: собрание народов, земель и времен (Мининские чтения–2016)» Нижний Новгород (Россия), Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 29 сентября – 1 октября 2016 г.

5. Прохоренков И. А. Польская летучая печать и борьба за Прибалтику в первой четверти XVII века: морфология нарративных стратегий // Первый Петербургский международный исторический форум. Санкт-Петербург (Россия), Санкт-Петербургский государственный университет, 29 октября – 3 ноября 2019.

6. Прохоренков И. А. Типографии на королевской службе Речи Посполитой в последней четверти XVI века // XXX научные чтения «Книжные редкости Российской национальной библиотеки». Санкт-Петербург (Россия). Российская национальная библиотека, 18 ноября 2020 года.

7. Прохоренков И. А. Польско-литовская антироссийская пропаганда периода Смутного времени // Научно-практическая конференция молодых специалистов к 225-летию со дня основания Российской национальной библиотеки «Традиции и новации» Санкт-Петербург (Россия), Российская национальная библиотека. 26–27 ноября 2020 года.

8. Прохоренков И. А. Польско-литовская литературная пропаганда периода Смутного времени: к вопросу периодизации // Славянский мир: общность и многообразие. Конференция молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. Москва (Россия), Институт славяноведения Российской академии наук, 24–25 мая 2022.

Положения, выносимые на защиту:

1. В период Смутного времени в Речи Посполитой было издано множество разножанровых памятников «малых литературных форм», в которых освещались различные обстоятельства социально-политического кризиса в России. Традиционно они изучались отдельно друг от друга и мало привлекались по истории Смуты. В представленном диссертационном исследовании показано, что единовременный анализ большого числа подобных источников представляется возможным ввиду их утилитарной целостности. Подобный подход помогает выявить основные нарративные стратегии, с помощью которых центральная власть Речи Посполитой объясняла необходимость войны против соседнего государства.

2. С точки зрения генезиса антироссийской пропаганды Речи Посполитой во время Смуты, можно выделить три периода в истории создания посвященных российской тематике сочинений. С 1604 по 1606 г. польскими и литовскими литераторами предполагалось мирное разрешение династического кризиса в России, что привело бы к упрочению отношений между соседними государствами. После 1606 г. авторы разделились в своих взглядах на ситуацию в Москве: одни предлагали дистанцироваться от российских социально-политических проблем, другие же призывали решить развязавшийся конфликт силовым путем. Начиная с 1609 г. пропаганда получила уже целенаправленный и организованный характер, что было связано с официальным объявлением войны России королем Сигизмундом III.

3. Активизация антироссийской литературной пропаганды в период Смоленской осады и во время празднований, устроенных в городах Речи Посполитой по случаю захвата неприступной крепости, привела к двойным результатам. С одной стороны, антироссийские тексты не смогли повлиять на настроения депутатов посольской избы во время варшавского сейма 1611 г., так как новые налоги на финансирование войны с Московским царством не были приняты. С другой стороны, настойчивое продвижение присоединения Смоленска в качестве оглушительного триумфа помогло смягчить удар по престижу центральной власти после того, как российская столица в 1612 г. все-же выскользнула из королевских

рук, а королевич Владислав остался русским царем только на бумаге. Для поддержания авторитета короны поражение необходимо было представить грандиозной победой, ввиду чего в пропаганде и распространялся «Смоленский триумф» Сигизмунда III.

Данные положения являются авторскими, оригинальными и предлагаются впервые.

Глава I. Речь Посполитая на пути к открытой интервенции в Россию

§ 1. Отношения с Москвой в польско-литовской литературе накануне Смутного времени⁸³

Истоки антироссийской пропаганды, ставшей массовым явлением в эпоху Смутного времени, обнаруживаются в литературных опытах периода Ливонской войны⁸⁴. Существуют две точки зрения на период формирования корпуса антимосковских поэтических трудов, связанных с войной за передел Прибалтики во второй половине XVI в.

С середины 60-х гг. ведет отсчет появления «ливонского» цикла Ж. В. Некрашевич-Короткая⁸⁵. Хронологически наиболее ранней рефлексией в поэзии на противостояние Польши и Литвы с одной стороны, и Москвы с другой, исследовательница называет труд И. Мюлиуса из Либенроде *Divina gratia*⁸⁶ (1564) и поэму *Conflictus ad Nevelam Polonorum cum Moschis*⁸⁷ (1568) Я. С. Семушевского⁸⁸. Мюлиус воспел победу Г. Ходкевича над П. Шуйским на Уле⁸⁹, положив начало литературной глорификации героев Ливонской войны. Я. Семушевский, в свою очередь, при описании сражения 19 августа 1562 г. под Невелем не останавливался подробно на персоналиях, но через раскрытие

⁸³ Данный параграф является переработанной и дополненной версией статьи: Прохоренков И. А. Проект польско-российской унии и посольство Льва Ивановича Сапеги 1600 г. на страницах рифмованного диариуша Гелиаша Пельгримовского // Вестник СПбГУ. История. 2018, № 3. С. 702–717.

⁸⁴ Подробнее см.: Прохоренков И. А., Эйльбарт Н. В. Военная и политическая агитация Речи Посполитой против Ивана Грозного: по материалам разножанровых литературных памятников эпохи Ливонской войны // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 6. С. 432–448.

⁸⁵ Некрашевич-Короткая Ж. В. Латиноязычные поэты XVI — XVII веков — просветители Беларуси и новолатинская поэзия как феномен белорусской книжной культуры // Роль просветителей в Беларуси и Турции: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19 апр. 2011 г. Минск: РИВШ, 2011. С. 85.

⁸⁶ Libenrodensi I. M. *Divina gratia imperante Sigismundo Augusto Polonorum rege potentissimo, Magno Lithuaniae Duce etc. Victoria de Moschis reportata a Magnifico Domino Gregorio Chodcieuitio Castellano Vilenensi, Capitaneo Grodnensi, stipendiarii militis supremo gubernatore*. Vienna, 1564.

⁸⁷ Semusouio I. S. *Conflictus ad Nevelam Polonorum cum Moschis*. Bononiae, 1568.

⁸⁸ Некрашэвіч-Короткая Ж. В. Беларуская лацінамоўная паэма: позні Рэнесанс і раннія Барока. Мінск, 2011. С. 91–92.

⁸⁹ Предположительно в это же время была составлена неизданная поэма Матея Стрыйковского, также посвященная триумфу при Чашниках. Подробнее см.: Дзярновіч О. І. Поэма Матея Стрыйковского «Битва под Улой» (1564 г.): Образный ряд и событийная конкретика // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 2 (8). С. 127–134.

отдельного военного эпизода вывел общую идею польско-литовского и московского непримиримого противостояния.

Белорусский литературовед С. В. Ковалев отмечал, что говорить о формировании в Речи Посполитой цельного корпуса антимосковских произведений уместно только применительно к концу 70-х – началу 80-х гг. XVI века⁹⁰. Несмотря на то, что по своей тематике от текстов Мюлиуса и Семушевского труды последующих авторов не сильно отличались, тем не менее, свою хронологию Ковалев объяснял географией изданий и этническим происхождением литераторов. Упомянутые Некрашевич-Короткой произведения издавались в заграничных типографиях книжниками, не имевшими прямую связь с польско-литовскими землями. В свою очередь, С. В. Ковалев акцентировал внимание на писателях и поэтах, длительное время проживавших непосредственно на территории Речи Посполитой, так как, по его мнению, именно культурная вовлеченность авторов в предмет своих описаний отличает произведения из “ливонского” корпуса источников от прочих антимосковских сочинений.

Своеобразным мостом, связавшим европейскую книжность с литературными традициями Речи Посполитой, можно назвать поэму *Panegyricus in excidium Polocense*⁹¹, изданную в 1580 г. в Падуе. Согласно точке зрения С. В. Ковалева, это произведение «подытоживает развитие латиноязычной поэзии Беларуси и Литвы в 50–70-е гг. XVI в., и вместе с тем является своеобразным прологом ее расцвета в 80–90-е гг.»⁹². Поэма родилась под пером выпускника Виленской иезуитской академии Б. Гиацинта.

Panegyricus in excidium Polocense был посвящен теме, которую можно назвать магистральной для польско-литовской поэзии 1580-х гг. – борьбе народов Речи Посполитой с «московской агрессией» во время Ливонской войны. Поэму Б. Гиацинта можно считать наглядным примером трансформации окказиональной

⁹⁰ Кавалёў С. Героіка-эпічная паэзія Беларусі і Літвы канца XVI ст. Мінск, 1993. С. 40–41.

⁹¹ Hyacinthius B. Panegyricus In Excidium Polocense atq[ue] in memorabilem Victoriam Stephani invictissimi Poloniarum Regis magniq[ue] Ducis Lituaniae ex potentissimo Moschorum Principe III. Cal. Septemb. MDLXXIX. Reportatam. Patavii, 1580.

⁹² Кавалёў С. Шматмоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага эпохі Рэнесансу. Мінск, 2010. С. 215.

поэзии в героический эпос⁹³, который, в свою очередь, стал ведущим жанром в рифмованной литературе позднего Ренессанса на польско-литовских землях⁹⁴. *Panegyricus* существенно повлиял на жанровую направленность последующих авторов, которые брались за антимосковские сюжеты.

Историческая основа поэмы Б. Гиацинта полностью затмевается ее художественными особенностями. Так, например, хоть поэма и была написана по случаю возвращения Полоцка, сам штурм города в ней практически не был отражен⁹⁵. Воспевая подвиг польско-литовского войска, автор предпочитал обходиться общими нарративными конструкциями. Антимосковская направленность текста раскрывается не через описание конфронтации с враждебным народом, но через очернение образа московского царя. Красной линией сквозь все произведение проходит противопоставление фигур «Короля» и «Тирана», за которыми читатель без труда мог разглядеть Стефана Батория и Ивана Грозного. В лице этих двух персон поэт противопоставляет республиканские порядки польско-литовского государства и «восточное варварство» Москвы. Для этого противостояния Б. Гиацинт видел только один исход и предрекал неминуемое падение «Тирана»:

«Справедливая слава уже получена, победа наша неизбежна:
возвысится Король, падет нынешний Тиран»⁹⁶.

Куда более обширную историческую основу получила вышедшая в 1582 г. в Вильне латиноязычная поэма Ф. Градовского *Hodoeporicon Moschicum*⁹⁷, являющаяся первым из многих произведений о радзивилловском рейде осенью 1581 г. по тылам московских войск.

⁹³ Отметим, сам автор в предисловии признавался, что на эпический жанр не претендует, так как не считает себя таким мастером, «qualis Homerus erat». Цит. по: Huacynthius B. Panegyricus In Excidium Polocense... Patavii, 1580. P. 2.

⁹⁴ Кавалёў С. Шматмоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага эпохі Рэнесансу. Мінск, 2010. С. 216.

⁹⁵ Подробнее см.: Некрашэвіч-Короткая Ж. В. Беларуская лацінамоўная паэма: позні Рэнесанс і раньняе Барока. Мінск, 2011. С. 92–100.

⁹⁶ Латинск.: «Legitimus sit honos, velut est, victoria certe / Nostra manet, stabit Rex, corruet ille Tyrannus». Цит. по: Huacynthius B. Panegyricus In Excidium Polocense... Patavii, 1580. P. 13.

⁹⁷ Gradovio F. Hodoeporicon Moschicum illustrissimi principis ac domini, domini Christophori Radiwilonis. Vilnae, 1582.

Открывается *Hodoeporicon Moschicum* описанием подвигов Н. Радзивилла – отца главного героя поэмы. Градовский сообщал о победе гетмана великого литовского над П. Шуйским на Уле в 1564 г., после чего сразу переходил к описанию похода Х. Радзивилла. Таким образом, поэт подчеркивал преемственность воинских традиций между двумя ступенями поколений рода Радзивиллов.

Автор подробно описал радзивилловский рейд, но антимосковская составляющая его произведения меркла на фоне главного мотива произведения – возвеличивания рода Радзивиллов. Градовский создал образ мудрых и справедливых защитников своего отечества, ввиду чего поход Христофора представлялся не как внезапная атака вглубь московских территорий, но как защита собственных рубежей: «так москвиты, неописуемым ужасом преследуемые, со своих позиций бегут **назад к родным укреплениям** (выделено мной – И. П.)»⁹⁸.

Продолжение и развитие тема оборонительной войны с Москвой и особой роли Радзивиллов в военных действиях получила в творчестве А. Рымши. Как отметил С. В. Ковалев, история радзивилловского рейда стала крайне популярной в эпической поэзии конца XVI в., так как «полулегендарный, фантастический по своей дерзости поход Х. Радзивилла вглубь московских земель, безусловно, выделялся среди других эпизодов последнего периода Ливонской войны, напоминая славные походы древнерусских князей и средневековых рыцарей. Названия городов, сел, рек, озер таинственной «варварской» Московии звучали для читателей из Речи Посполитой экзотично и таинственно, будто речь шла о далеких и совершенно неведомых землях»⁹⁹.

Поэма Рымши *Deketeros akroama, to jest Dziesięćroczna powieść wojennych spraw*¹⁰⁰ занимает 2184 рифмованные строки, что практически в три раза превышает объем произведения Градовского. Выбранный поэтом для своего текста

⁹⁸ Gradovio F. *Hodoeporicon Moschicum*. Vilnae, 1582. D1r.

⁹⁹ Кавалёў С. Шматмоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага эпохі Рэнесансу. Мінск, 2010. С. 224.

¹⁰⁰ Rymśza A. *Deketeros Akroama to jest dziesięćroczna powieść wojennych spraw oświeconego księżęcia i pana, pana Krzysztofa Radziwiła, księżęcia na Birzach i Dubinek, pana trockiego, podkanclerzego Wielkiego Księstwa Litewskiego i hetmana polnego, borysowskiego, soleckiego etc. starosty. Ku temu posługi niektórych rotmistrzów i ludzi rycerskich pod sprawą jego mości będących są przypomniane i imiona napisane, która się poczyna od roku po narodzeniu Pana Chrystusowym 1572 aż do roku, który pisano 1582. Wilno, 1585.*

польский язык показывает предполагаемых адресатов поэмы: она предназначалась не только для образованных верхов Речи Посполитой, но и для рядовых читателей. Этим же объясняются и особенности аллюзивного ряда в тексте Рымши – действующим лицам поэмы подбираются аналоги не только среди героев Античности, но и находятся прототипы из собственной истории. Так, например, Х. Радзивилл в поэме предстал новым Витовтом, вокруг которого должен сплотиться весь литовский народ¹⁰¹. Ливонская война и радзивилловский рейд, в свою очередь, были представлены как оборонительная война: «Чтобы Литве Московский [царь] больше не вредил, воеводе Трокскому в Литве наказал людей собирать, Москвы чтобы похода не допустил до Литвы»¹⁰².

Имея дело с дискурсом оборонительной войны и восхвалением дома Радзивиллов в поэзии Речи Посполитой конца XVI в., невозможно обойти стороной творчество Я. Радвана. О создателе *Radivilias*¹⁰³ известно немного. Поэт получил начальное образование в Вильне, после чего продолжил свое обучение в Падуанском университете¹⁰⁴. По его окончании Радван вернулся и осел при дворе Радзивиллов биржайской линии, где и создал свое знаменитое произведение¹⁰⁵.

Занявшая 3302 рифмованных строки поэма делится на четыре части: первая из них повествует о присоединении земель Тевтонского ордена к Польше в 1561 г., вторая – о войне с Москвой вплоть до триумфа на Уле, третья раскрывает хронологию Ливонской войны до “Великого похода” Стефана Батория (1579–1582 гг.) на московские земли, и, наконец, четвертая повествует о заключительных аккордах Ливонской войны.

В тексте поэмы Радвана подражание античным произведениям приобретает новый смысл. На передний план выступает мифическая преемственность между

¹⁰¹ Niedźwiedz J. How did Virgil help forge Lithuanian identity in the sixteenth century? // *Litinitos in the Polish Crown and the Grand Duchy of Lithuania: its Impact on the Development of Identities*. Ed. Giovanna Siedina. Firenze, 2014. S. 40–41.

¹⁰² Польск.: «Aby Litwie Moskiewski już więcej nie wadził. / Panu Trockiemu w Litwie kazał ludzie zbierać, / Moskwie by nie dopuszczał do Litwy sie wrywać». Цит. по: Rymza A. Deketeros akroama, to jest Dziesięćroczna powieść wojennych spraw // *Archiwum Literackie*. T. XVI. Wrocław, 1972. S. 159.

¹⁰³ [Radvanus I.] *Radivilias, sive, De vita, et rebus praeclarissime gestis, immortalis memoriae, il- lustrissimi principis Nicolai Radivili Georgii filii, ducis in Dubinki ac Bierze [...] libri quatuor, Ioannis Radvani Lit[uani]; iussu ac auctoritate mag. d. Ioannis Abramowicz, in Worniany [...] Addita est oratio funebris, generosi d. Andreae Volani, secretarii sacrae regiae magestatis, et quorundam auctorum epigrammata, vilnae metropoli lituanorum: ex officina Ioannis Kartzani. Vilna, [1592].*

¹⁰⁴ Дорошкевич В. И. Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы: первая половина XVI в. Минск, 1979. С. 45.

¹⁰⁵ Там же. С. 245.

Римской Империей и Литвой через легенду о Палемоне¹⁰⁶. Так, по мысли автора, если литовцы являются эпигонами римлян, то эпика – самый подходящий жанр для описания деяний воителей Речи Посполитой. Акцентируя внимание на античных корнях, автор превращает московско-литовский антагонизм уже не в локальную военную конфронтацию, но в масштабное противостояние носителей римской культуры и восточных варваров.

Суммируя развитие антимосковской тематики в поэзии Речи Посполитой в период Ливонской войны, можно заключить следующее:

1. Поэзия была наполнена идеями войны за отечество: противостояние польско-литовского государства с Москвой представлялось только в оборонительном ключе. В текстах не обнаруживаются мотивы завоевания соседнего государства. Литературе указанного периода были чужды дискурсы колонизации русских земель, которым будет суждено наполнить нарративы эпохи Смуты.

2. Подавляющее большинство поэтических произведений издавалось на землях ВКЛ. Как правило, упомянутые эпические поэмы создавались авторами, приближенными к роду Радзивиллов, ввиду чего теме глорификации защитников литовских земель отводится главная роль.

По окончании Ливонской войны интерес к России в польско-литовском обществе не пошел на спад, и в касающейся московских дел литературе популярность получили новые сюжеты. Несмотря на непримиримое соперничество за Прибалтику, отношения между Речью Посполитой и Московским царством никогда не сводились только лишь к военному противоборству¹⁰⁷: другой стороной непрекращающейся конфронтации на полях сражения была тонкая дипломатическая игра, развернувшаяся вокруг разработки разнообразных планов союза и объединения¹⁰⁸. Черета польских «бескоролевий», элекция 1587 г. и мирные переговоры 1590–1591 гг. – вот условия, в рамках которых постоянно

¹⁰⁶ Kulicka E. Legenda o rzymskim pochodzeniu Litwinów i jej stosunek do mitu sarmackiego // Przegląd Historyczny. 1980. T. 71. N. 2. S. 1–21.

¹⁰⁷ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 54.

¹⁰⁸ Maciszewski J. Polska a Moskwa. 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968. S. 83–87.

рождались проекты унии между Москвой и Варшавой, тем не менее, неизменно обреченные на провал ввиду накопившихся политических противоречий между государствами. Литературные осмысления политических перспектив заключения унии с Россией вызывали живой интерес у польско-литовских современников.

По мнению круга высших политических деятелей Речи Посполитой, очередная благоприятная ситуация для заключения «вечного соединения» сложилась в 1599–1600 гг. Миссия по установлению унии выпала на долю московского посольства канцлера ВКЛ Л. И. Сапеги, известного сторонника объединения двух держав¹⁰⁹. Инициатива в этот раз полностью исходила с польско-литовской стороны, что может быть объяснено рядом следующих обстоятельств.

Прежде всего отметим, что Речь Посполитая стояла на пороге существенных внешнеполитических испытаний. Назревал серьезный конфликт со Швецией: детронизированный после поражения у Стонгебру (25 сентября 1598 г.) Сигизмунд III в надежде вернуть себе шведский престол вступил в открытое противостояние со своим дядей – Карлом IX Сёдерманландским. Хоть современники едва ли могли себе представить, что война затянется на 30 лет (столкновения практически не прекращались с 1600 по 1629 г.), грядущая битва за передел Прибалтики не могла не вызвать определенные опасения у польско-литовских политических элит.

Одновременно Речи Посполитой пришлось столкнуться с трудностями на своих южных рубежах: объединивший под своим скипетром Валахию и Трансильванию воевода Михай Храбрый (1558–1601) в мае 1600 г. выступил против молдавского господаря Иеремии Могилы, являвшегося вассалом Речи Посполитой. Военные успехи Михая, шедшие вразрез с польскими интересами в Прикарпатье, а также шведская угроза на Балтике ставили перед Республикой Обоих Народов реальные перспективы войны сразу на два фронта.

Однако не только собственные внешнеполитические трудности побудили Сигизмунда III отправить к своему восточному соседу посольство во главе с Л. Сапегой. В кругах сановников Речи Посполитой сложилось мнение, что не меньшее

---

¹⁰⁹ Czwolęk A. Lew Sapieha, dyplomata w służbie Zygmunta III // Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час. Гродна, 2007. S. 124–127.

количество проблем на себе испытывает и Московское государство, и что выгоды грядущего союза смогут склонить Москву в сторону заключения унии¹¹⁰.

На рубеже XVI–XVII вв. произошли серьезные коррективы в балтийской политике Московского царства, до той поры испытывающего сильное влияние Швеции: становилось все более явным расхождение внешнеполитической программы нового шведского правительства с русскими интересами на Балтике¹¹¹. Шведы неотступно требовали подтверждения Тявзинского договора и ревностно оберегали свой контроль над русской внешней торговлей на Балтийском море. Тяжесть шведской опеки приводила к тому, что русским купцам приходилось полностью объезжать шведские владения на пути в европейские города¹¹². Охлаждение между Москвой и Стокгольмом не осталось незамеченным польскими дипломатами. Так, сам Л. И. Сапега накануне своей отправки в Москву неоднократно упоминал в личной переписке, что данные обстоятельства открывали крайне благоприятные возможности для улучшения отношений с восточным соседом¹¹³.

Оптимизм в сторонников унии вселяла и внутренняя ситуация в Московском государстве. Смерть бездетного царя Федора Ивановича в 1598 г. и неизбежно следовавший за ней передел власти боярскими родами давали в руки дипломатов Речи Посполитой новые рычаги давления¹¹⁴. Даже в самой преддверии переговоров в Москве было беспокойно: в начале ноября 1600 г. в столице был арестован обвиненный в попытке переворота Ф. Н. Романов – один из первых людей в государстве. Внутренняя напряженность в Московском царстве дарила послам надежду на то, что обещание поддержки со стороны Речи Посполитой сделает Бориса Годунова достаточно сговорчивым политическим партнером¹¹⁵.

---

¹¹⁰ Siarczyński F. *Obraz wieku panowania Zygmunta III, króla polskiego i szwedzkiego, zawierający opis osób żyjących pod jego panowaniem*. T. 2. Lwów, 1828. S. 9.

¹¹¹ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М., 1973. С. 124.

¹¹² Там же. С. 127.

¹¹³ *Archiwum domu Sapiechów*. T.1. Lwów, 1892. Nr. 256 (S. 214–215).

¹¹⁴ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 245.

¹¹⁵ Там же. С. 143–144.

Таким образом, после урегулирования всех формальных вопросов, великое посольство во главе с Л. Сапегой, С. Варшицким и Г. Пельгримовским 27 сентября 1600 г. из Орши выдвинулось к Москве. Программой-минимум для дипломатической миссии являлось решение вопроса продления перемирия с Московским царством, и если не помощи с его стороны, то хотя бы доброжелательного нейтралитета в грядущем польско-шведском конфликте. Под программой-максимум же понималось заключение столь долго обсуждаемого «вечного соединения»¹¹⁶. Исследовательский интерес данная попытка установления унии привлекает ввиду того факта, что посольство Л. И. Сапеги 1600–1601 г. – последняя **мирная** попытка объединения двух государств путем дипломатии перед трагическими событиями Смутного времени¹¹⁷.

Авторы проекта объединения серьезно переоценили шаткость положения Бориса Годунова, которая должна была подтолкнуть его к заключению союзного договора. Как результат, несмотря на весь оптимизм посланников, уния получила твердое неприятие со стороны Москвы. Хронологию переговоров, свое видение причин их провала и размышления об идеи абсолютной невозможности мирного существования с Москвой записал по итогам работы дипломатической миссии один из послов – Г. Пельгримовский.

По возвращении из Москвы Пельгримовский занялся поэтической переработкой составленного им диариуша. Ко времени работы над рифмованным дневником его автор уже был широко известным в Речи Посполитой писателем¹¹⁸. Г. Пельгримовского С. В. Ковалев назвал «одним из наиболее знаменитых поэтов Беларуси и Литвы эпохи Возрождения»¹¹⁹.

Рифмованный диариуш Г. Пельгримовского получил название *Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą*¹²⁰. Тщательное следование реальной хронологии

¹¹⁶ Zamoyski A. Polska. Opowieść o dziejach niezwykłego narodu. Warszawa, 2011. S. 187.

¹¹⁷ Gajda M. Poselstwo Lwa Sapiehy w Moskwie w latach 1600–1601 w świetle polskich relacji dyplomatycznych oraz relacji Izaaka Massy i Jacques’a Margereta // Piotrkowskie Zeszyty Historyczne. 2001. № 12/1. S. 124.

¹¹⁸ Некрашэвіч-Короткая Ж. В. Слава і плач патрыёта і праока: паэма “Philopatris” (1597) // Acta Albaruthenica. 2003. № 3. С. 8; Markowska W. Literatura Polska epoki Odrodzenia. Warszawa, 1956. S. 113.

¹¹⁹ Кавалёў С. Шматмоўная паэзія Вялікага княства Літоўскага эпох і Рэнэсансу. Мінск, 2010. С. 268.

¹²⁰ Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. Poselstwo do Zygmunta Trzeciego / wyd. i oprac. R. Krzywy. Warszawa, 2010.

и опора на документальную основу в тексте сочинения позволяют охарактеризовать поэму Пельgrimовского как первоклассный исторический источник¹²¹. Автор детально воспроизвел в поэме доступные ему документы – проект унии, посольские речи, ответы боярской думы, списки подарков, провизии и т.д. Ввиду приведенных особенностей, в белорусской историографии рассматриваемое сочинение принято называть «диариуш в стихотворной форме» или «эпическая поэма в форме диариуша»¹²².

Антироссийская пропаганда является центральной темой рифмованного диариуша, и автор не упускал ни единой возможности, чтобы выставить московскую жизнь в дурном свете¹²³. Хотя подобная тематика и была широко распространена в поэзии Речи Посполитой последней трети XVI в., тем не менее, поэму *Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą* можно считать действительно исключительным случаем: в отличие от прочих авторов, Г. Пельgrimовский имел опыт личного пребывания в Москве, что подкрепляло его творчество авторитетом очевидца.

Поэма открывается дедикацией Л. И. Сапеге: с первых абзацев Пельgrimовский вспоминал о своих собственных злоключениях вместе с канцлером ВКЛ в московских пределах, вплетая рассуждения о лично пережитых тяжелых днях («как в одном плену вместе в неволе провели пять и двадцать недель»¹²⁴) в общую картину обид, нанесенных москвитями Республике¹²⁵. Представив совместно перенесенные трудности в качестве предлога к обращению за покровительством, автор переходил к непосредственному описанию посольства.

¹²¹ Например, см.: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М., 1973. С. 144–145; Tyszkowski K. Poselstwo Lwa Sapiehi w Moskwie 1600 r. Lwow, 1927. S. 5; Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. Poselstwo do Zygmunta Trzeciego / wydał i opracował Roman Krzywy. Warszawa, 2010 S. 18.

¹²² Кавалёў С. Шматмоўная паэзія Вялікага княства Літоўскага эпохі Рэнесансу. Мінск, 2010. С. 281.

¹²³ Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. S. 21.

¹²⁴ Польск.: «jako w więzieniu jednym w zaparciu przez pięć a dwadzieścia niedziel». Ibid. S. 30–31.

¹²⁵ Пельgrimовский дает перечислений территориальных обид Речи Посполитой: «Nie bez wielkiego żalu serce snotliwe, widząc nie mal na dwieście mil państw od Wielkiego Księstwa oderwanych, wspominać musi. Nieprzyjaciół cieszy się z tego. Jemu Nowogród Wielki, Łuki Wielkie, Psków, Księstwo Siewierskie, Możejask, Wiaźma, Dorohobuż, Smoleńsk, zdradą wszytki wzięte, hołdują. Nam się serce pada, co to wiemy, widzimy i z przodków naszych prawa na to mamy». Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. S. 30.

Дорога послов из Орши до Москвы прошла без происшествий, и Пельgrimовский в начале даже остался доволен оказанным приемом и условиями своего содержания. Несмотря на ранний приезд дипломатов, первую аудиенцию они получили только 26 ноября. Такая задержка объяснялась двумя причинами: во-первых, московские гонцы отказывались принимать реестр подарков посольства, так как в нем не был прописан царский титул государя, во-вторых, сам Борис Годунов в это время страдал от приступов подагры¹²⁶. Во время вынужденного бездействия Пельgrimовский занимался описанием Москвы и ее жителей.

Внимания автора удостоился следующий случай, произошедший 20 октября: прибывший к послам русский пристав в разговоре дал пространное описание богатств и могущества Москвы. Пельgrimовский перенес на бумагу архетипичный для описания москвитянина типаж лжеца и бахвала, который никак сам не может остановиться в своем вранье. Собеседник хвалился, что природным богатствам России нет числа, берега ее рек усеяны рубинами и золотом, перед царской армией дрожит весь исламский мир, а сама Москва уже давно превзошла в своем великолепии все древние чудеса света. Пельgrimовский в тексте поэмы обыграл ситуацию сатирически таким образом, что даже товарищ пристава не смог выдержать звучащего бахвальства и прервал его речи:

«И когда о таких невиданных поведал делах,

Второй пристав сказал ему: “Брат, не греши!

Рассказываешь о том, чего нет, и сам того не знаешь,

Что из этих [послов] каждый хорошо знает, где и что бывает.

Останови плутовство – для нас это грубость,

Когда ты говоришь о том, чего нет на нашей земле”» (ст. 335–340)¹²⁷.

¹²⁶ Tyszkowski K. Poselstwo Lwa Sapiehi w Moskwie 1600 r. Lwow, 1927. S. 52.

¹²⁷ Польск.: «I gdy tak nieslychane napowiadal rzeczy, / Drugi Posnik rzecze mu: „Bracie, to nie grzeszy! / Powiadasz to, co nie jest, aza nie wiesz tego, / Ze z tych kazdy wie dobrze, gdzie co jest takiego. / Poprzestaj plutaniny – nieuczciwosc nasza, / Gdy o tym mowisz, czego nie ma ziemia nasza”» Здесь и далее номера строк даны по изданию: Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. Poselstwo do Zygmunta Trzeciego / wydał i opracował Roman Krzywy. Warszawa, 2010.

Как результат, между приставами происходит ссора и они удаляются, а Пельгримовский поднимает на смех перед читателем все сказанное москвитом (ст. 340–455).

Только 26 ноября произошло представление послов Борису Годунову, во время которого царю были отданы письма и подарки. Закончилась аудиенция пиром, удостоившимся особо подробного разбора со стороны поэта: Пельгримовский через описание блюд и способов их подачи вновь раскрывал перед читателями тему «московского варварства». Несмотря на обильное угощение, поэт вынес застолью негативную оценку, так как, по его мнению, москвиты совершенно не способны достойно распорядиться своими богатствами:

«Верно говорят, что много чем в своих землях обладают,
Но как и что нужно использовать, разумения не имеют» (ст. 777–778)¹²⁸.

При этом автор рассуждает, что имей те же ресурсы польско-литовский народ, то упомянутые богатства принесли бы куда больше пользы, и выгоду от этого получили бы даже сами москвиты (ст. 779–780). На примере указанных рассуждений автора мы видим генезис колонизаторского дискурса, который получит обширное распространение в польско-литовской литературе после начала активного вмешательства Речи Посполитой в московские дела во время Смуты. Пельгримовский в своей поэме утверждал, что мудрая опека более развитых соседних народов над московскими территориями была бы несомненным благом для местного населения¹²⁹.

Первое же полноценное заседание послов с боярской думой явно показало принципиальную невозможность заключения какого-либо союза ввиду серьезного конфликта внешнеполитических амбиций двух государств. Прошедшая аудиенция 9 декабря накалила обстановку, когда «возвращение» инфлянтских земель Москве

¹²⁸ Польск.: «Dobrze mówią, że wszego mnogo w ziemi mają, / Lecz jako czego zażyć, rozumu nie mają».

¹²⁹ О колонизаторском дискурсе в польско-литовской поэзии подробнее см.: Lisichenok E. A., Prohorenkov I. A. The Oriental discourse in the anti-Moscow Posiłek Bellony Słowieńskiej by Marcin Paszkowski // Res Historica. № 40. 2015. P. 115–125.

превратилось в главное условие союза. Пельgrimовский отметил, что не гнушались московиты даже прямым шантажом, намекая на то, что могут сами встать на сторону Швеции: то, что отказывается Москве дать Сигизмунд III, с легкостью может дать Карл IX (ст. 1215–1244).

После 9 декабря 1600 г. отношение к послам существенно переменялось и Пельgrimовский называл свое последующее пребывание в Москве не иначе как «пленом». Понимая провал посольской миссии, Л. Сапега просил у московского правительства отпуск из столицы, однако получил отказ, аргументированный приступами болезни царя, который лично хотел бы разобраться с дипломатической миссией. Сами же послы в это время были ограничены во внешних связях и попали, по мнению Пельgrimовского, под настоящий «домашний арест». Даже в таких условиях работа посольства продолжалась, а бояре предпринимали множество попыток сломить волю дипломатов.

Так, например, на очередном приеме послов 14 декабря 1600 г. А. Власьев озвучил послам дезинформацию о поражении войск Замойского против Михая Храброго:

«Расскажу вам к тому же и вторую новость:

Замойский разбит, гетман ваш, вместе с рыцарством,
 Михаилом в то время, так как его (гетмана Замойского – И. П.) не поддержал
 Воевода киевский, чем тому (разгрому Замойского – И. П.) поспособствовал»
 (ст. 1821–1824)¹³⁰.

Посольская миссия в поэме Пельgrimовского превратилась в настоящее испытание решимости дипломатов: сессии проходили либо под диктатом московских требований, либо полностью срывались (рифмованный дневник наполнен комментирующими события маргиналиями, такими как «Разошлись

¹³⁰ Польск.: «Powiadam wam i drugą nowinę do tego: / Zamoyski zbit, hetman wasz, i rycerstwo jego / Od Michała w tych czasach, że go nie ratował / Wojewoda kijowski, tamtemu folgował».

тогда обе стороны в гневе»¹³¹ и т.д.), а под угрозу ставилась уже даже личная неприкосновенность членов посольства: неоднократно бояре замечали канцлеру Л. Сапеге, что за свою гордость и презрение к московским предложениям он может сильно поплатиться (ст. 2371–2374).

Указанные обстоятельства привели к тому, что во второй половине своего сочинения Пельgrimовский не сдерживаясь обрушился на Москву и ее жителей. На страницах поэмы ожило множество распространенных в пропагандистской литературе того периода топосов, раскрывающих сущность «московского варварства». Не мог обойти вниманием автор, например, такой распространенный штамп, как пристрастие москвитов к алкоголю, связав его с полным отсутствием интеллектуальной культуры у этого народа. Как пишет поэт, скорее москвит в руки возьмет кубок с водкой, чем перо:

«Не интересуются науками, читают, пишут мало,
[это искусство] в самой малой степени только их священников затронуло.
Теофраст, как пишут, написал триста книг,
Иные до тысячи книг писали начисто.
Но не так ловко Москаль управляется с письмом,
Скорее к кубку с горилкой привыкли его руки» (ст. 2817–2822)¹³².

Пельgrimовский в своей поэме излагал материал в русле пропагандистского топоса, который часто использовался в европейской литературе изучаемого нами периода для дискредитации русского народа: речь идет о об «азиатскости» москвитов, из-за которой они, согласно представлениям западных авторов, давно отбились от европейской цивилизации и христианства, ввиду чего теперь занимают свое законное место среди татарских и языческих народов (ст. 2839–2840). Разумеется, заговорив об азиатской природе московского народа, автор затрагивал

¹³¹ Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. S. 137.

¹³² Польск.: «Nie zabawia nauką, czytać, pisać mało, / Samym trochę władynom ledwo się dostało. / Teofrastes, tak pisał, napisał ksiąg trzysta, / Drudzy ksiąg do tysiąca pisali do czysta. / Ale tu nie tak rychło Moskal w pismo zajdzie, / Rychleji kufel gorzałki w ręku jego najdzie».

и тему рабства. Так, неволя рисуется поэтом как естественное состояние москвитов:

«Верблюды вместо чистой воды предпочитают мутную,
так и они быть в неволе [предпочитают больше, чем] в свободе»
(ст. 2927–2928)¹³³.

Развивая упомянутую выше тему «азиатскости», Пельgrimовский намеренно негативно оценивал способности москвитов к построению государства, в котором бы все сословия сосуществовали в гармонии. По его мнению, склонность к тирании является естественной чертой русского народа. Поэт отмечает, что хоть и сменились династии, но в самой сущности власти совершенно ничего не поменялось:

«После одного тирана ныне правит другой
Клеомед жестокий, за верную службу
Тысячи невинных мечом и копытами коней истребляет,
Голодом скорее уморит, нежели лаской оплатит» (ст. 2985–2988)¹³⁴.

В таких пессимистичных рассуждениях и постоянных пререканиях с московским боярством на посольских сессиях дипломаты пережили декабрь 1600 – январь 1601 гг. – время, ставшее самым напряженным этапом в ходе работы посольства.

Ситуация переломилаась, когда по пути на очередную посольскую сессию дипломаты получили от приставов новости об отмене запланированного заседания ввиду того, что скоро в Москву прибудет гонец с новыми письмами от Сигизмунда III (ст. 3031–3038). Встреча с королевским курьером Я. Порадовским произошла у

¹³³ Польск.: «By wielbłąd, coniz jasną woli mętną wodę, / Tak oni być w niewoli wolą niż swobodę».

¹³⁴ Польск.: «Ze po jednym tyranie dziś panuje drugi / Kleomedus okrutny, za wierne posługi / Co tysiąciami niewinnych mieczem, turmą traci, / Głodem rychlej umorzy niż łaską zapłaci».

послов 11 февраля. Привезенные им новости о победах гетмана Я. ЗамоЙского в Молдавии (ст. 3145–3152) и прочие известия из Речи Посполитой воодушевили послов и существенно укрепили их позиции.

В этих условиях была совершена последняя за работу посольства Сапеги попытка со стороны московских властей направить переговоры в выгодную для себя сторону. Шведские послы прибыли в Москву 18 февраля, после чего прибывшая делегация специально была торжественно проведена перед глазами польско-литовских дипломатов (ст. 3683–3690). Поселили новоприбывших послов также в прямой видимости от двора Л. Сапеги. Однако и этой попытке «давления» на польско-литовских дипломатов суждено было провалиться, так как и от шведов боярской думе не удалось получить никаких конкретных выгод ввиду ограниченности их полномочий¹³⁵.

Понимая тупиковость сложившейся дипломатической ситуации и опасаясь окончательного разрыва отношений с Речью Посполитой, московская сторона, наконец, решилась пойти навстречу посольству Сапеги. Результатом перенесенных дипломатами испытаний стало подписание 20-летнего перемирия¹³⁶ между Московским Царством и Речью Посполитой (ст. 4104–4105), а уже 11 марта – после заключительной 20-й сессии переговоров – послы смогли покинуть Москву.

По мнению Пельгримовского, в таких условиях, в которых работало посольство Л. Сапеги, о лучших результатах нельзя было и мечтать. Автор вернулся из Москвы с глубоким убеждением, которое он старался донести до своих читателей: несмотря на кажущуюся близость москвитов, какого-либо устойчивого мира с этим народом ввиду его глубокой порочности никогда заключить не удастся. Эта идея является лейтмотивом антироссийского творчества Пельгримовского. Поэт использует библейскую метафору и уподобляет отношения Польши и России, от которого как ни старайся, но благих плодов не получишь:

¹³⁵ Tyszkowski K. Poselstwo Lwa Sapiehi w Moskwie 1600 r. Lwow, 1927. S. 64–65.

¹³⁶ В тексте поэмы особое внимание уделено обсуждению срока действия договора: обе стороны демонстрировали свою незаинтересованность в этом перемирии, отдавая оппоненту возможность самому выбрать его продолжительность. В итоге 20 летний срок называется именно московской стороной. Пельгримовский видит в этом определенной символизм: за 20 проведенных тяжелейших посольских сессий польско-литовский и московский народы получили 20 лет мира. См.: Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. S.192–194.

«Как злое дерево [фальшиво] красивый цвет выдает,
[так] против нас Московские были все обычаи» (ст. 4645–4646)¹³⁷.

В контексте доминирования в польско-литовской поэзии конца XVI в. произведений «ливонского цикла», поэма Пельgrimовского представляет собой радикальный пересмотр устоев антимосковской пропаганды. В рифмованном дневнике Москва – это не грозный захватчик, против которого нужно вести оборонительную войну. Пельgrimовский на страницах своего произведения продвигал идею войны с Россией и в пропагандистском ключе описал русских как варварский и деспотичный народ, с которым никогда полякам и литовцам не удастся жить в мире, но который можно и нужно усмирить силой рыцарства Речи Посполитой.

---

¹³⁷ Польск.: «Awa jako drzewo złe kwiat piękny wydaje, / Moskiewskie przeciwko nam były obyczaje».

§ 2. Литературная пропаганда периода первой «димитриады»¹³⁸

Провал многообещающей дипломатической миссии Л. Сапеги должен был поставить крест на любых объединительных проектах между Речью Посполитой и Москвой, однако появление на польско-литовских землях самозванца, выдававшего себя за чудом спасшегося от смерти царевича Дмитрия Ивановича, вновь вывело вопрос об отношениях с Москвой на передний план. Теперь, когда в Польше находился «законный наследник» московского престола, вопрос сосуществования с беспокойным восточным соседом мог быть окончательно решен.

Мотивы, побудившие Речь Посполитую вмешаться в русские дела и поддержать Лжедмитрия, получили достаточно широкое освещение в историографии. Вместе с тем, стоит отметить, что внимание исследователей к объекту изучения было распределено не совсем равномерно. Так, например, мы хорошо представляем себе интересы польско-литовских правящих элит, нашедшие комплексное отражение в условиях, поставленных Сигизмундом III перед Лжедмитрием¹³⁹. «Вечное соединение» двух государств, территориальные уступки в пользу польско-литовского государства и допуск иезуитов в Москву, являлись *conditio sine qua non* договоренностей политической элиты с лжецаревичем.

В свою очередь, мотивы рядовой шляхты, охотно участвовавшей в восточной кампании, далеко не столь очевидны. Тем не менее, именно польско-литовские отряды, поддерживавшие различных самозванцев в их притязаниях на русский престол, оказали существенное влияние на ход трагических событий русской Смуты¹⁴⁰. Подстегнуть шляхту к участию в аванюре Лжедмитрия мог определенный интеллектуальный климат внутри Речи Посполитой. Демографический бум в Польше и Литве на рубеже XVI–XVII вв. привел к кризису

---

¹³⁸ Данный параграф является переработанной и дополненной версией статьи: Прохоренков И.А. Польско-литовская поэтическая пропаганда и ее образный ряд (на примере редких изданий панегирической поэзии эпохи первой димитриады в коллекциях РНБ) // Книжная старина. Вып. 4. 2018. С. 41–56.

¹³⁹ Подробнее см.: Александренко В.Н. Материалы по Смутному времени на Руси XVII в. // Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 443–444.

¹⁴⁰ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 65–71.

шляхетского землевладения. Околичная шляхта была заинтересована в военном походе на восток, благодаря которому их материальное положение могло поправиться. Морально санкционировать подобный поход мог только существенный повод, и фигура изгнанного из отечества «царевича» Дмитрия его как раз предоставляла.

Литературная кампания в поддержку Лжедмитрия I укладывается в концепцию Ф. Тейлора, который в своих работах отмечал, что основная функция пропаганды – заставлять человека думать и поступать таким образом, каким бы он не поступил без ее влияния¹⁴¹. В конкретном случае, необходимо было привлечь к военной кампании Лжедмитрия как можно большее количество последователей. основополагающая механика пропаганды заключается в создании символов, на которые общество учится реагировать «правильным» спектром эмоций¹⁴². Начиная с 1605 г. польско-литовские литераторы и полемисты успешно занимались конструированием таких символов, важнейшим из которых стал образ самого Дмитрия Ивановича – несчастного наследника московского престола, вынужденного отправиться в изгнание из-за предательства узурпатора Бориса Годунова.

Изображение царевича Дмитрия в польской пропаганде эпохи Смутного времени может послужить для исследователя своеобразной лакмусовой бумажкой, отражающей перемены общественного настроения в Речи Посполитой относительно вмешательства в московские дела. Образ «царевича-изгнанника» в зависимости от развития событий подвергался существенным корректировкам. Так, воспетый в эпоху первой димитриады (1604–1606 гг.) «новый Одиссей» — благородный московский царевич, всеми силами старавшийся вернуть себе законный престол, к исходу Смутного времени все чаще становился целью насмешек и эпиграмм. Наиболее ярко этот поворот к негативному восприятию

---

¹⁴¹ Taylor P. M. *Munitions of the mind. A history of propaganda from the ancient world to the present day.* Manchester; New York, 1995. P. 1.

¹⁴² Lasswell G. D. *Propaganda Technique in the World War.* New York, 1938. P. 9.

Дмитрия запечатлел в своих эпиграммах К. Мясковский, следующими словами отреагировавший на очередное «чудесное спасение»¹⁴³ московского царевича:

«Дмитрий, если умер, то лежи спокойно в гробу,
а нам тень твоя пусть больше не напоминает о тебе»
(Na tegoż [Dymitra epigramma], ст. 1–2)¹⁴⁴.

Над созданием благоприятного литературного образа «московского царевича» Дмитрия Ивановича трудилось множество авторов. В рамках нашего диссертационного исследования мы проанализируем труды трех выдающихся писателей: Я. Жабчица, С. Гроховского и Я. Юрковского. Подобная выборка обосновывается тем, что именно эти литераторы стояли у самых истоков пропагандистской кампании, направленной на поддержку Лжедмитрия.

О создателе первой рифмованной биографии Лжедмитрия – Я. Жабчице – сохранились крайне скудные сведения, что позволило С. И. Николаеву в своей статье, посвященной русским переводам сочинений этого поэта в XVII в., назвать Жабчица «полумифической личностью»¹⁴⁵. Неясно даже происхождение поэта: был он родом из крестьянской или же из мещанской семьи; известно только, что он сумел получить образование в Краковской академии. О литературной карьере Жабчица можно судить по посвящениям в его произведениях: талант поэта раскрылся при дворах малопольской магнатерии и особую роль в его поддержке сыграл род Мнишков¹⁴⁶. Усилиями Я. Жабчица был создан цикл посвященных московской кампании Лжедмитрия произведений, который в историографии получил название «московская трилогия»¹⁴⁷. В этот цикл входят следующие

¹⁴³ Имеется в виду спасение от расправы 17 (27) мая в Москве, случившееся в ходе народного восстания 1606 г.

¹⁴⁴ Польск.: «Dymitrze, jeśliś umarł, leż spokojnie w grobie, / A nam cień twój niech więcej nie baje o tobie». Здесь и далее нумерация строк дана по: Miaskowski K. Zbiór rytmów // Biblioteka pisarzy staropolskich. Warszawa, 1995. T. 3. S. 228.

¹⁴⁵ Николаев С. И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 163.

¹⁴⁶ Kuran M. Moskiewska trylogia Jana Żabczyca // Napis. 2006. Seria XII. S. 109–110.

¹⁴⁷ Ibid. S. 109.

сочинения: *Mars Moskiewski krwawy*¹⁴⁸, *Poseł moskiewski*¹⁴⁹ и *Żegnanie ojczyzny możnej cesarzowej moskiewskiej*¹⁵⁰.

Особый интерес в трилогии Жабчица вызывает панегирическая поэма *Mars Moskiewski*, отличающаяся подробностью излагаемого исторического материала. Так, изучавший эту поэму Т. Вержбовский с грустью отмечал: «...жаль, что он (Жабчиц – И. П.) избрал не прозаическую форму и не изложил всего в виде дневника, но захотелось ему славить Дмитрия в стихах»¹⁵¹.

Свое рифмованное сочинение Я. Жабчиц начал с описания заключительных аккордов Ливонской войны. Отметим, что обширные экскурсы в историю – ключевая особенность многих панегирических поэм эпохи «димитриад». Обилие исторического материала, сопровождаемое его специфичной трактовкой, использовалось для облегчения понимания читателями причин развернувшейся в московских краях драмы. В своем историческом очерке Жабчиц противопоставил Ивана Грозного, изображенного в качестве жестокого тирана, трем его сыновьям, наделенным всеми возможными достоинствами. По мнению поэта, в воцарении детей Ивана IV могло заключаться великое счастье для всех восточноевропейских народов, но каждого из сыновей тирана постигло несчастье. Так, Я. Жабчиц представил следующую версию смерти царевича Ивана Ивановича: после взятия Полоцка Стефаном Баторием (1579 г.) Иван Грозный держал военный совет, на котором его старший сын решительно осудил все действия отца против Речи Посполитой и предлагал скорейшее заключение мира с соседями. Московского самодержца привела в ярость мягкосердечность царевича, и разгневанный отец поднял руку на своего сына:

«Сильно сына посохом ударил и из него

Кровь выпустил, и отправил на тот свет» (ст. 60–61)¹⁵².

¹⁴⁸ Żabczyc J. *Mars moskiewski krwawy*. Kraków, 1605.

¹⁴⁹ Żabczyc J. *Poseł moskiewski*. Kraków, 1605.

¹⁵⁰ Żabczyc J. *Żegnanie ojczyzny możnej cesarzowej moskiewskiej*. Kraków, 1606.

¹⁵¹ Вержбовский Ф. Ф. Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях. Вып. 3: Смутное время в современной ему польской литературе. Ч. 1: 1605–1607. Варшава, 1900. С. X.

¹⁵² Польск.: «Mocno syna uderzył kościeniem i z niego / Krew wypuścił, i posłał do świata wiecznego».

Жабчиц провел явное разграничение между «непримиримым врагом Республики» Иваном Грозным и его потомками. Сюжет о пострадавшем за свои симпатии царевиче Иване Ивановиче должен был убедить читателей в том, что со сменой поколений на московском престоле полностью могли поменяться и отношения между польско-литовским и русским народами.

Не меньшими достоинствами обладали и братья убитого царевича – Федор и Дмитрий. Увы, но и возлагаемые на них надежды не могли быть исполнены, так как оба брата стали жертвами нового узурпатора престола – Бориса Годунова. Годунов прямо называется виновником гибели потомков Ивана IV. Так, по приказу главы правительства в Угличе был умерщвлен младший сын Ивана Грозного – Дмитрий (ст. 89–90), а в скором времени Шуйский избавился и от Федора Ивановича, лично поднеся ему на пиру кубок с ядом (ст. 237–239).

Замыслы тирана не увенчались успехом, так как один «итальянский доктор» (ст. 102) сумел подменить царевича Дмитрия другим мальчиком, таким образом, сохранив жизнь настоящему наследнику престола. На четыре сотни рифмованных строк растянулось повествование о жизни Дмитрия Ивановича до начала военной кампании 1604 г. Скитание по монастырям, бегство из Московского царства, открытие себя перед литовскими магнатами, аудиенция у короля Сигизмунда III и покушение со стороны посланных Борисом Годуновым убийц (ст. 448–485) – автор детально описал своим читателям драматические страницы жизни чудом избежавшего смерти «наследника» московского престола.

Переходя к истории военного похода на Москву, Жабчиц перечислил войска лжецаревича, уделив особое внимание командирам и отдельным отрядам (ст. 528–598). Эти рифмованные военные списки отличаются высокой степенью подробности: они неоднократно с изменением в стихотворной структуре, но с сохранением фактологической части, воспроизводились в последующих поэтических произведениях, посвященных Лжедмитрию¹⁵³.

---

¹⁵³ Подробнее см.: Kuran M. Moskiewska trylogia Jana Żabczyca // Napis. 2006. Seria XII. S. 112–116.

Отметим, что невзирая на откровенно пропагандистский характер своего произведения, Жабчиц не скрывал неудачи, постигшие войска самозванца. В частности, поэма не обходит вниманием критическую ситуацию, сложившуюся в военном лагере Лжедмитрия под Новгородом Северским¹⁵⁴. Неудачная осада города и истощение походной казны привели к угрозе раскола польско-литовского войска. Так, автор без какого-либо смягчения описывает ссору Лжедмитрия с его окружением: «...Там же разгневанный Царь Дмитрий начал упрекать панов-рыцарей» (ст. 675–676)¹⁵⁵.

Подобные вставки были призваны вызвать сопереживание читателей, так как поражения, равно как и трупы – неизменная часть любого драматического произведения. Несмотря на все невзгоды, «царевич» Дмитрий и его войска дошли до Москвы, где финальную победу претенденту даровал сам Господь: при известии о подходе Дмитрия к столице у Бориса Годунова «из ушей, из уст, из ноздрей, из глаз» (ст. 898) кровь полилась, и московский узурпатор пал замертво.

Ликованием как московского, так и польско-литовского народов по случаю воцарения «законного царевича» Дмитрия Ивановича закончил свое сочинение Я. Жабчиц. Автор был преисполнен оптимизмом по поводу перспектив сотрудничества между Московским царством и Речью Посполитой, так как произведение было издано еще при жизни Лжедмитрия. Поэма, располагавшая богатым историческим материалом, заложила фундамент для всей последующей пропагандистской поэзии эпохи Смутного времени.

Сведения о следующем поэте, живо откликнувшимся на современные ему события и продолжившим дело Я. Жабчица – С. Гроховском – дошли до нас в более полном объеме, чем о его малоизвестном коллеге. Получивший свое родовое имя от деревни Грохи (Grochy (Подлясье)), будущий поэт родился в небогатой шляхетской семье. В 1571 г. Гроховский начал обучение в Пултуском иезуитском коллегиуме и в скором времени получил духовный сан. В 1584 г. поэт стал королевским секретарем. Карьера С. Гроховского успешно шла в гору, однако в

¹⁵⁴ Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. Смуты. Москва, 1988. С. 147–150.

¹⁵⁵ Польск.: «...tamże rozgniewany Car Dumitr począł wołać na rycerskie pany».

1600 г. ситуация резко изменилась – автор обрел множество врагов после того как стало известно о его антиклерикальном творчестве¹⁵⁶. Поэт был вынужден перебраться в Краков, где с 1600 по 1607 г. полностью посвятил себя писательской деятельности под защитой своего главного покровителя – епископа Б. Мациевского¹⁵⁷. Произведения, написанные в этот период на латинском и польском языках, обрели широкую популярность в читающих кругах¹⁵⁸. Также высокие художественные достоинства польскоязычной поэзии Гроховского были отмечены историком-археографом Т. Вержбовским, который прямо охарактеризовал его труды как наиболее выдающиеся среди собранных им поэтических источников по истории первых двух лет Смуты¹⁵⁹.

События, общественные настроения и ожидания по поводу похода Лжедмитрия I на Москву нашли комплексное отображение в стихотворном сборнике Гроховского *Piesni na fest ućieszny*¹⁶⁰. Эта рифмованная брошюра вышла в Кракове в 1606 г. в двух изданиях: первое (типография вдовы Зибенейхера) состояло из 16 песен, в то время как второе (типография Я. Шелиги) было существенно расширено¹⁶¹. Второе издание включало в себя 23 песни, два новых стиха, посвященных борьбе Дмитрия за Московский престол, а также 5 портретов (и стихотворных дедикаций к ним) главных героев первой димитриады: «царевича» Дмитрия Иванович, московского посла А. Власьева, краковкого епископа Бернарда Мачиевского, магната Ю. Мнишека и его дочери Марины.

Переработанное издание Гроховского испытало на себе сильное влияние творчества Я. Кохановского (в художественном плане) и Я. Жабчица (из чьих произведений автор черпал исторический материал), что неоднократно отмечалось в историографии¹⁶². В свою очередь, С. Гроховский открыл несколько

¹⁵⁶ Trzej poetyccy świadkowie pierwszej dymitriady / oprac J. Wójcicki. Kraków, 2008. S. 11–12.

¹⁵⁷ Oszczyda A. Poeta Wazów: studia o okolicznościowej poezji Stanisława Grochowskiego (1542–1612). Wrocław, 1999. S. 4–9.

¹⁵⁸ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Том IXа. СПб., 1893. С. 778.

¹⁵⁹ Вержбовский Ф. Ф. Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях. С. XI.

¹⁶⁰ Grochowski S. Piesni na fest ućieszny wielkim dwiema narodom polskiemu y moskiewskiemu, przemoznego monarchy Dymitra Iwanowica cara moskiewskiego [...] od autora powtore wydane, z przyczynieniem niektorych rytymow, do slawy tegoz wielkiego cara sluzacych. Kraków, 1606.

¹⁶¹ Вержбовский Ф. Ф. Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях. С. XI.

¹⁶² Estreicher K. Bibliografia Polska. Tom XVII. Kraków, 1899. P. 371–372; Trzej poetyccy świadkowie pierwszej dymitriady. Wójcicki J. [oprac.], Kraków, 2008. S. 16–17.

оригинальных тем, ставших магистральными для последующей продмитриевской пропаганды.

В частности, когда воцарение Дмитрия на московском престоле стало свершившимся фактом, автор рассуждал о возможных грядущих изменениях на карте Европы. Теперь, когда фигура Дмитрия и его военная кампания «кровью скрепили» Москву с Речью Посполитой («Москва расцветет с Польшей побратавшись, кровью объединенная» (песнь II, ст. 7–8)¹⁶³), по мнению поэта, уже никто не мог противостоять союзникам.

На передний план С. Гроховский выводит тему «благодарности» с Московской стороны. Польско-литовский народ протянул руку помощи своим восточным соседям и избавил их от узурпатора, вернув законного царя – теперь пришла пора отплатить за это благодеяние. По мнению Гроховского, Сигизмунд III, в определенном смысле, находился в схожем с царевичем Дмитрием положении: как Борис Годунов предал законного наследника и занял московский престол, так и шведский трон, по праву принадлежащий Сигизмунду, оказался занят мятежником Карлом Сёдерманландским. Покончив с одним предателем, автор предлагает немедля переключиться на решение проблем с другим:

«Ию, триумф! Славный Сигизмунд Третий,
Царь Дмитрий воссел на отцовской земле!

Поэтому противник Карл слабеет,

От Москвы помощи получить не надеется» (Песнь XI, ст. 1–4)¹⁶⁴.

Другое направление, в русле которого «объединенным народам» стоило бы приложить совместные силы, по мнению, автора – это формирование антитурецкой лиги. Гроховский отмечал, что совместная война против экспансии ислама была

¹⁶³ Польск.: «Moskwa zakwitnie z Polską pobracona, / Krwią zjednoczona». Здесь и далее нумерация строк дана по: Grochowski S. Piesni na fest ucieszny wielkim dwiema narodom polskiemu y moskiewskiemu, przemoznego monarchy Dymitra Iwanowica cara moskiewskiego [...] od autora powtore wydane, z przyczynieniem niektorych rytmw, do slawy tegoz wielkiego cara sluzacych. Wyd. 2. Kraków, 1606.

¹⁶⁴ Польск.: «Ijo tryumfie, cny Trzeci Zygmuncie, / Car Dymitr usiadł na ojczystym gruncie! / Zaczym przeciwnik Karolus słabieje, / Z Moskwy pomocy nie mając nadzieje».

полностью тождественна политическим прокламациям Лжедмитрия после его восшествия на престол¹⁶⁵:

«Сбрось сон с глаз, Поляк славный,
Настало время [для тех], кто [хочет послужить] Отчизне успешно,
Которая в безопасности уже от московита,
Бей Татарина!» (Песнь XIV, ст. 17–20)¹⁶⁶.

Piesni na fest ucieszny Гроховского также выделяются среди прочих источников своей визуальной составляющей. Как уже отмечалось выше, брошюра поэта была иллюстрирована прижизненными изображениями героев димитриады. Искусно исполненные портретные гравюры были призваны сделать литературный образ царевича и его сподвижников более запоминающимся для читателей. Совокупность всех указанных выше причин позволяет поставить сочинение поэта на один уровень с творческим наследием Я. Жабчица с точки зрения интеллектуального вклада в формирование позитивного образа «царевича» Дмитрия в Речи Посполитой.

Оптимистичный взгляд на брачный союз Лжедмитрия I и Марины Мнишек, который должен был привести к позитивному прорыву в польско-российских отношениях, был свойственен творчеству еще одного крупного поэта изучаемой эпохи – краковского лекаря Я. Юрковского¹⁶⁷.

Поэт, чья дата рождения нам неизвестна, родился в Пильзно. Юрковский получил образование в Краковском университете, однако студенческие списки знают множество «Янов из Пильзно»¹⁶⁸. Биографами принято считать, что поэт значился под именем *Joannes Martini Georgides Pilsnesis*, который поступил в

¹⁶⁵ Подробнее см.: Козляков В. Н. Лжедмитрий I. М., 2009. С. 155–163.

¹⁶⁶ Польск.: «Zetrzy sen z oczu, Polaku notliwy, / Masz czas, ktokolwiek Ojczyźnie chętniwy, / Bezpieczny będąc już od Moskwicina, / Bij Tatarzyna!».

¹⁶⁷ Гипич В. В. Московское государство первой половины XVII в. и «Смутное время» в сочинениях польских мещан // Смутное время в России: конфликт и диалог культур. СПб., 2012. С. 56–57.

¹⁶⁸ *Album studiosorum Universitatis Cracoviensis*. Т. 4 / wyd. A. Chmiel. Kraków, 1904. S. 198.

академию в 1596 г. В связи с этим, дату рождения поэта относят к началу 1580-х¹⁶⁹. Творчество автора современные исследователи причисляют к жемчужинам барочной поэзии¹⁷⁰.

Пик литературной деятельности поэта пришелся на 1604–1607 гг. Как и в случае с Гроховским и Жабчицем, Юрковский был связан с политическими элитами, активно участвовавшими в событиях первой димитриады. В частности, в круг благодетелей поэта входили Б. Мациевский и Е. Мнишек, которые были адресатами произведений поэта.

Перу Я. Юрковского принадлежит изданная в 1605 г. в честь свадьбы Лжедмитрия поэма *Hymenaeus*¹⁷¹. В отличие от небольших и тематически обособленных песен Гроховского, работа Юрковского представляет собой единое произведение. Выбор поэтом заглавия был обусловлен ренессансной модой на обращение к античным образцам. Важно отметить, что рассматриваемое произведение стояло у истоков последующей антиквизации дмитриевского сюжета в злободневной литературе изучаемого нами периода. На страницах поэмы Юрковского военный поход царевича-изгнанника впервые рассматривался как настоящая «димитриада». Концептуально поэма представляет собой противостояние Марса, желающего вечного кровопролития между Московским царством и Речью Посполитой, и Венеры, стремящейся примирить два народа:

«...Кто найдется [достаточно могущественный],
что любовью объединит Москву и Польшу?
Когда их Марс сурово рассорил помнит Полоцк, Ула,

¹⁶⁹ Jurkowski J. Tragedya o polskim Scylurusie y o trzech synach koronnych Oyczyzny polskiej / oprac.S. Pigoń. Kraków, 1949. S. 3–4.

¹⁷⁰ Niewolak-Krzywda A. Moralista, wizjoner czy towarzysz „frantowskiego cechu”? – Jan Jurkowski // Pisarze staropolscy. Sylwetki. Warszawa, 1997. T. 2. S. 609.

¹⁷¹ Jurkowski J. Hymenaeus najsławniejsze[go] monarchy Dymitra Iwanowica, z łaski Bożej wielkiego cara moskiewskiego, wołodimirskie[go], rezańskie[go], nowogrodzkiego, etc. etc., wielkie[go] hospodara iugurskie[go], łapskiego, obdorskiego, etc. etc., cara rzańskie[go], astrahańskiego, sibirskiego, inowłayce y dziedzica ruskiego, y najslawniejszey paniey, iey mości paniey Marynie, carowey moskiewskiej etc. etc., iasnie wielmożne[go] pana, p[ana] Ierze[go] Mniszka [sic] z Wielkich Kończyc, wojewody sędmierskiego, lwowskiego, samborskiego, medeńskiego etc. starosty, córki; przez Iana Jurkowskiego wydany. Kraków, 1605.

Стародуб, Псков, Орша...»¹⁷².

Убийство Борисом Годуновым малолетнего царевича Дмитрия Ивановича и последующие планы узурпатора московского престола заключить союз со Швецией против Речи Посполитой представлялись поэтом как результат коварной деятельности Марса. Однако в ход событий вмешалась Венера, вложившая царевичу «...в руки нить, выведшую его будто из Лабиринта»¹⁷³ из московских земель. Так начались странствия «нового Одиссея»¹⁷⁴, сбежавшего от пожирающего своих подданных «Полифема»¹⁷⁵.

Помимо наград в виде земель, богатств и славы, побуждающим фактором к участию в походе Дмитрия поэт несколько раз называл шведскую угрозу. По мнению автора, на кону стоял сам вопрос существования Речи Посполитой, которой грозила война сразу на два фронта, так как Годунов искал шведской поддержки¹⁷⁶. После успешного завершения польско-литовского похода на Москву и свадьбы Дмитрия с Мариной Мнишек, Юрковский, как и С. Гроховский, призывал поскорее дать отпор Швеции. Поэт ожидал от благодарного «царевича» следующее:

«И Шведов вероломных могуче укротит,
А Полякам их владения охотно возвратит»¹⁷⁷.

Изданная до восстания в Москве и смерти лжецаревича поэма была насквозь пропитана оптимизмом, а объединение польско-литовско-русского народа в ней воспринималось как уже практически свершившийся факт.

Таким образом, в первые годы польско-литовского вмешательства в события русской Смуты – от начала военной кампании Лжедмитрия и до его смерти 27 мая

¹⁷² Польск.: «... zaś kto będzie taki? / Co zjednoczy miłością Moskwę y z Polaki? / Gdyż ich Mars srogo zwadził pomnie Połock, Ula, / Starodub, Pskow, Orsza...». Цит. по: Hymenaeus... A2v.

¹⁷³ Ibid. A3r.

¹⁷⁴ Ibid. A3v.

¹⁷⁵ Ibid. A3r.

¹⁷⁶ Ibid. A4v.

¹⁷⁷ Польск.: ««Ze Szwedy wiarolomne potężnie ukroci / A Polakom ich włości chętnie przywroci»». Hymenaeus... A3v.

1606, на территории Речи Посполитой сформировался поэтический корпус произведений, агитировавших своих читателей в пользу всесторонней поддержки дела «чудом спасшегося» наследника Московского престола. Ведущую роль в создании этой панегирической поэзии занимали авторы, приближенные к магнатским родам, поддержавшим предприятие самозванца.

Польско-литовская предмитриевская поэзия на раннем этапе Смутного времени представляется очень ярким и кратковременным явлением. Отличительная черта этого интеллектуального пласта заключается в том, что на определенный момент Москва в литературе воспринималась как союзник Речи Посполитой. Однако ситуация в регионе полностью изменилась после восстания в Москве в мае 1606 г. и последовавшим за ним насилием над гостями свадьбы Лжедмитрия и Марины Мнишек. Указанные события привели к изменению вектора развития отношений между двумя государствами, что нашло отражение в литературе последующих годов.

§ 3. Смерть и воскрешение лжецаревича: пропаганда в поисках новых смыслов в 1606–1609 гг.

Прибывшие в 1605 г. на московскую свадьбу «царевича» Дмитрия и Марины Мнишек иностранные гости едва ли могли предположить, что станут свидетелями событий, которым будет суждено не сплотить два народа, как ожидалось, но на десятилетия разжечь между ними непримиримую вражду. В ходе празднования царской свадьбы началось инспирированное боярами восстание, в результате которого Лжедмитрий был убит, а новым царём провозглашён Василий Шуйский. Находившийся в это время в столице краковский дворянин С. Немоевский вел подробный дневник разыгравшихся драматических событий. В своих заметках он воспроизвел детальный список погибших гостей – так, по его данным, в Москве восставшими было погублено 524 человека¹⁷⁸.

Ситуацию, сложившуюся в отношениях между Речью Посполитой и Московским царством сразу после «кровавой свадьбы», польская исследовательница А. Будзиньска-Даца охарактеризовала следующим образом: «вскоре после тех событий началась пропагандистская война»¹⁷⁹. Московское правительство реанимировало и вновь начало распространять историю о беглом чернце Григории Отрепьеве – самозванце, желавшем отдать державу иностранцам. В польско-литовской же литературе вслед за lamentациями о погибших и плененных в Москве соотечественниках основное место заняли призывы к реваншу за прошлые и нынешние обиды.

В контексте польского восприятия Дмитрия как моста, способного объединить две державы, майские события расценивались как самая настоящая катастрофа. Теперь, когда царевич мертв, о каком-либо объединении не могло быть и речи. Еще совсем недавно казалось, что до торжества унии можно было рукой подать, но интриги московского боярства расстроили подобные планы. Польские

¹⁷⁸ Подробнее см.: Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского / Подготовлено к изданию Цепковым А. И. Рязань, 2006. С. 122–125.

¹⁷⁹ Budzyńska-Daca A. O cudownym rozmnożeniu Dymitrów, czyli retoryka wielkiej mistyfikacji // Napis. 2006. Seria XII. S. 158.

интеллектуалы не готовы были так легко примириться с этим фактом, поэтому, несмотря на смерть реального самозванца, литературный образ царевича Дмитрия после московского восстания 17 мая 1606 г. подвергся определенному пересмотру и обрел новую жизнь. Авторами решались два важнейших вопроса:

1. Был ли все-таки Дмитрий настоящим наследником престола? В конечном счете, москвиты оправдывали свой бунт самозванством царевича. Польская пропаганда не могла игнорировать этот важный вопрос, поэтому надо было твердо определиться: действительно ли «подложность» Дмитрия спровоцировала восстание, или же московские события – очередной боярский заговор против своего законного правителя.

2. Выжил ли Дмитрий после восстания? Слухи о том, что царевич спасся, начали стремительно распространяться вскоре после его убийства 17 мая 1606 г. Умер ли Дмитрий, или имело место быть очередное «чудесное спасение» – проблема, которая не могла остаться без должного внимания со стороны пропагандистов.

Ответы на данные вопросы давались повсеместно в польско-литовской литературе 1606–1609 гг. Особого внимания здесь заслуживают произведения самих участников майских событий: подкрепленные авторитетом очевидцев, мнения выживших после московского восстания гостей свадьбы имели большую ценность для читающих кругов Речи Посполитой. Прямо на месте – в московском заточении – плеяда талантливых авторов занялась литературным осмыслением произошедших событий¹⁸⁰.

Ведущую позицию в продмитриевской пропаганде после мая 1606 г. занял Себастьян Лиффель – краковский мещанин протестантского вероисповедания, чей отец занимал видное положение в городском цехе скорняков. Рано открывший в себе поэтическое дарование, посредством которого Лиффель завязал контакты с малопольскими магнатскими семьями, поэт приехал на свадьбу царевича Дмитрия

---

¹⁸⁰ Budzyńska-Daca A. O cudownym rozmnożeniu Dymitrów, czyli retoryka wielkiej mistyfikacji // Napis. 2006. Seria XII. S. 160.

и Марины Мнишек в составе свиты Н. Олесницкого¹⁸¹. Историю «кровоавой свадьбы» и заточения иностранных гостей в Москве Лиффтель воспроизвел в произведении *Gody moskiewskie tamże na Moskwi opisane*¹⁸². Труд поэта был закончен 20 декабря 1606 г.

Участвовавший в московских торжествах С. Лиффтель в рамках своего творчества ни на секунду не усомнился в подлинности царевича¹⁸³, в связи с чем поэт несколько раз в тексте характеризует восстание как боярскую интригу против законного правителя (ст. 61–62)¹⁸⁴. Также автор уверял своих читателей в том, что Дмитрий жив, а вместо царевича убили его двойника. По мнению Лиффтеля, в суматохе восстания царевич сумел скрыться, поэтому вместе с П. Басмановым пострадал не сам Дмитрий, а «кто-то другой»:

«И тогда верный Босманов шею свою подставил [заговорщикам],
И кто-то с ним другой, и сразу оба их тела,
Срамно обнажив, вытащили на площадь,
Где их на поругание дальнейшее оставили» (ст. 419–422)¹⁸⁵.

Автор активно призывал своих соотечественников к борьбе с Москвой. Предыдущие обиды и нынешнее вероломство московитов, погубивших гостей свадьбы, дополнялись Лиффтелем еще одной важной причиной для начала войны. Первым в вину московскому народу автор ставит именно попытку убийства собственного законного правителя:

«О, народ бесславный, о потомство злого
Гериона, о племя коварного Эрикса!
Достаточно бесчестия имеете, что на собственного

¹⁸¹ Polski słownik biograficzny. T. 17. (Lewiński Franciszek Ksawery - Linde Adrian von der). Wrocław, 1972. S. 313–314.

¹⁸² Lifftel S. *Gody moskiewskie tamże na Moskwi opisane*. Kraków, 1607.

¹⁸³ Budzyńska-Daca A. O cudownym rozmnożeniu Dymitrów, czyli retoryka wielkiej mistyfikacji // *Napis*, Seria XII. 2006. S. 160.

¹⁸⁴ Здесь и далее номера строк даны по: Lifftel S. *Gody moskiewskie tamże na Moskwi opisane*. Kraków, 1607.

¹⁸⁵ Польск.: «Atoli darski Bosman dał tam gardło swoje, / I ktoś z nim drugi, a wnet ciała ich oboje, / Sromotnie obnażywszy, na plac wywleczone, / Gdzie je na hańbę większą zostawiono».

Царя руку подняли...» (ст. 501–504)¹⁸⁶.

Дополнительные детали версия второго «чудесного спасения» лжецаревича получила в анонимной песни *O Dymitrze*¹⁸⁷. В тексте поэмы история восстания представлена следующим образом. Ранним утром 17 мая Василий Шуйский лично с вооруженной свитой пожаловал к покоям Дмитрия и стал ломиться в двери царской опочивальни. Царевич «...позвал лакея, встал сам со своего ложа. И сказал ему (лакею – И. П.) при ложе быть, а сам Шуйскому пошел отворить». (ст. 57–60)¹⁸⁸». Толпа смяла открывшего двери Дмитрия и бросилась к стоявшему у ложа лакею, в то время как в суматохе сам царевич «спрятался за шторой, за которой и нашел свою защиту (ст. 63–64)¹⁸⁹». Вслед за Лиффтелем анонимный автор повторил, что выставленное на обозрение вместе с трупом П. Басманова тело принадлежит не царевичу, но его лакею, которого «...запытали и бесславно погубили (ст. 67–68)¹⁹⁰». Сам же Дмитрий Иванович, по мнению поэта, сумел покинуть Москву и ждет нового момента и союзников для повторного отвоевания отцовского престола.

Важной ступенью в процессе отхода польско-литовских поэтов, творивших в эпоху Смутного времени, от использования образа царевича Дмитрия в качестве главного знамени всей восточной военной кампании являются труды С. Петрици из Пильзна. Известный врач, философ и поэт Петрици приехал в Москву в 1606 г. в составе свиты Марины Мнишек, так как он пользовался особой благосклонностью ее семьи¹⁹¹.

¹⁸⁶ Польск.: «O narodzie bezecny, o potomstwo złego / Geryona, o plemię Eryksa zradnego! / Dosyć hańby stąd macie, żeście na własnego / Pana ręce podnieśli...».

¹⁸⁷ Anonim. *O Dymitrze* // *Pamiętnik sandomierski* / wyd T. Ujazdowski. Т. 2. Poszyt 7. Warszawa: [s.l.], 1830. S. 410–413. Точно атрибутировать произведение исследователям не удалось до сих пор, предполагается, что произведение было создано не позднее 1607 года.

¹⁸⁸ Польск.: «...zawołał odźwiernego, / powstawszy sam z łoża swego. / I kazał mu przy łożu być, / sam Szujskiemu szedł otworzyć». Здесь и далее номера строк даны по: Anonim. *O Dymitrze* // *Pamiętnik sandomierski* / wyd T. Ujazdowski. Т. 2. Poszyt 7. Warszawa, 1830. S. 410–413.

¹⁸⁹ Польск.: «schronił się za oponę, / z której tam miał swą obronę».

¹⁹⁰ Польск.: «...zapytowali / i haniebnie mordowali».

¹⁹¹ Эйльбарт Н. В. «Гораций для Марины Мнишек»: герои Смутного времени в поэзии Себастьяна Петрици // Научный диалог. 2017. № 2. С. 217.

Петрици прибыл на царскую свадьбу, намереваясь остаться в Москве и имущественно обогатиться на новом месте под покровительством будущей русской царицы¹⁹², а также продолжить свои переводы античных авторов (в частности, в это время автор занимался переложением «Этики» Аристотеля). Московское восстание перечеркнуло все творческие планы Петрици, а сам автор вместо материальных бенефиций получил только неволю на чужбине, продлившуюся до сентября 1607 года¹⁹³.

Петрици не терял времени в период своего вынужденного пребывания в Москве с 1606 по 1607 г., так как под его пером исполнялся новый творческий замысел. Отложив в сторону Аристотеля, автор принялся за перевод творчества Горация, который он перемежал собственными рассуждениями о разыгравшемся между Россией и Речью Посполитой конфликте.

Возвратившись из плена, литератор сразу же занялся переработкой составленных в Москве черновиков. В результате, в начале 1609 г. в Кракове увидел свет его *Horatius Flaccus w trudach więzienia moskiewskiego*¹⁹⁴ – произведение, считающееся первым полным переложением Горация на польский язык¹⁹⁵. По мнению литературоведов, сделанный со стороны Петрици выбор в пользу перевода работ именно Горация далеко не случаен. С точки зрения сложившейся политической ситуации, поэт сумел не привлекая к себе лишних подозрений во враждебной среде создать антимосковское произведение, зашифровав его в римской классике. Используя труды Горация, переводчик выбрал дорогу парафраза и аллюзий, с помощью чего он смог добиться поставленных перед самим собой литературных целей¹⁹⁶. Под пером С. Петрици Гораций Флакк был адаптирован к актуальной политической проблематике, и, знакомясь с

¹⁹² Petrycy S. *Horatius flaccus w trudach więzienia moskiewskiego*. Warszawa, 2006. S. 38.

¹⁹³ Trościński G. “Wiek naprawdę stracony”. *Poezja Sebastiana Petrycego jako świadectwo klęski wyprawy moskiewskiej* // *Napis*. 2006. Seria XII. S. 139.

¹⁹⁴ Petrycy S. *Horatius Flaccus w trudach więzienia moskiewskiego na utulenie żalów... w lyryckich pieśniach zawarty*. Kraków, 1609.

¹⁹⁵ До Петрици на польско-литовских землях Гораций переводился только фрагментарно. Например, переводом нескольких од занимался Ян Кохановский. Подробнее см.: Budzyńska-Daca A. *O cudownym rozmnożeniu Dymitrow, czyli retoryka wielkiej mistyfikacji* // *Napis*. 2006. Seria XII. S. 162.

¹⁹⁶ Trościński G. “Wiek naprawdę stracony”. *Poezja Sebastiana Petrycego jako świadectwo klęski wyprawy moskiewskiej* // *Napis*. 2006. Seria XII. S. 142.

историей гражданских войн в Риме, читатель с легкостью мог разглядеть в них остылки на реалии истории Речи Посполитой на рубеже XVI–XVII веков¹⁹⁷.

Horatius Flaccus w trudach więzienia moskiewskiego – многогранное с точки зрения вложенных автором смыслов произведение, не исчерпавшее интерес исследователей к себе и по сей день. Если прочие поэты ясно высказывали свои мысли о судьбе «царевича» Дмитрия, войне с Москвой и прочих будораживших общественность вопросах, то творчество С. Петрици требовало эрудированности со стороны читателя.

Как и Лиффельд, Петрици не сомневался в подлинности Дмитрия и не заострял на этой проблеме особого внимания. Куда более важен для поэта был вопрос самой роли Дмитрия в разворачивающихся в регионе событиях. Повествование С. Петрици о судьбе самозванного Дмитрия Ивановича в контексте московского восстания наполнено противоречиями диалектического характера: так, в один фрагментах мы читаем, что Дмитрий был «убит», «казнен» и «погублен», в других же, что царевич «воскрес», «спасся», а вместо него «убили подставного»¹⁹⁸.

Информация о том, что Дмитрий может быть жив, обнаруживается в 15 и 36 одах. В первой автор высмеивает бессилие москвитов, которые уже дважды пытались погубить собственного правителя, но ни одна из попыток, будто бы, не увенчалась успехом:

«Сам Дмитрий ваш, которого нет на свете,

На вашу справедливую гибель, я слышал, из мертвых восстал.

Если он дважды от вас небитый [ушел]

Скоро сила ваша может полностью рассыпаться» (кн.1, ода 15, ст. 25–28)¹⁹⁹.

¹⁹⁷ Trościński G. “Wiek naprawdę stracony”. Poezja Sebastiana Petrycego jako świadectwo klęski wyprawy moskiewskiej // Napis. 2006. Seria XII. S. 143.

¹⁹⁸ Подробнее см.: Эйльбарт Н. В. «Гораций для Марины Мнишек»: герои Смутного времени в поэзии Себастьяна Петрици // Научный диалог. 2017. № 2. С. 220.

¹⁹⁹ Польск.: «Sam Dymitr wasz, którego na świecie nie staje, / Na waszą pewną zgubę, słyhać, z martwych wstaje. / Jeśli on dwakroć od was niebity / Prędko moc wasza musi puścić nity». Здесь и далее номера строк даны по: Petrucy S. Horatius Flaccus w trudach więzienia moskiewskiego na utulenie żalów... w liryckich pieśniach zawarty. Kraków, 1609.

В дальнейшем стихотворном повествовании Петрици вновь объясняет чудесное спасение Дмитрия через убийство восставшими двойника вместо настоящего царевича:

«Защитнику Дмитрия хвалу поем,
Который дал изменникам себя погубить,
Заместо царевича убили подменного [слугу]» (кн.1, ода 36, ст. 1–3)²⁰⁰.

Тем не менее, заявляя в одних одах, что царевич спасся и жив, в комментариях к другим поэт прямо указывает на смерть Дмитрий Ивановича – «...когда бояре Дмитрия царя, господина своего, защищенного присягой служения, тайным заговором бесславно погубили...»²⁰¹.

Подобную противоречивость информации можно объяснить следующим образом. Трудно было убедить очевидцев, видевших своими глазами труп Лжедмитрия на Красной площади, в его очередном «чудесном спасении». Поэтому автор сознательно вводит мистический элемент в поэзию, когда пишет о Божьем промысле и воскрешении Дмитрия²⁰². Для поэта царевич подобен актеру, который уже с успехом исполнил свою главную роль и может уйти на заслуженный покой. Каждое из противоречащих друг другу «состояний» царевича использовалось автором для раскрытия главного посыла произведения: если Дмитрий *убит* – то надо скорейшим образом отомстить за него и за гостей свадьбы, если же он *спасся* или *воскрес* – то и в этом случае Речи Посполитой надо вмешаться в московские дела и вновь помочь царевичу.

Стихи С. Петрици обрели большую популярность в Польше как в силу своей злободневности, так и ввиду литературных достоинств. Автор создавал свое

²⁰⁰ Польск.: «Obrońcy chwałę Dmítrowemu dajmy, / Który dał ciągnąć zdrajcom jego kota / Że miasto niego ubili podmiota». Строки поддаются переводу только при изменении структуры предложений. Отдельной дашефровки требует словосочетание «Kota ciągnąć» – старопольск.: вид позорной казни/наказания, когда преступника привязывали к лошадям и протаскивали по земле перед собранием народа.

²⁰¹ Польск.: «...gdy bojarowie Dymitra cara, pana swego, przysięgą posłuszeństwa ubezpieczonego, przez cicho sprzysięgłą zdradę haniebnie zamordowali...» Цит. по: Petrycy S. Horatius flaccus w trudach więzienia moskiewskiego. Warszawa, 2006. S. 33.

²⁰² Эйльбарт Н.В. «Гораций для Марины Мнишек»: герои Смутного времени в поэзии Себастьяна Петрици // Научный диалог. 2017. № 2. С. 223.

произведение целенаправленно и в разных частях текста обращался практически ко всем заинтересованным в конфликте с восточным соседом слоям: к побывавшим в московском плену и их родственникам, к рядовой шляхте, магнатории и высшим сановникам, лично к королю Сигизмунду и его сыну Владиславу.

Петрици хоть и популяризировал идею войны с московским государством, но художественно свой призыв автор зашифровал в аллюзиях и парафразе. Наиболее же явную антимосковскую и антидмитриевскую позицию в поэзии 1606–1610 гг. отстаивал еще один пострадавший «кровавой свадьбы» – П. Пальчовский. Будучи пленником в Москве, автор из своего заключения вынес множество наблюдений о глубоко ненавистном ему народе. Антироссийское творчество Пальчовского ознаменовало собой качественную перемену в пропаганде Речи Посполитой: при изучении обстоятельств создания направленного против Москвы памфлета явно прослеживается его заказной характер. Привнесенные автором новаторские дискурсы в картину взаимоотношений России и Речи Посполитой будут рассмотрены в следующей главе настоящего диссертационного исследования.

Глава II. Трансформация военно-политической доктрины Речи Посполитой в первом десятилетии XVII в. в контексте антимосковской пропаганды

§ 1. Идеи «справедливой войны» в польской публицистике XV–XVI вв.

Морально-этический аспект ведения войн подвергся всестороннему анализу еще в трудах античных философов (от Аристотеля и до Августина Блаженного)²⁰³. Дальнейшее развитие человеческой мысли в этом направлении привело к формированию в Средние века теории «справедливой», т.е. морально допустимой войны. В рамках христианской философии концепция «справедливой войны» получила развитие в трудах таких мыслителей XIII в., как Раймонд Пеньяфортский, Вильхельм Реннский, Фома Аквинский и Синибальдо Фиески. Хотя принципы этой концепции и не всегда соблюдались на деле, тем не менее, теория «справедливой войны» служила в качестве лейтмотива в средневековой христианской публицистике, посвященной военно-политическим конфликтам²⁰⁴.

В XIV в. европейские теории о морально допустимой войне уже активно перенимались западнославянскими интеллектуалами. В Польском королевстве вопрос о «справедливом» характере войн с христианскими соседями актуализировался ввиду частых столкновений с Немецким орденом²⁰⁵. В 1364 г. под покровительством Казимира III была основана Краковская академия, 8 из 11 кафедр которой специализировались на различных аспектах юриспруденции. На базе университета (с 1400 г. получившего название «Ягеллонский») в Польском королевстве сформировалась собственная правовая школа, давшая миру ряд талантливых мыслителей.

После заключения Кревской унии судьбы Польского королевства и ВКЛ оказались тесно переплетены. Сложная конфессиональная ситуация в Литве, где проживали последователи как Западной, так и Восточной Церквей, а также

---

²⁰³ Подробнее см.: Wielgus S. Polska średniowieczna doktryna „ius gentium”. Lublin, 1996. S. 32–40.

²⁰⁴ Ehrlich L. Polski wykład prawa wojny XV wieku. Kazanie Stanisława ze Skarbimierza „De bellis iustis”. Warszawa, 1955. S. 80.

²⁰⁵ Бокман Х. Немецкий орден: Двенадцать глав из его истории. М., 2004. С. 140–141.

сохранялся и языческий элемент, развязывала руки Немецкому ордену в его завоевательных планах²⁰⁶. Апогеем военного антагонизма между польско-литовским союзом и крестоносцами стало Грюнвальдское сражение (15 июля 1410 г.).

Одновременно с военными конфликтами противоборство протекало и на страницах полемических сочинений²⁰⁷. На этом поприще в первой четверти XV в. особенно прославились два польских публициста: Станислав из Скальбмежа и П. Влодковиц.

Станислав из Скальбмежа, являвшийся выходцем из крестьянской семьи, получил образование в Пражском университете и стал в 1396 г. доктором права. После этого юрист вернулся в Польшу и начал преподавать в стенах Краковской академии, ректором которой он дважды становился²⁰⁸. Предположительно в первой половине 1410 г. полемист составил трактат *Sermo de bello iusto et iniusto*, направленный против Ордена²⁰⁹. В своем произведении автор отстаивал идею, что в ряде обстоятельств «справедливая война» может вестись даже против христиан, и для победы в такой войне вполне допустимо использование язычников.

Лицом к лицу польские и немецкие полемисты смогли встретиться и предъявить взаимные обвинения в нарушении христианских правил ведения войн на Констанцском соборе, проходившем с 16 ноября 1414 по 22 апреля 1418 г. Позиции польско-литовского союза на соборе отстаивал П. Влодковиц. Отметим, что указанный полемист с 1404 по 1408 г. провел в стенах Падуанского университета под менторством Ф. Забарелло²¹⁰, а в 1414–1415 гг. уже занимал должность ректора Ягеллонского университета, позже став его протектором (в 1418 г.).

²⁰⁶ Бокман Х. Немецкий орден: Двенадцать глав из его истории. М.: Ладомир, 2004. С. 144–145.

²⁰⁷ Прохоренков И. А. Павел Влодковиц. Конфликт Польши и Немецкого ордена на Констанцском соборе // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXIII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (26–29 ноября 2013 года) / под.ред. А. Ю. Прокопьева. СПб., 2013. С. 103–104.

²⁰⁸ Подробнее см.: Bardach J. Historia państwa i prawa Polski. T. 1: Do połowy XV wieku. Warszawa, 1964. S. 432–433.

²⁰⁹ Nowak T. M. Zagadnienie wojny sprawiedliwej w polskiej literaturze prawnej XV i XVI wieku // Napis. 2001. Seria VII. S. 40.

²¹⁰ Gorski K. Z dziejow walki o pokoj i sprawiedliwość międzynarodową. Ostatnie słowo Pawła Włodkowica o Zakonie krzyżackim. Torun, 1964. S. 9.

Жак Ле Гофф охарактеризовал итоги деятельности этого польского мыслителя следующими словами: «...Влодковиц закладывает основы «нового» облика международного права»²¹¹. На соборе в Констанце Влодковиц выступил с пламенной речью, что «справедливые войны» вовсе не должны сводиться к противостоянию христиан с нехристианами. Настоящим поводом для ведения «справедливой войны» может служить только нарушение устоявшихся границ, что Орден и совершил по отношению к польско-литовскому союзу. Завоевательная политика немецких крестоносцев, по мнению Влодковица, только вредила христианскому делу, так как создавала в умах жителей ВКЛ враждебный образ Западной Церкви.

Концепции Станислава из Скальбмежа и П. Влодковица оказались полностью созвучны внешнеполитическому курсу польско-литовского государства, а идея «оборонительной войны» (вплоть до полной победы над агрессором, как в случае с Немецким орденом) прочно легла в основу польской средневековой военной доктрины²¹².

Во второй половине XVI столетия идея «справедливой войны» подверглась детальному анализу в творчестве знаменитого польского гуманиста А. Фрыч-Моджевского. Третья книга сочинения Фрыч-Моджевского *Commentariorum de Republica emendanda*²¹³ была посвящена размышлениям о войне и насилии. В 1577 это сочинение было переиздано на польском языке²¹⁴, став более доступным для читающих кругов Речи Посполитой.

Согласно мыслителю, оборонительная война является единственной формой «справедливой войны». Именно оборонительными идеями должны руководствоваться правители при ведении внешней политики, так как те государи, «...которые не по иным причинам, единственно для славы и расширения

---

²¹¹ Жак Ле Гофф. Рождение Европы. СПб, 2008. С. 276–277.

²¹² Osterrieder M. Das wehrhafte Friedensreich: Bilder von Krieg und Frieden in Polen-Litauen (1505–1595). Wiesbaden, 2005. S. 199–200.

²¹³ Modrzewski A. F. Andreae Fricii Modrevii commentariorum de Republica emendanda libri quinque. Basileae, 1551.

²¹⁴ Modrzewski A. F. Andrzejia Fricza Modrzewskiego O poprawie Rzeczypospolitey księgi czwore. Przez Cypriana Bazilika z lacińskiego na Polski przetłumaczone. Łosk, 1577.

государства [воюют] – те великое зло чинят людям и их имуществу»²¹⁵. Слава и богатство, традиционно обосновывающие ведение войны в публицистике или героической поэзии, не могут оправдать, по мысли автора, моральные и материальные издержки, падающие в военное время на плечи мирного населения.

Что касается перспектив приобретения новых земель благодаря войнам, то Фрыч-Моджевский ставил современным ему правителям в пример короля Сигизмунда Старого, который после смерти Людовика II Венгерского в 1526 г. не занял предлагаемые ему чешский и венгерский престолы, так как это увело бы его от дел польского королевства²¹⁶. Правители же, овладевшие многими землями, и по причине обширности своих владений неспособные уследить за их процветанием, порицались мыслителем²¹⁷.

Таким образом, от первых публичных выступлений юристов краковской школы против немецких рыцарей и до обобщающего философского труда Фрыч-Моджевского, практически два столетия в польской военно-политической публицистике центральное место занимала идея «справедливой/оборонительной» войны. В разгар польско-литовского вмешательства в события Смуты в России эта доктрина подверглась пересмотру в угоду политическим амбициям королевского двора. Лозунг защиты своих границ и возвращения утраченных ранее земель в литературе шел уже только вторым: на передний план выдвинулся призыв к наступательной войне, которая должна была закончиться полным разгромом и подчинением противника.

---

²¹⁵ Польск.: «...ktorzy nie dla inszej przyczyny wszczynają wojnę, jedno dla sławy albo dla rozszerzenia państwa: ci bardzo źle sprzyjają ludziom i ich rzeczom». Modrzewski A. F. Andrzeia Fricza Modrzewskiego O poprawie Rzeczypospolitey. К. 106r.

²¹⁶ Ibid. К. 106v–107r.

²¹⁷ Польск.: «А ponieważ wiele dalekich krain trzymają, przeto wiele rzeczy nie wiedzą, co się tam dzieje...». Ibid. К. 107r.

§ 2. «Домашняя война» в Речи Посполитой и вторжение в Россию в контексте начала централизованной провоенной пропаганды

Майские события 1606 г. потрясли общественность Речи Посполитой, вызвав у нее широкий спектр эмоций. С одной стороны, набирала популярность идея военного разрешения конфликта с Россией. Как отмечал Б. Н. Флоря, «...в лице родственников и друзей задержанных в Москве шляхтичей образовался обширный круг достаточно влиятельных лиц, готовых поддержать враждебные меры, направленные против Русского государства...»²¹⁸. С другой же стороны, возможность широкомасштабного конфликта с Москвой пугала осторожных политиков²¹⁹: не придется ли Речи Посполитой понести ответственность за негласную поддержку Самозванца?

Шаткость положения нового царя Василия Шуйского подталкивала власть Речи Посполитой к войне против России. Как упоминалось в предыдущей главе нашего исследования, в скором времени после убийства Лжедмитрия начали распространяться вести о втором чудесном спасении царевича от боярских козней. Слухи, будоражившие умы повсюду, особенно горячий отклик получили у населения южных окраин Московского государства, где люди были готовы с оружием в руках отстаивать льготы и привилегии, полученные ранее от «царевича Дмитрия»²²⁰.

Тем не менее, положение внутренних дел в Речи Посполитой не способствовало быстрой организации военной экспедиции против Москвы. В 1606 г. против Сигизмунда III сложился Сандомирский рокош, возглавленный Н. Зебжидовским. Апогеем рокоша стало составление акта о детронизации Сигизмунда 24 июня 1607 г., однако победа королевских войск над рокошанами под Гузовом позволила монарху усмирить бунтующую шляхту²²¹. Любопытно

---

²¹⁸ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 65.

²¹⁹ Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Крестьянское восстание под предводительством И.И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России в XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 330.

²²⁰ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 65.

²²¹ Там же. С. 66.

отметить, что недовольство своим королем среди отдельных представителей шляхты и магнатории почувствовал еще первый Лжедмитрий во время своего пребывания в Польше. После воцарения в Москве лжецаревич через своих посланников контактировал с польско-литовским нобилитетом, намекая, что он мог бы возглавить и Речь Посполитую, заменив на престоле неоднократно нарушавшего права шляхты короля Сигизмунда²²².

Таким образом, Москва и Варшава, скованные внутривосточными неурядицами, равно не были заинтересованы в развитии конфликта²²³. Вразрез с этим стихийно складывались события. После смерти Лжедмитрия I уже в скором времени на окраинах московского государства начали появляться новые самозванцы, претендующие на царский престол. Участие польско-литовских добровольцев в отрядах авантюристов нагнетало международную обстановку. Отчетливо польский элемент был замечен в предприятии Лжедмитрия II с самого его начала. Поддержка второго лжецаревича рядом крупных сановников Речи Посполитой (Я. П. Сапега, Р. Ружинский и др.) вновь обострили до предела отношения между Москвой и Варшавой, а антирусская полемика и пропаганда получили новый виток развития.

После убийства Лжедмитрия I в московском плену оказалось множество представителей знатных польско-литовских родов. Задержка гостей свадьбы, фактически ставших заложниками, объяснялась необходимостью проведения разбирательства и выяснения обстоятельств появления лжецаревича и складывания его военной экспедиции. Иначе дело обстояло с послами короля Сигизмунда – Н. Олесницким и А. Гонсевским, арест которых в Москве существенно нарушал международный дипломатический этикет. Получив долгожданный отпуск в 1608 г., посланцы вернулись в родные земли, став героями многих летучих листов. Для целей пропаганды было важно приводить доводы очевидцев московских дел;

---

²²² Костомаров Н. И. Смутное время. Московское государство в начале XVII столетия. М., 2008. С. 211–213.

²²³ Czekalska A. Drugi etap rokoszu Zebrzydowskiego (X 1606 – VI 1608) w świetle wybranych druków ulotnych // Acta Universitatis Lodzianensis. 2016. Folia historica 96. С. 37–39.

свидетельства же послов, которые по долгу своей службы обязаны разбираться в заграничных делах, были особенно ценны для агитации.

С возвращением послов из плена совпало распространение летучего листа *Posel z Moskwy*²²⁴. Произведение имеет форму диалога, который вели между собой польский дипломат и повстречавшийся ему по пути небогатый шляхтич. По сюжету шляхтич останавливает посланца, чтобы поскорее узнать новости из России, и сразу же задает ему вопрос о Дмитриии:

«Ответь мне поскорее на то, о чем тебя хочу спросить:

Действительно ли Дмитрий жив, как у нас об этом слышно?». (ст.7–8)²²⁵.

Гонец отвечает, что вести такие разговоры ему опасно, так как несправедливо занявший престол Шуйский силой пресекает любые слухи о Дмитриии (ст. 22–24). Тем не менее, согласно послу, все в Москве верят, что истинный царевич бежал и сейчас находится в безопасности. Идея повторного спасения царевича повторяется в заключительных стихах летучего листа:

«Боже мой, утешь же своего Дмитрия,

Который дважды ушел из родного государства

Из-за предательства своих подданных, которому он не дал повода!» (ст. 1–3)²²⁶.

Шляхтич сочувствует русскому народу и вопрошает гонца: «Посол, есть ли еще в Москве надежда на мир, или же ей вечно суждено быть местом кровавого боя?» (ст. 47–48). Автор произведения вложил в уста посла риторику, направленную против рокоша Зебжидовского. В произведении утверждается, что Речь Посполитая с легкостью бы навела порядок у восточного соседа, если бы не

²²⁴ *Posel z Moskwy, który przez Litwę idąc, potkał go szlachcic polski i pytał o nowiny.* [b.m.], 1608.

²²⁵ Польск.: «Powiedz mi tak naprędce, o co cię chcę spytać: / Jeśliże ten Dymitr żyw, iako u nas slychać?». Здесь и далее нумерация строк дана по: *Posel z Moskwy, który przez Litwę idąc, potkał go szlachcic polski i pytał o nowiny.* [b.m.], 1608.

²²⁶ Польск.: «Boże moj, pociesz kiedy Dymitra swojego, / Ktory dwakroć uchodzę z państwa ojczyznego / Dla zdrady swych poddanych, nie dawszy przyczyny!».

пожар мятежа на собственных землях. Посол отмечает, что все Московское государство могли бы покорить польские рыцари и принести ему мир, но «без пользы в родной земле Отчизны теперь лежат» (ст. 106).

Масштабный рокош Зебжидовского, ставший одним из главных символов противостояния королевской власти и своеволия магнатерии в историографии²²⁷, побудил современных ему авторов составить большое количество публицистических «плачей» и других жанрово схожих дидактико-морализаторских произведений, осуждающих «домашние войны»²²⁸. Надрегionalный взгляд на внутренние проблемы Речи Посполитой на рубеже XVI–XVII вв. позволяет отметить, что поразившие польско-литовские земли кризисные явления не были уникальными, так как схожие сценарии внутривполитических неурядиц разыгрались в большинстве государств Европы.

Демографический бум, приведший к постепенному обезземеливанию мелкой шляхты и дроблению владений более преуспевающих родов, актуализировал вопрос колонизации новых земель. Ведущим мотивом в публицистических «плачах» указанного периода было осуждение разорительных домашних войн, которые шляхта вела на польско-литовских землях, вместо того чтобы добывать новые территории на благо Республики. Полемистов возмущало, что лишённые источников дохода в собственном государстве сыны короны сражались друг с другом, с королевской властью или же в качестве наемников в армиях враждебных Речи Посполитой держав²²⁹.

В качестве перспективного направления для территориальной экспансии Речи Посполитой в польской публицистике конца XVI–XVII вв. часто упоминались малозаселенные земли на южных рубежах этого государства²³⁰. Однако события Смуты в России вызвали изменения в направленности польских колонизационных планов, они были переориентированы на Восток, против Российского государства,

²²⁷ Maciszewski J. *Wojna domowa w Polsce (1606–1609): studium z dziejów walki przeciw kontrreformacji. Część I. Steżycy do Janowca*. Wrocław, 1960. S. 1–2.

²²⁸ Nowak-Dłużewski J. *Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce. T. 4: Zygmunt III*. Warszawa, 1971. S. 119.

²²⁹ Czapliński W. *O Polsce Siedemnastowiecznej. Problemy i sprawy*. Warszawa, 1966. S. 178.

²³⁰ *Ibid.* S. 179.

чему способствовала нестабильность центральной власти в сопредельном государстве. Особенно выигрышно гипотетический анабазис на Москву ради расширения жизненного пространства выглядел в том контексте, что предстоящую кампанию можно было представить и как очередной этап борьбы против расширения шведского влияния, и как крестовый поход на Восток ради торжества католической веры²³¹.

В 1604 г., когда при королевском дворе обсуждалась возможность помощи первому Самозванцу, ряд крупных сановников выступил строго против вмешательства в дела России даже при его скрытом характере. Отказывались поддержать авантюру такие крупные политические деятели, как великий канцлер коронный Я. Замойский, епископ виленский Б. Война, каштелян познаньский Я. Остророг, бжесць-куявский воевода А. Лещинский и маршалок великий литовский К. Дорогостайский²³².

К 1609 г. настроения в королевском совете под влиянием актуальных политических событий поменялись и сенат Речи Посполитой практически единогласно выступал за идею войны с Москвой. Особенно горячую поддержку военное предприятие получило в речах канцлера литовского великого Льва Сапег и каштеляна малогощского Н. Олесницкого²³³. Решительно против войны снова высказывался только К. Дорогостайский. Также отметим, что не поддерживавший идею прямого военного вмешательства в дела России С. Жолкевский пытался отговорить короля от затеи, апеллируя к слабости армии, ее плохому вооружению, слабой артиллерии и расстроенным финансам²³⁴.

К 1609 г. целая совокупность факторов подталкивала Сигизмунда III к интервенции в Россию: перспективы укрепления собственной власти и расширения земель Речи Посполитой, необходимость дать отпор нарастающему влиянию Швеции в ослабленной внутривнутриполитическими неурядицами России, поддержка

---

²³¹ Граля Х. «In der Tyrannen Hand»: Русская колонизация Ливонии во второй половине XVI в. Планы и результаты // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. №2 (16). С. 184–186.

²³² Czapliński W. O Polsce Siedemnastowiecznej. Problemy i sprawy. Warszawa, 1966. S. 185.

²³³ Maciszewski J. Polska a Moskwa 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968. S. 162–163.

²³⁴ Ibid. S. 164–165.

намерений короля ближайшими советниками и духовенством, одобрение экспансионных планов со стороны папской курии. Вопреки всему этому, проходивший в Варшаве с 15 января по 26 февраля 1609 г. ординарный вальный сейм отказался дать согласие на открытое вторжение в Россию и вотировать какие-либо дополнительные поборы на армейские нужды²³⁵. Представители посольской избы опасались, что даже если военное предприятие и достигнет успехов, то это, прежде всего, значительно укрепит позиции короля, тем самым нарушив и без того шаткое политическое равновесие в Речи Посполитой между монархом и политическими сословиями.

Перспектива обретения новых земель находила отклик среди депутатов сейма, но не следует забывать о неоднородности шляхетских масс в целом. В настроениях шляхты накануне военного вторжения в Россию наблюдался явственный раскол: если дробная шляхта готова была поддержать любую экспансионистскую политику в надежде поправить собственное материальное благополучие, то большинство представителей среднего и крупного нобилитета были настроены против авантюрных королевских планов, опасаясь существенных материальных потерь и утраты своего положения²³⁶.

Когда негативная позиция широких шляхетских кругов по вопросу войны с Россией стала очевидной, к мнению депутатов сейма примкнули виленский воевода Н. К. Радзивилл и гетман великий литовский Я. К. Ходкевич. Внимание короля пытались перевести на прибалтийские дела, замечая, что общественность Речи Посполитой санкционировала бы новый поход против шведов в Инфлянтах и охотно бы дала на него денег, в то время как открытая война с Россией вызывала серьезные опасения²³⁷.

Несмотря на противодействие шляхты, король не отступился от своих восточных планов и решил начать войну самовольно. Это представляется очень любопытным явлением: хоть и по желанию малочисленной политической

---

²³⁵ Maciszewski J. Polska a Moskwa 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968. S. 165.

²³⁶ Maciszewski J. Szlachta polska i jej Państwo. Warszawa, 1986. S. 191–192.

²³⁷ Maciszewski J. Polska a Moskwa 1603–1618. S. 168–169.

верхушки, но все же Речь Посполитая перешла от оборончества к прямой военной агрессии по отношению к России²³⁸. Исследователь Я. Мачишевский, анализируя сложившуюся к началу открытой интервенции в Россию ситуацию, отметил: «...не оставалось тогда ничего другого королю и его советникам, как усилить военную пропаганду и поставить большинство шляхты уже перед свершившимися фактами»²³⁹.

Предприняв подобный рискованный шаг, королевская канцелярия значительно усилила информационное давление внутри государства. Так как вальный сейм отверг идею войны с Россией и какого-либо дополнительного финансирования армии, то было принято решение искать средства на военную кампанию на местных сеймиках, которые стали полем полемической борьбы идеологов и противников войны. Исход этого противостояния разнился в зависимости от региона и числа преданной королю магнатории в нем. На некоторых сеймиках королевским эмиссарам действительно удавалось убедить шляхту в необходимости военного похода, попутно обвиняя противников кампании в излишней трусости, которая ослабляет Речь Посполитую и ставит ее престиж под удар²⁴⁰. Успешно для планов короля, например, прошли сеймики ружанской (*ziemia różańska*) и ломжинской (*ziemia łomżyńska*) земель в Мазовии, где шляхта согласилась на побор под давлением лояльного Сигизмунду III духовенства. С другой же стороны – хватало и местных сеймиков, где депутаты наотрез отказывались идти на уступки королю, а сторонников интервенции в Россию объявляли роялистами и противниками шляхетских свобод²⁴¹. Примером подобной ситуации могут послужить результаты работы сеймиков в шредзкой (*ziemia średzka*) и вишенской (*ziemia wiszeńska*) землях.

От лица приближенных к королю советников обосновывать необходимость войны перед лицом соотечественников было поручено подканцлеру Ф. Крыскому,

²³⁸ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 268.

²³⁹ Maciszewski J. Polska a Moskwa 1603–1618. S. 165.

²⁴⁰ Czapliński W. O Polsce Siedemnastowiecznej. Problemy i sprawy. Warszawa, 1966. S. 195.

²⁴¹ Maciszewski J. Polska a Moskwa 1603–1618. S. 182.

который в духе макиавеллизма²⁴² в своей полемической брошюре *Diskurs słusznej wojny z Moskwą, rationes pro et contra*²⁴³ продвигал идею перспективности переориентации внешней политики Речи Посполитой на Россию. Под пером талантливого полемиста война превращалась в некую политическую панацею от всех внутренних проблем Республики. По его мнению, поход на Москву смог бы удалить из королевства бывших рокошан и пресечь конфликты внутри государства. В тексте снова повторялись манящие картины невиданного расширения земель Речи Посполитой, разгрома шведского элемента в России и обретения сказочных богатств на Востоке. Иначе говоря, Крыский предлагал решить внутренние проблемы своего государства за счет успешного похода на Москву, ввиду чего в пропагандистской литературе набирала ход кампания по демонизации русского народа.

Наиболее полно и последовательно все эти идеи были изложены в трудах П. Пальчовского²⁴⁴, чья политическая брошюра *Kołada Moskiewska*²⁴⁵ даже распространялась при поддержке королевской канцелярии. В частности, сеймовые акты демонстрируют нам, что депутаты сеймиков были знакомы с текстами Пальчовского и регулярно их цитировали, а сам автор, чьи финансы были расстроены длительным московским пленением, получал денежную помощь от поддерживавших идею войны магнатов²⁴⁶. Творчество указанного полемиста нуждается в детальном разборе, так как оно демонстрирует нам рост популярности колониационного дискурса в польско-литовской литературе антимосковского характера и может считаться уже продуктом централизованной провоенной пропаганды.

²⁴² Юсим М. А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. Этика Макиавелли. Макиавелли в России. М., 2011. С. 260–261.

²⁴³ Подробнее см.: Maciszewski J. Kryski Feliks vel Szczęsny z Drobnina (Drobina) h. Prawdzic // Polski słownik biograficzny. T. 15. Wrocław, 1970. S. 482–485.

²⁴⁴ Maciszewski J. Polska a Moskwa 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968. S. 170–171.

²⁴⁵ Palczowski P. Kołada moskiewska. To iest, Woyny Moskiewskiey, Przyczyny Słuszne, Okazyja pozadana, Zwycięstwa nadzieia wielka, Państwa tam tego pożytki y bogactwa, nigdy nieoszacowane. Krótko opisane Przez Pawła Palczowskiego, z Palczowic, Szlachćica Polskiego. Kraków, 1609.

²⁴⁶ Czapliński W. O Polsce Siedemnastowiecznej. Problemy i sprawy. Warszawa, 1966. S. 197.

§ 3. Планы подчинения и колонизации России в сочинениях Павла Пальчовского

Павел Пальчовский родился около 1570 г. Рано лишившийся отца, он воспитывался в кальвинистской вере матерью Б. Любомирской и дядей С. Пальчовским из Пальчовиц. С 1589 по 1604 гг. будущий полемист объездил большую часть Европы: Германию, Нидерланды, Англию, Францию и Италию²⁴⁷. Вернувшись в Речь Посполитую, Пальчовский занялся публицистикой и заручился поддержкой ряда магнатских родов. Особо писателю покровительствовала родственная по материнской линии семья Любомирских: С. Любомирскому было посвящено сочинение *Status Venetorum sive Brevis tractatus de origine et vetustate Venetorum*²⁴⁸, рассказывающее о порядках Венецианской республики.

Вскоре после возвращения в Речь Посполитую писатель был включен в состав свиты Н. Олесницкого и вместе с сановником прибыл в 1606 г. на свадьбу М. Мнишек и царевича Дмитрия. В результате московского погрома Пальчовский был взят под стражу и не мог отбыть на родину вплоть до 1608 г. В неволе полемист деятельно собирал материал для своего будущего антироссийского памфлета и пытался поддерживать связь с другими пленёнными соотечественниками, разосланными по разным русским городам.

До застрывших на чужбине поляков и литовцев фрагментарно доходили сведения о бушевавшем в Речи Посполитой рокоше Зебжидовского²⁴⁹. Пальчовский позже выказывал неприятие бунта на листах своих полемических работ: по его мнению, пока шляхта увязла в домашней войне, настоящий враг Речи Посполитой на востоке креп и набирался сил. Подобный сплав провоенной и антирокошанской полемики идеально вписывался в идеологическую концепцию военной кампании Сигизмунда III против России. Поэтому не вызывает удивления, что после своего возвращения в 1608 г. в Речь Посполитую П. Пальчовский был

---

²⁴⁷ Подробнее см.: Palczowski P. *Koleđa moskiewska / wyd. i oprac. Grzegorz Franczak. Warszawa, 2010. S. 8–11.*

²⁴⁸ Palczowski P. *Status Venetorum sive Brevis tractatus de origine et vetustate Venetorum, traktat po łacinie o ustroju Republiki Weneckiej. Cracoviae, 1604.*

²⁴⁹ Czaplinski W. *O Polsce Siedemnastowiecznej. Problemy i sprawy. Warszawa, 1966. S. 188–189.*

замечен королевским двором, чему также способствовали его влиятельные родственники.

Исследователь В. Чаплинский предполагал, что посвященное сеймовым послам и сенаторам сочинение *Kołąda moskiewska* было отпечатано при финансовой поддержке со стороны королевской канцелярии²⁵⁰. Конъюнктурный характер творчества полемиста отмечался Б. Н. Флорей: «высказывания Пальчовского не были отражением лишь его собственных взглядов. Отзвуки аналогичных воззрений обнаруживаются также в инструкциях сеймиков и в публичных выступлениях сенаторов и послов»²⁵¹. Быстро растиражированное к началу работы сейма и представленное депутатам сочинение *Kołąda moskiewska* представляет собой наиболее обстоятельное собрание провоенных доводов в 1609 г. П. Пальчовский с первых же строк четко обозначил цели своего литературного труда в небольшом стихотворном тексте, открывающем его памфлет:

«Так, долгое время живя с московскими людьми,
Ушами и глазами своими познал я [их] исчерпывающе,
И потому кратко тут собрать [известия] хотел бы; для себя возжелал, чтобы
Отчизне моей был известен тот народ слабый,
Медлительный и бессильный; чтобы было известно,
Что никогда раньше не находилось такого удобного случая
Земли их обширные забрать, гордость их укротить,
Веру их и обычаи злые в лучшее состояние переменить»²⁵².

Чтобы побудить рыцарство к решению указанных задач, автор привел большое количество доводов и сулил участникам многие выгоды от захватнической военной экспедиции. Распространение сочинения подобного

²⁵⁰ Czaplinski W. O Polsce Siedemnastowiecznej. Problemy i sprawy. Warszawa, 1966. S. 189–190.

²⁵¹ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 271.

²⁵² Польск.: «Com, długi czas mieszkając z ludźmi moskiewskimi, / Uszyma i oczyma pilno czerpał swemi, / Tom krotko tu zebrać chciał, życząc sobie, aby / Ojczyźnie mej znajomy był ten narod słaby, / Marny i niepotężny; ażeby wiadano, / Iż nigdy tak łącznego przystępu nie miano / Ziemię ich wziąć obfitą, hardość ich ukroczyć, / Wiarę i złe zwyczaje w lepszy rząd obroczyć». Palczowski P. Kołąda moskiewska / wyd. i oprac. Grzegorz Franczak. Warszawa, 2010. S. 55.

характера было выгодно для королевской власти в условиях готовящейся войны против России. Так как «Koleđa» представляет собой авторское произведение талантливого публициста, то поднимаемые в нем темы и приводимые аргументы не шли последовательно, как это было бы в сухо написанном аналитическом произведении. Пальчовский стремился добиться от читателя выгодной для королевского предприятия эмоциональной реакции, поэтому предпочтение было отдано художественному принципу компоновки материала, а не утилитарному. Для того, чтобы детально проанализировать идеи памфлета П. Пальчовского, которые идут сплошным потоком в тексте, регулярно повторяются в видоизмененных формах и несколько хаотично сменяют друг друга, в рамках данного диссертационного исследования мы их систематизировали и разделили на четыре крупных тематических блока:

Обоснование необходимости войны с Россией.

Оправдание грядущей войны Речи Посполитой с Россией П. Пальчовский начинал с привычного для антимосковской полемики рассматриваемого периода мотива отмщения обид. Но Пальчовский развернул этот тезис и уже в гораздо меньшей степени апеллировал к чувствам родственников и друзей погибших в Москве гостей на царской свадьбе 1606 г. Автор акцентировал внимание именно на репутационном ущербе, который был нанесен всей Речи Посполитой москвитями, что, в свою очередь, затрагивало уже каждого жителя Республики.

Пальчовский стремился убедить своих читателей, что произошедшее в Москве выходило за рамки только лишь польско-литовско-русских отношений, и уже приковало к себе взгляды многих европейских государств. Следует заключить, что полемист в своем сочинении перевернул картину грядущей войны таким образом, что Речь Посполитая из агрессора превращалась в государство, «защищающееся» от «натиска» со стороны России. Новости об учиненном русскими над подданными Речи Посполитой насилии широко расходились по всему свету, и мириться с этим было бы позорно для шляхетской чести: «точно знаю, что давно уже в немецких и прочих землях по ярмаркам и городкам ту трагедию через описания и иллюстрации передают: вот наши строем едут на

свадьбу, московиты перед ними и за ними с триумфом [скачут], а вот уже московит поляка рубит, бьет, а тот руки воздевает и милосердия просит. Могут там такие вещи писать и рисовать, которых никогда не было»²⁵³.

Пальчовский красочно подчеркивал всю несправедливость ситуации: польско-литовское рыцарство, которое принесло мир соседнему государству и помогло навести порядок на его землях, сначала подверглось вероломному нападению в Москве, а потом еще и стало предметом насмешек в европейских летучих листах²⁵⁴. Автор констатировал, что ему неизвестен другой такой пример, чтобы один народ понес столько обид от другого, сколько поляки и литовцы вытерпели от московитов²⁵⁵.

Унизительность подобного положения усугублялась еще и тем, что, по мнению Пальчовского, жители Речи Посполитой терпели бесчинства «от такого [народа], которого под солнцем мира нет более никчемного и беспутного»²⁵⁶. Как мы показали в предшествующих главах диссертационного исследования, топосы обесчеловечивания и демонизации русских являлись вполне типичными мотивами для польско-литовской полемики рубежа XVI–XVII вв. Однако вышедшее в преддверии сейма, на котором должен был решаться вопрос начала войны, и тиражируемое при поддержке королевской власти сочинение *Kołąda moskiewska* сильно выделяется даже на общем русофобном литературном фоне.

Пальчовский не стеснялся любых художественных перегибов ради достижения главной цели – изобразить русский народ таким, чтобы у читателей он не вызывал других эмоций, кроме презрения и ненависти. Следующий цитируемый нами пассаж оптимально иллюстрирует этот тезис. Полемист отмечал, что во время своего заключения он сумел наладить контакт с другим пленником московитов – монахом Николаем де Мелло²⁵⁷. По словам автора, этот миссионер хотел рассказать всему миру правду о московитах, но ими же был изобличен и взят под стражу: «те

²⁵³ Palczowski P. *Kołąda moskiewska* / wyd. i oprac. Grzegorz Franczak. Warszawa, 2010. S. 100.

²⁵⁴ Palczowski P. *Kołąda moskiewska*. S. 96.

²⁵⁵ Ibid. S. 107.

²⁵⁶ Ibid. S. 107.

²⁵⁷ Николай де Мелло – португальский монах-августинец, папским престолом направленный в качестве миссионера в Индию, Персию и Россию. Во время правления Бориса Годунова был схвачен и заключен в Соловецком монастыре, где и скончался в 1611 году.

люди христианского имени и названия не достойны, так как под именем этим такие грехи и мерзости творят, какие ни один народ на свете [не позволяет себе]. И свидетельствую тому перед Господом Богом Иисусом Христом, что за все длительные странствия свои... не видел и не слышал я о таком народе, который сравнился бы с москвитами во всяком роде неправедности, греховности, предательстве, которому были бы чужды любые добродетели и справедливость, законы человеческие и божественные, который так же был бы лишен всякой любви и милости, страха перед Богом и людьми, который был бы наполнен грехами, несправедливостью, непристойностью, распутством, взяточничеством, содомским грехом, безумием; и таковы не отдельные люди там, а все они, от мала и до велика, а наиболее упорны и скоры к совершению всякого греха у них священники, клирики, чернецы...»²⁵⁸. Пальчовский подытоживает, что москвиты – это настоящие антихристиане, и по сути своей они даже куда более губительны для настоящих христиан, чем язычники, мусульмане или иудеи.

Продолжая тему «греховного народа», в котором презренны все от малого и до великого, автор не забыл осыпать оскорблениями и самого московского царя. Ссылаясь на дипломатический опыт Герберштейна и Поссевино, Пальчовский вспомнил об обычае русского правителя после принятия чужеземных послов тщательно мыть руки: «не делает такого святой отец Папа [Римский]. Не делал такого сам Христос, чтобы он сразу умываться стал после того как на него посмотрели, с ним заговорили или до него дотронулись, хоть и с явными грешниками общался. А этот безобразный московский зверь (*A ta brzydka bestyja moskiewska*), который чесноком, луком, водкой и потом смердит, будто пес несколько дней как умерший, и у которого руки привычно измазаны кровью подданных своих, которыми не иначе как тиранским способом управляет, что творит?»²⁵⁹.

Соседство Речи Посполитой с Москвой – заключает Пальчовский – это Божье испытание, и Республика обязана пройти его с честью, восстановить

²⁵⁸ Palczowski P. *Kołąda moskiewska*. S. 130–131.

²⁵⁹ *Ibid.* S. 103.

справедливость и отомстить «восточным варварам»²⁶⁰. Таким образом полемист и приходит к магистральному провоенному аргументу в своем произведении, который соответствовал идеологии политической элиты Речи Посполитой: по мнению магнатории и шляхты война с Москвой неизбежна. Любая попытка решить конфликт с Россией дипломатическим путем обречена на провал: «воистину, воевать с этим народом нужно, а не соглашения заключать! Не послов к ним отправлять, но трубачей!»²⁶¹.

Провозглашение военного превосходства Речи Посполитой над Россией.

Анализ приводимых П. Пальчовским провоенных аргументов способствует лучшему пониманию общественных настроений в Речи Посполитой накануне вторжения в Россию. В частности, полемист хорошо понимал, что шляхта волновалась о тяготах и потерях, которые им сулила грядущая война, ввиду чего стремился успокоить и воодушевить своих читателей. Объявив о неизбежности войны, автор незамедлительно провозглашал, что Речь Посполитая в 1609 г. ничем не рисковала в случае одобрения сеймом военной экспедиции против Москвы.

Описывая все пережитое им в неволе, Пальчовский констатировал, что проиграть в военном сражении таким плохим воинам как москвиты просто невозможно: «[В Московии] одни звери в лесу между деревьями, другие за валами в городах, среди стен обитают и живут. Ведь разве это люди, которые ни добропорядочности дома, ни умелости и отваги в лагере, ни сил достаточных для битвы, ни стойкого сердца и ни нужного совета не имеют? Лишь по мнению других народов они на что-то годятся, а в сущности дома ничего из себя не представляют, хитростью и обманом все получают только»²⁶².

Как и в случае с проблемой обоснования необходимости грядущей войны, полемист апеллирует к сконструированным им негативным чертам соседнего народа, когда пишет о военной слабости России. Пальчовский регулярно подчеркивал, что он описывал то, чему был свидетелем сам. Например, писатель

---

²⁶⁰ Palczowski P. *Kołąda moskiewska*. S. 108.

²⁶¹ *Ibid.* S. 102.

²⁶² *Ibid.* S. 60.

уверял, что лично видел, как во время военных упражнений один стрелец из пищали пытался поразить соломенное чучело, но вместо этого выстрелом убил случайного человека – настолько плохо были подготовлены русские стрелки и столь низкого качества у них оружие, что выпущенная пуля может полететь куда угодно. Заканчивает эту небольшую заметку Пальчовский риторическим вопросом: и много ли противников может настрелять такой боец?²⁶³

Сразу же автор спешит заметить, что если такова подготовка лучших воинов в Москве, то другие и вовсе не умеют сражаться. Иные виденные полемистом солдаты при звуке выстрела сразу же на землю в испуге падали, так как думали, что это ударил гром²⁶⁴. В сочинении активно продвигалась идея, что подавляющее большинство москвитов воюют неохотно и оружие впервые в жизни берут только перед предстоящим сражением. Пальчовский заключил, что таков был план Господень, чтобы он вместе с гостями свадьбы побывал в плену, всю правду узнал про то, каковы же из себя москвиты в военном деле и поскорее бы об этом на родине всем рассказал²⁶⁵.

Памфлет наполнен множеством подобных эпизодических историй, но автор ими не ограничивался и стремился дать масштабную аналитику, которая показывает, что Пальчовский в действительности был неплохо осведомлен о делах и настроениях в России. Рассуждая о нестроении в московском государстве, автор верно выделил подточившие его силы факторы:

1. Полемист писал о неурожайных годах и спровоцированных ими эпидемиях, пришедшихся на годы царствования Бориса Годунова.
2. Пресечение рода Рюриковичей и вытерпленные русскими беды при Годунове привели к падению авторитета центральной власти. Никто, по мнению писателя, не способен был навести в России порядок, поэтому местное население охотно приняло бы природных государей из Речи Посполитой

---

²⁶³ Palczowski P. Kołęda moskiewska. S. 108–109.

²⁶⁴ Ibid. S. 109.

²⁶⁵ Ibid. S. 116–117.

3. После смерти лжецаревича в мае 1606 г. Россия оказалась в пучине опустошительной «домашней войны». На основании этого Пальчовский делал вывод, что русские не смогли бы оказать серьезное сопротивление вторжению извне²⁶⁶.

На последнее умозаключение Пальчовского нам хотелось бы обратить особое внимание. *Kolęda moskiewska* явно выделялась на фоне прочих агитационных произведений как в силу своего заказного характера, так и благодаря художественным достоинствам, которые сумел привнести в текст искренне ненавидевший Россию по личным причинам автор. Сочинение было замечено современниками и активно ими цитировалось. В качестве иллюстрации к этому утверждению мы продемонстрируем, как фрагмент текста о последствиях «домашней войны» в России у Пальчовского перешел в популярную среди читателей тех времен²⁶⁷ хронику А. Гваньини:

Таблица 1.

П. Пальчовский, «Коляда Московская» ²⁶⁸ .	А. Гваньини, «Хроника Европейской Сарматии» ²⁶⁹ .
<p>Za nastąpieniem potym, y za prędkim sie obraniem tego Suyskiego na to gospodarstwo, zaraz domowa woyna między nimi urosła. Dopieroż sie w te czasy krew ich hoynie lała, tak że do tych czasow wszystkich dusz z obu stron, więcej niż na dwa kroć sto tysięcy (jako nam to Moskwa, nawet samiż</p>	<p>Po zamordowaniu Dymitra, zarazem sobie Szuyskiego za pana obrali, zaczym też zaraz y domowa woyna między nimi urosła: dopieroż sie w te czasy krew ich hoynie lała, tak że ich na ten czas wszystkich dusz z obu stron więcej niż na dwakroć stotysięcy poległo, która liczba</p>

²⁶⁶ Palczowski P. Kolęda moskiewska. S. 90–92.

²⁶⁷ При жизни автора хроника была переиздана семь раз. В рамках нашего исследования использовалась самая полная редакция текста, изданная в Кракове в 1611 году.

²⁶⁸ Palczowski P. Kolęda moskiewska. To iest, Woyny Moskiewskiej, Przyczyny Sluszne, Okazyja pozadana, Zwycięstwa nadzieia wielka, Państwa tam tego pożytki y bogactwa, nigdy nieoszacowane. Krotko opisane Przez Pawła Palczowskiego, z Palczowic, Szlachćica Polskiego. Kraków, 1609. S. D3v.

²⁶⁹ Kronika Sarmacyey Europskiej: W Ktorey Sie Zamyka krolestwo Polskie [...] tudzież też Wielkie Xięstwo Lithew., Ruskie, Pruskie, Zmudzkie, Inflantskie, Moskiewskie y część Tatarow Przez Alexandra Gwagnina [...] Pierwey Roku 1578 po Lacinie wydana ; A teraz zas z przyczynieniem tych Krolow, ktorych w Lacińskiej niemaß, Tudzież krolestw [...] Przez tegoż Authora [...] Rozdziałami na X Książ krocichno zebrana, A przez Marcina Paszkowskiego za staraniem Authorowym z Lacińskiej na Polskie przełożona/ Kronika W.X. Moskiewskiego y Państw do niego należących. Kraków, 1611. S. 78.

<p>przystawowie powiedali) poległo. A tak w małym czasie, około pięćkroć sto tysięcy ludzi tam poginęło: ktora liczba, ledwie za kilkaset lat w pokoju żyjąc, napelnić sie może²⁷⁰.</p>	<p>ledwie za kilka setlat w pokoju żyjąc wypełnić może²⁷¹.</p>
--	--

Аккумулятивировав в своем произведении русофобские идеи своих предшественников, таких как А. Поссевино и С. Герберштейн, П. Пальчовский сумел создать памфлет, который стал авторитетным творческим образцом для многих последующих полемистов, создававших враждебные по отношению к России сочинения.

Подытожить размышления Пальчовского о военной слабости России можно следующей цитатой автора, которой он хотел ободрить своих современников: «и так тот Дмитрий на царство приведен был и посажен к великому восхищению всех народов, [что они] о тех делах так рассуждали, что если один сенатор польского королевства мог на царство того Дмитрия посадить, то насколько же больших [успехов] Король Его Милость со всей Республикой добился бы, если сам за то государство взялся?»²⁷².

Обоснование пользы присоединения русских земель для Речи Посполитой.

Как мы показали выше, Павел Пальчовский стремился привить читателям мысль, что война с Москвой – это необходимость. Однако, внушая своим читателям подобную идею, автор сразу же подводил их и к тому, что из этой необходимости можно было извлечь существенные выгоды для Республики. Полемист пошел на прямой разрыв с оборонческими военно-политическими воззрениями, доминирующими в полемической литературе Речи Посполитой XV–

²⁷⁰ Перевод с польск.: «За этим и после скорого избрания того Шуйского на царство, сразу домашняя война между ними вспыхнула. В те времена кровь их лилась обильно, так что тогда душ с обеих сторон более чем два раза по сто тысяч (как нам о том сами московские приставы говорили) полегло. А спустя некоторое время уже около пятисот тысяч людей там сгнуло: численность, которая за несколько сотен лет жизни в мире только восстановиться может».

²⁷¹ Перевод с польск.: «После убийства Дмитрия себе Шуйского царем выбрали, после чего сразу домашняя война между ними вспыхнула. В те времена кровь их лилась обильно, так что тогда душ с обеих сторон более чем два раза по сто тысяч полегло; численность, которая за несколько сотен лет жизни в мире только восстановиться может».

²⁷² Palczowski P. *Kołąda moskiewska*. S. 91.

XVI вв., которые мы разбирали в первом параграфе второй главы диссертационного исследования. Главным образом, Пальчовский стремился оспорить латинскую сентенцию *mole sua ruunt imperia*²⁷³ и привлечь шляхту к королевскому предприятию посредством описания будущих выгод от военной экспедиции.

В качестве идеальной модели для подражания Пальчовский выбрал Испанскую империю: на глазах у современников она стремительно приобретала новые обширные владения в Новом Свете, и никакого вреда государству это не принесло. Наоборот, слава конкистадоров гремела по всей Европе²⁷⁴. Им и предлагал уподобиться Пальчовский: как малочисленные отряды испанских завоевателей покоряли Америку, так и небольшой армии Речи Посполитой будет достаточно для завоевания Москвы²⁷⁵.

Отметим, что в рамках польско-литовских географических представлений Америка занимала обособленное место. Среди всех европейских государств до польского королевства сведения об открытии Нового Света дошли наиболее запоздало, однако сразу же вызвали ажиотаж. Своеобразным центром «американистики» стал Краков благодаря его городской ученой среде, взращённой академией и большим количеством вольных издательств²⁷⁶. В 1530 г. в этом печатном центре была изготовлена первая карта Америки²⁷⁷. Вскоре диковинки Нового Света получили сенсационные текстовые описания в хронике М. Бельского²⁷⁸ и ее последующих переизданиях²⁷⁹.

Карты и землеописательные тексты распаляли воображение польских интеллектуалов XVI–XVII вв., притягивали их внимание к экзотическим странам и побуждали грезить нереалистичными проектами, сходными с тем, который

²⁷³ Перевод с латинск.: «Под своим весом рушатся империи».

²⁷⁴ Palczowski P. *Kołąda moskiewska*. S. 122–123.

²⁷⁵ Подробнее про генезис подобных воззрений на Россию см. по: Tazbir, *Szlachta a konkwistadorzy. Opinia staropolska wobec podboju Ameryki przez Hiszpanie*. Warszawa, 1969. S. 3–34.

²⁷⁶ Tazbir J. *Europa środkowowschodnia wobec "odkrycia Ameryki"* // *Kwartalnik Historyczny*. 1991. N. 4. S. 21–24.

²⁷⁷ *Rudimenta cosmographica*. Kraków, 1530.

²⁷⁸ Miakiszew W. *Нашли оне звери дивныя и страшныя... Мир причудливых животных в русскопереводе Хроники всего света Мартина Бельского* // *Acta Universitatis Wratislaviensis*. No 3792, *Slavica Wratislaviensia CLXV: Wyrz i zdanie w językach słowiańskich 9: Opis, konfrontacja, przekład*. 2017. S. 287–288.

²⁷⁹ Наиболее подробное описание Америки можно встретить в издании: Bielski M. *Kronika tho iest historia swiata na sześć wieków*. Kraków, 1564. S. 440v.

изложил на страницах *Kołądy* П. Пальчовский относительно России. Продолжая ставить в пример испанские завоевания, полемист описывал «Восточные» и «Западные» Индии²⁸⁰ в виде невероятно богатых земель, полных золотом, серебром, жемчугом и самоцветами. Все то же самое, по убеждению автора, есть в Московии, и Речи Посполитой дотянуться до этих сокровищ куда проще, чем европейским государствам до богатств далеких Индий²⁸¹.

Несмотря на всю свою привлекательность, благородные металлы и драгоценные камни в описаниях России у Пальчовского отходили на второй план перед настоящей ценностью для переживавшей демографический подъем Речи Посполитой. Полемист фокусировал внимание читателей на необъятных плодородных землях, присоединение которых решило бы множество внутренних проблем и поспособствовало преодолению кризиса малоземелья. Автор отмечал, что русские тюремщики часто перемещали плененных гостей свадьбы по разным городам, и в этих скитаниях ему довелось побывать даже за Волгой. Увиденные земли Пальчовский сравнил по плодородности с венгерскими, и предположил, что Речь Посполитая существенно окрепла бы, если этими территориями наделить польско-литовскую шляхту²⁸².

Не забывал Пальчовский пользоваться и своим излюбленным приемом – воспроизведением (или же изобретением) показаний очевидцев. Основной удар грядущей военной кампании был нацелен на Смоленск, поэтому писатель включил в свой памфлет следующий актуальный фрагмент: «чего там только нет для пользы, богатства или потехи великой! Проезжая там, в Смоленске один из наших купил за семь с половиной грошей польских глухаря, пару тетеревов и пару рябчиков – и это еще москвит продал не своему, но чужеземцу!»²⁸³. Последнее замечание отсылает читателей к литературному наследию С. Герберштейна, в рамках которого негативно настроенный по отношению к России дипломат культивировал

---

²⁸⁰ Восточными Индиями в эпоху ВГО назывались Индонезия, часть Новой Гвинеи и Малайского архипелага, Западными – Американские земли.

²⁸¹ Palczowski P. *Kołąda moskiewska*. S. 56.

²⁸² *Ibid.* S. 67.

²⁸³ *Ibid.* S. 69.

стереотип, что московиты являются неисправимыми лжецами и корыстолюбцами, ввиду чего пойдут на все, чтобы обобрать доверчивого и честного иностранца²⁸⁴.

Чтобы овладеть всеми вышеописанными богатствами рыцарству Речи Посполитой оставалось лишь протянуть свою руку. Прodelав путь от провозглашения неотвратимости войны до рассуждений о пользе грядущей кампании для Республики, полемист закончил свое сочинение рассуждениями о судьбе русских земель после войны, которые мы вынесли в отдельный блок вопросов для анализа.

1. Рассуждения о послевоенной инкорпорации русских земель в состав Речи Посполитой.

Сразу же отметим, что указанный тематический блок существенно отличается от трех предыдущих: если размышления полемиста о войне, ее неотвратимости, боевом потенциале русских войск и вероятном исходе грядущей кампании вызывали неподдельный интерес у современников ввиду актуальной политической ситуации, то вопрос о послевоенном устройстве московских земель в большей степени воспринимался как что-то явно преждевременное. Не вызывало сомнений, что локальная военная кампания против России могла бы принести выгоды благодаря захвату пограничных территорий и расхищению городских поселений. Однако, чтобы получить более глобальные преимущества от новоприобретенных земель, сначала нужно было сокрушить Василия Шуйского и русскую военную машину. Результаты варшавского сейма 1609 г. четко показали, что шляхта в подобный исход не верила. Поэтому мы предполагаем, что размышления Пальчовского о послевоенном устройстве России большой интерес вызывают у историков, чем у читателей-соотечественников полемиста в преддверии военного вторжения в Россию.

Рассуждения Пальчовского ценны для исследователей с точки зрения дискурс-анализа. Автор отходит от старой полемической традиции и культивирует новые интертекстуальные дискурсы, которые будут перениматься последующими

---

²⁸⁴ Herberstein S. *Rerum Moscoviticarum Commentarii*. Basileae, 1556. S. 58–59.

авторами и развиваться на страницах новых полемических произведений. В качестве иллюстрации к данному тезису осветим колониционный дискурс *Kołądy*, представляющий из себя нерв всех рассуждений пропагандиста.

Главное отличие колониционных планов Пальчовского от прочих проектов присоединения к Речи Посполитой русских земель заключалось в насильственном характере предлагаемых полемистом мер. Наиболее явно радикальность идей автора становится заметной, если их сравнить, например, с взвешенным литературным творчеством его современника С. Жолкевского, который присоединение Москвы к Речи Посполитой видел не иначе как в виде добровольного шага русского народа, требующего упорной работы дипломатов, терпеливости и готовности к компромиссу²⁸⁵. В представлениях же П. Пальчовского русским была уготована участь не субъекта, но объекта – их надо было завоевать, подчинить и полностью перестроить все их порядки. Для достижения этих целей, полемист предлагал пойти на следующие шаги:

1. Так как восточные земли представлялись чрезмерно обширными, что затрудняло их быстрое поглощение, предлагалось административно реорганизовать богатейшие русские города и области с их последующей федерализацией под высокой рукой короля: «прежде всего города главные, как Великий Новгород, Псков, Великие Луки, Смоленск, Ярославль, Казань, Астрахань и другие, по примеру городов прусских – Гданьска, Торуня, Эльблонга и других – свободными сделать, однако с признанием верховной власти короля над ними и с выгодой, которая Речи Посполитой причитается»²⁸⁶. Подобное устройство, по мысли автора, поможет пацифицировать русские земли и уберечь их от будущих бунтов, так как вольные города станут естественными политическими противовесами друг другу.

2. Касательно способа реорганизации остальных земель, как отметил Б. Н. Флоря, Пальчовский вновь искал вдохновение в опыте западных колониальных

²⁸⁵ Жолкевский С. Записки о Московской войне. СПб., 1871. С. 108–109.

²⁸⁶ Palczowski P. *Kołąda moskiewska*. S. 125.

государств: «по образцу португальских крепостей в северной Африке»²⁸⁷ он предлагал заполнить русские земли шляхетскими крепостями-поселениями, которые контролировали бы округу. Перед своими читателями полемист изобразил следующую картину: «...потом пустить к этим землям людей из народов наших, как шляхетского, так и посполитого сословия, населить ими города на манер римских колоний, чтобы от этого в тех краях сила наша большей была, и особенно чтобы замки пограничные были с ближайшими областями обращены в староства под королевской юрисдикцией, и в людях, животных, припасах и оружии достаток хороший имели, на манер того, как в наше время португальцы большую часть Мавритании держат...»²⁸⁸.

3. Рассуждая о месте самого русского народа в польско-литовском колониационном проекте, полемист предлагает следующую систему: «...а оставшиеся земли поделить на части и участки, в ленное право отдать народам не только своим, но и московскому, допустив их к нашим правам и вольностям, того только не допуская, чтобы один над другим у них возносился...»²⁸⁹. Под присмотром польско-литовского народа русским предстояло цивилизоваться и полноправно влиться в Республику. Однако это было лишь отдаленной перспективой, и ближайшее время, по мысли автора, москвитов нужно было охранять от их собственного невежества и безрассудства.

Такова была трехчленная схема колонизации России П. Пальчовского. Полемист никак не затрагивал такие сложные вопросы, как, например, способ инкорпорации русских знатных родов в политическую систему Речи Посполитой. Памфлет представлял восточных соседей польско-литовского государства как некую однородную массу, которой уготовано занимать лишь нижние социальные страты в Республике, и только после приобщения к культуре и цивилизации в перспективе занять более привилегированное положение. Полемист предлагал действовать скоро и безжалостно, ввиду чего часто повторял, что речь идет о

---

²⁸⁷ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 271.

²⁸⁸ Palczowski P. *Kołąda moskiewska*. S. 126.

²⁸⁹ *Ibid.* S. 127.

народе, который много хуже прочих еретиков и язычников²⁹⁰. Подобный рефрен позволял автору подводить духовную основу под завоевание России, представляя его чем-то вроде «крестового похода», который совершит польско-литовское рыцарство при всесторонней поддержке католической церкви²⁹¹.

Выстраивая свой колониционный проект на бумаге, П. Пальчовский не задавался вопросом реальной возможности его реализации. Полемист вынес за скобки многовековой опыт сосуществования польского, литовского и русского народа в восточноевропейском регионе: под его пером население Московского царства превратилось в безмолвных индейцев, обреченных жить в специально отведенных областях-резервациях под неусыпным присмотром шляхетного рыцарства.

Предложенный проект не вызвал сразу какого-либо большого интереса к себе со стороны читателей. Но чем успешнее проходила военная кампания против России, тем активнее публицисты обращались к громко заявленной перед варшавским сеймом П. Пальчовским теме активной колонизации восточных пространств²⁹². В рамках данного параграфа мы продемонстрировали, как этот проект продвигался автором благодаря финансово-административной поддержке со стороны королевской канцелярии. Для полноты картины в следующем параграфе мы обратимся к творчеству уже не связанного с центральной властью поэта М. Пашковского, и на его примере проследим, как под влиянием актуальных

---

²⁹⁰ Palczowski P. *Kołąda moskiewska*. S. 131.

²⁹¹ Czapliński W. *O Polsce Siedemnastowiecznej. Problemy i sprawy*. Warszawa, 1966. S. 195.

²⁹² Разбор творчества Павла Пальчовского и его вклад в антироссийскую пропагандистскую кампанию не может считаться полным без упоминания еще одного сочинения полемиста: Palczowski P. *Wyprawa wojenna Króla Jego Mości do Moskwy da Bóg szczęśliwa, Rzeczypospolitej naszej pożyteczna*. Wilno, 1609. Указанное издание представляло из себя смысловую выжимку из *Kołądy* и фокусировало внимание читателей на двух главных вопросах: «какого завершения Московской войны мы можем ожидать?» и «присоединение Москвы к Речи Посполитой послужит ли на благо Республики?» (подробнее разбор см. по: Maciszewski J. *Polska a Moskwa 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej*. Warszawa, 1968. S. 187–189.). Также в произведении вновь поднималась тема колонизации России в формате описанной нами трехчленной схемы. Единственное новшество сочинения заключалось в том, что Пальчовский стремился в нем привлечь тушинских поляков и литовцев на сторону короля. Пальчовский восхвалял их мужество, так как по его версии, они первыми бросились с мечом в руках нести москвитам воздаяние за убитых гостей царской свадьбы 1606 года. Однако, так как в войну вступил уже сам король, тушинцам стоило скорее объединиться с нами – заключал полемист. В остальном же *Wyprawa wojenna* вновь ловко опровергала аргументы противников войны и призывала всех верноподданных Речи Посполитой выказать поддержку королевскому военному походу на Смоленск.

военно-политических успехов Речи Посполитой тема колонизации России выдвигалась в польско-литовской литературе на передний план.

§ 4. Генезис колониционного дискурса в творчестве Мартина Пашковского

Выбор нами текстов М. Пашковского в качестве объекта для анализа генезиса колониального дискурса не случаен. Поэт в своем творчестве был непримиримым противником России, что является его единственной общей чертой с таким видным и приближенным к власти полемистом, как отмеченный выше П. Пальчовский. Во всех же прочих аспектах, биография Пашковского сильно отличается от жизненных путей многих упомянутых нами ранее в рамках диссертационного исследования провластных публицистов. На примере М. Пашковского можно проследить, как в литературную кампанию по очернению России в период Смуты вливались писатели, привлеченные злободневностью указанной темы.

Пашковский представляется второразрядным поэтом, творчество которого не отмечалось ни соотечественниками, ни современными исследователями²⁹³. Автор бедствовал и решился на создание антимосковских пасквилей из нужды: желание угодить своим меценатам подтолкнуло его писать на стремительно набирающую популярность тематику.

Прежде всего, отметим сложившуюся к настоящему времени в исторической науке непростую ситуацию с реконструкцией биографии и библиографии Пашковского. Названный поэт долгое время оставался темной фигурой в историографии, а крохи информации о его жизни были достоянием только энциклопедических изданий. Обилие противоречивых сведений о поэте даже привело к тому, что автор справочника «Иезуиты в Польше» С. Жаленьский сделал следующий вывод: Пашковских было как минимум двое²⁹⁴.

Одним из первых информацию о поэте в свой сборник включил гнезненский архиепископ И. Красицкий, отметив, что Пашковский был иезуитом²⁹⁵. О бедственном положении «малоизвестного поэта» писали И. Юшиньский и Ф.

²⁹³ Подробнее о творчестве поэта и попытках реконструкции его биографии см.: Прохоренков И. А. Загадка соавтора «Хроники Европейской Сарматии» Александра Гваньини (по поводу книги Михала Курана «Marcin Paszkowski – poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku») // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1. С. 193–205.

²⁹⁴ Załęski S. *Jezuici w Polsce*. T.2. Lwów, 1901. S. 695, 705–706.

²⁹⁵ Krasicki I. *Zbiór potrzebniejszych wiadomości, porządkiem alfabety ułożonych*. T. 2. Warszawa-Lwów, 1781. S. 327.

Шарчиньский. По мнению Шарчиньского, М. Пашковский «писал не для славы, но для прибыли... судьбу свою рифмами поправить хотел» и «имел доход столь низкий, что едва мог оплатить бумагу и перья»²⁹⁶, а Юшиньский отмечал, что Пашковский был «нищим поэтом»²⁹⁷, ссылаясь на автобиографические заметки в произведении Пашковского *Wizerunk wiecznej sławy sarmatów starych*²⁹⁸.

Наиболее успешное и глубокое исследование биографии Пашковского в XIX в. провел В. А. Мацеевский. Исследуя посвящения произведений Пашковского, Мацеевский установил связи поэта с его крупнейшими меценатами – Любомирскими, Млоджевскими, Плазами. Благодаря знакомству Пашковского с Яном Плазой поэт какое-то время служил в Вавельском Замке²⁹⁹. На сведения Мацеевского и его метод анализа посвящений в работах Пашковского позже опирались многие другие справочные издания.

В 1841 г. вышел седьмой том гербовника К. Несецкого, в котором помещена небольшая заметка о роде Пашковского. По Несецкому, М. Пашковский герба Задора (*herbu Zadora*) происходил из Краковского воеводства³⁰⁰.

Любопытной представляется информация, которой располагал французский иезуит-исследователь Ш. Соммервогель. В своей энциклопедии, «Библиотека Общества Христа», Соммервогель пишет о Пашковском следующее: «Родился в Великой Польше в сентябре 1584 года, принят [в иезуиты] 7 августа 1608, обучался грамматике, был миссионером на Украине, служащим и прокурором в Виннице и Переяславе, умер во время осады Бородино от болезни 11 ноября 1648 года»³⁰¹. Помимо информации, позаимствованной у предшественников, Соммервогель дополнил свою статью новыми точными сведениями, такими, как даты жизни

²⁹⁶ Siarczyński F. *Obraz wieku panowania Zygmunta III, króla polskiego i szwedzkiego, zawierający opis osób żyjących pod jego panowaniem*. T. 2. Lwów, 1828. S. 62.

²⁹⁷ Juszyński H. *Dykcjonarz poetow polskich*. T. 2. Kraków, 1820. S. 47.

²⁹⁸ Paszkowski M. *Wizerunk wiecznej sławy Sarmatów starych, pobudzający młodź rycerską ku naśladowaniu spraw ich. Od szlachetnej Pallady, z Gniazda cnót ich, w ojczystym Parnasie wbudowany. A przez Marcina Paszkowskiego, z przykłady mężów rzymskich, onych wielkich miłośników Ojczyzny, opisany i wydany. Hic sibi delegit sedem pulcherri navirtus, Hinc sua Sauromatas, fors super astravehit*. Kraków, 1613.

²⁹⁹ Maciejowski W. A. *Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830*. T. 3. Warszawa, 1852. S. 529.

³⁰⁰ Niesiecki K. *Herbarz Polski*. T. 7. Lipsk, 1841. S. 256–258.

³⁰¹ Франц.: «né dans la Grand Pologne en September 1584, admis 7 aout 1608, enseigna la grammaire, fut missionnaire en Ukraine, minister et procureur a Winnica et a Perejaslaw et mourut au siege de Borodino, Brodoni, en soignant les maladies assiégés, le 11 novembre 1648». *Biblioteque de la Compagnie de Jesus* [...] Nouvelle edition par Carlos Sommervogel SJ. *Bibliographie*. T. 6. Bruxelles-Paris, 1895. S. 342.

поэта. К сожалению, в его работе отсутствуют ссылки на источник информации, ввиду чего даты исследователя вызывают сомнения.

На «Библиотеку Общества Христа» опирался С. Жаленьский, когда писал заметку о Пашковском для своего сборника «Иезуиты в Польше». Согласно Жаленьскому, в одно и то же время существовали два М. Пашковских. Первый – иезуит, автор антитурецкой тематики и переводчик «Хроники Европейской Сарматии» А. Гваньини. Второй М. Пашковский – поэт из Малой Руси и автор всех произведений, связанных с Украиной³⁰².

Вопрос списка произведений Пашковского возник у историка Т. Вержбовского. В сборнике «Библиотека забытых поэтов и прозаиков польских»³⁰³ мы встречаем еще одну любопытную версию жизни поэта. Вержбовский исследовал вопрос авторства антитурецкой поэмы-хроники «Венеция» (1575) К. Варшевицкого и пришел к следующему выводу: «Если автором поэмы не является Варшевицкий, то им может быть только М. Пашковский, и, по моему мнению, это более вероятно...»³⁰⁴. Вержбовский акцентировал внимание на том, что, во-первых, антитурецкая тематика для Пашковского не нова, во-вторых, поэма посвящена одному из меценатов поэта, в-третьих, поэма стилистически близка ко всему остальному творчеству Пашковского.

Исследователь полагал, что М. Пашковский участвовал либо в турецком посольстве А. Тарановского, либо в экспедиции М. Мелецкого в Валахию в 1572 г., из-за чего попал в тридцатилетний турецкий плен. В 1572 г. Пашковский создал поэму «Венеция» и отослал ее в Польшу, а далее стихи попали в руки К. Варшевицкого, который издал рифмованное сочинение под своим именем³⁰⁵. Турецким пленом объясняет Вержбовский тридцатилетнее молчание поэта между созданием «Венеции» и остальными произведениями.

³⁰² Załęski S. *Jezuici w Polsce*. T. 2. Lwów, 1901. S. 695. 705–706.

³⁰³ Wierzbowski T. *Biblioteka Zapomnianych Poetow i Prozaikow Polskich XVI–XVIII wieku*. Warszawa, 1886.

³⁰⁴ Wierzbowski T. *Wstęp. Wenecyja. Poemat historyczno-polityczny z końca XVI wieku / Biblioteka Zapomnianych Poetow i Prozaikow Polskich XVI–XVIII wieku*. Warszawa, 1886. S. XXXIX.

³⁰⁵ *Ibid.* S. XL–XLI.

Также Вержбовский обнаружил и связал с именем поэта документ, подтверждающий права М. Пашковского, ветерана войн в Инфлянтах, на владение землей³⁰⁶. Полвека спустя находку Вержбовского использовал другой польский исследователь, Б. Барановский, но он трактовал ее как свидетельство существования какого-то другого шляхтича Пашковского, не имеющего отношения к поэту³⁰⁷. В новейшей историографии наиболее подробно биография поэта была реконструирована М. Кураном³⁰⁸. Исследователь разобрал множество противоречий в версиях жизненного пути М. Пашковского, отсеяв самые невероятные из них.

Обнаруженный Вержбовским документ подтверждает участие поэта в Инфлянтской кампании Стефана Батория. Предположительно тогда, на военной службе, Пашковский мог завести все необходимые контакты со своими будущими меценатами (Млоджевским, Ласким, Сапегой), а также завязать знакомство с А. Гваньини. По итогам кампании Пашковский получил земельный надел, где и жил приблизительно до 1607/1608-го г. Начавшееся широкое наступление шведов в Инфлянтах заставило Пашковского покинуть свои владения и начать поиск новых средств к существованию.

Пашковский связал свою жизнь с писательской деятельностью, сопряженной с постоянным поиском меценатов. На промежуток между 1608 и 1621 г. пришелся этап активной творческой деятельности поэта. Именно в указанный временной отрывок вышли крупнейшие работы Пашковского, благодаря которым мы можем поставить его имя в один ряд с ранее рассмотренными поэтами и публицистами антироссийской тематики. В начале своей творческой деятельности Пашковский много сил отдал ориентальной тематике и литературной борьбе против Турции, однако в контексте сложившейся после смерти Лжедмитрия I политической ситуации в регионе поэт быстро переориентировался на набирающую популярность антимосковскую тематику.

---

³⁰⁶ Materiały do dziejów piśmiennictwa polskiego i biografii pisarzy polskich. T. 1: 1398–1600 / zebrał T. Wierzbowski. Warszawa, 1900. S. 337.

³⁰⁷ Baranowski B. Znajomość Wshodu w dawnej Polsce do XVIII wieku. Łódź, 1950. S. 76.

³⁰⁸ Kuran M. Marcin Paszkowski – poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku. Łódź, 2012.

Перу Пашковского принадлежит серия литературных произведений, направленных против восточного соседа Речи Посполитой: поэмы *Wykład bogiń słowieńskich*³⁰⁹, *Posiłek Bellony słowieńskiej szlachetnemu rycerstwu Dymitra Iwanowicza*³¹⁰, *Wizerunk wiecznej sławy Saurmatow starych*³¹¹, а также краткая рифмованная заметка из хроники А. Гваньини – *Opisanie wzięcia Smoleńska*³¹².

Все эти произведения хоть и посвящены разным сюжетам, но тематически формируют целостность: названные литературные труды объединяет идея укрепления внутреннего единства польско-литовского государства и поворота военной экспансии на восток. Для оправдания расширения границ Речи Посполитой за счет своего восточного соседа, М. Пашковский сформулировал этногенетическую концепцию истории восточноевропейского региона, которая выглядит следующим образом. В незапамятной древности пространство от Вислы на западе и до Волги на востоке заселяли племена сарматов, давшие начало польскому народу. Отдавая должное их храбрости и добродетельности, богиня Афина лично взяла эти племена под свое покровительство и провозгласила абсолютные права сарматов на эти территории, что было закреплено в самом хорониме «Сарматия»³¹³. Пашковский назвал этот период «золотым веком» славянской истории, апеллируя к схеме четырех веков (золотой, серебряный, медный и железный) истории человечества, описанной Овидием в его «Метаморфозах»³¹⁴.

³⁰⁹ Paszkowski M. Wykład bogiń słowieńskich, wesołego widzenia słońca z Panną, w złotym kole nad Krakowem. Kraków, 1608.

³¹⁰ Paszkowski M. Posiłek Bellony słowieńskiej szlachetnemu rycerstwu Dymitra Iwanowicza W[ielkiego] Cara Moskiewskiego przeciwko Sujskiemu i inszym zdrajcom jego. Kraków, 1608.

³¹¹ Paszkowski M. Wizerunk wiecznej sławy Saurmatow starych, pobudzający młodź rycerską ku naśladowaniu spraw ich. Od szlachetnej Pallady, z Gniazda cnót ich, w ojczystym Parnasie wbudowany. A przez Marcina Paszkowskiego, z przykłady mężów rzymskich, onych wielkich miłośników Ojczyzny, opisany i wydany. Hic sibi delegit sedem pulcherri navirtus, Hinc sua Sauromatas, fors super astravehit. Kraków, 1613.

³¹² Guagnini A. Kronika Sarmacyey Europejskiej, w ktorey sie zamyka krolestwo Polskie...: Tudziez tez Wielkie Xiestwo Litewskie, Ruskie, Pruskie, Zmudzkie, Inflantskie, Moskiewskie y czesc Tatarow... z Lacinskiego na Polskie przelozona (par Marcin Paszkowski). Krakow, 1611. Ks. 7. Cz. 4. P. 80–81. Опубликованный перевод этого текста и его историю см. по: Прохоренков И.А. «Наши в сумраке багровом к стенам с бомбами пришли...». Штурм Смоленска глазами польского поэта // Родина. 2013. № 9. С. 29–30.

³¹³ Paszkowski M. Wizerunk wiecznej sławy Saurmatow starych. P. 5.

³¹⁴ Kuran M. Marcin Paszkowski – poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku. Łódź, 2012. S. 144–145.

По пришествии веков могущество сарматов померкло, и Пашковский однозначно указал на причину этого явления. Поэт писал о поразившей польско-литовский народ «язве несогласия»³¹⁵, зашифровав в этой метафоре рокош Зебжидовского и прочие акты шляхетского неповиновения центральной власти. О «домашних войнах» как о главной проблеме современной ему Речи Посполитой Пашковский регулярно вспоминал в своем творчестве: вместо обороны рубежей Республики шляхетные рыцари погрязли в междоусобицах, а на смену миру и согласию пришли «бунты, насилие, убийства, великие кровопролитья, расправы, бедствия и прочие различные несчастья»³¹⁶.

Все это привело к тому, что в железный век, современником которого уже был сам Пашковский, ранее единые земли из сарматского наследства были расколоты³¹⁷. Сарматия, по мысли автора, начала делиться на «Европейскую» и «Азиатскую». Хоть и разделенные друг с другом, земли-осколки сарматского наследства имели одну общую судьбу. Пашковский констатировал, что беды, вызванные в Речи Посполитой рокошем Зебжидовского, и внутренние войны в Московском царстве из-за деятельности самозванцев – это генетически схожие явления:

«Но, прежде всего, 6 славных провинций
Взбунтуются, и в течении трех лет будут в великих бедах,
А именно три «М» и три «П»,
От этих букв королевства начинают свои
Названия»³¹⁸.

³¹⁵ Paszkowski M. Wizerunek wiecznej sławy Saurmatow starych. P. 8.

³¹⁶ Польск.: «Powstana, gwałty, mordy, krwi rozlania wielkie, / Męzobójstwa, uciski, insze zbytki wszelkie». Paszkowski M. Wykład bogiń słoweńskich. P. 4.

³¹⁷ Подробнее о генезисе указанной концепции см.: Прохоренков И. А. Собирая древнерусское наследство: дискурсы истории и географии русских земель в хронографах XVI – первой четверти XVII вв. и в восточноевропейском историческом нарративе // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 63–71.

³¹⁸ Польск.: «Lecz nadewszystko jaśniej sześć prowincyj zacnych / Poruszy się i przez trzy lata będą w znacznych / Rozruchach, mianowicie M troje i P troje, / Od tych liter królestwa zaczynają swoje / Nazwiska». Paszkowski M. Wykład bogiń słoweńskich. P. 5.

По мнению Пашковского, единая Сарматия состояла из 6 областей, в железный век разделившихся на два противоборствующих лагеря: в первый («П-три») вошли области, подконтрольные природным сарматам – Польша, Литва и Русь. Под «М-три» же поэт понимал Московское, Казанское и Астраханское царства³¹⁹. Мартин Пашковский писал о том, что разруха в этих областях не прекратится, пока все земли снова не соберутся в виде единой реставрированной Сарматии. Разумеется, будучи клиентом могущественных магнатов Речи Посполитой, народом-собирателем земель Пашковский считал поляков. Поэт продвигал идею, что можно снова вернуть Золотой век: как только Сарматия вновь станет единой, тотчас же волнения, бунты и внутренние неурядицы исчезнут сами собой. Таким образом, завоевание Москвы называлось поэтом первостепенным вопросом для Речи Посполитой уже в 1608 г. в одном из самых первых из опубликованных им произведений.

Тему завоевания восточного соседа и собирания сарматских земель автор продолжил и развил в своем наиболее ярком антимосковском произведении – *Positek Bellony słowieńskiej szlachetnemu rycerstwu Dymitra Iwanowicza*. В первой четверти XV в. в польской литературе сформировался особый жанр антитурецкой публицистики – т.н. «турцики»³²⁰ (*turcyki, turkiany*). Ко времени расцвета творчества Пашковского стилистические приемы этого жанра были уже отточены до мелочей такими знаменитыми авторами как С. Ожеховский, К. Варшевицкий, Б. Папроцкий и многими другими. Пашковский в своей поэме *Positek Bellony słowieńskiej* пытался подражать С. Ф. Клёновичу – известному поэту и публицисту антитурецкой тематики. Исторический материал, в свою очередь, для своего сочинения Пашковский брал из творчества одного из крупнейших историографов ВКЛ – М. Стрыйковского. Позаимствовав изрядное количество текста из турцика Клёновича *Pozar wojny tureckiej*³²¹ и генеалогической поэмы Стрыйковского *Goniec*

³¹⁹ Czubek J. Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego, 1606–1608. T. 1. Poezya rokoszowa. Kraków, 1916. S. 339.

³²⁰ Подробнее см.: Аржакова Л. М. Турецкий вопрос в польской публицистике конца XVI века: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Москва, 1999.

³²¹ Klonowic S. F. Pożar wojny Tureckiej. Upomnienie do gaszenia i wróżka o upadku mocy tureckiej.[b.m.], 1597.

*cnoty*³²², М. Пашковский составил антимосковское произведение, используя стилистические каноны турциков.

На протяжении текста всей поэмы автор старался убедить читателей в тождественности московской и турецкой угрозы, в связи с чем и была выбрана литературная форма турчика. Сравнение русских с османами – пропагандистский прием, который неоднократно встречается в европейской политической литературе XVI в. Он использовался с целью приравнять войны европейцев с Россией к борьбе с турецкой агрессии в Европе, и тем самым оправдать антироссийскую дипломатическую и военную деятельность. Поэт перенимал большие массивы текста у других авторов и подвергал их правке. Добавление Пашковским новых ключевых слов существенно меняло смысл заимствованного фрагмента³²³:

Таблица 2.

М. Пашковский. <i>Positek Bellony słowieńskiej</i>	С. Ф. Клёнович. <i>Pożar wojny Tureckiej</i>
Tak niech upadnie ta władza tyrańska, Zdrajców Moskiewskich, i srogość pogańska (ст. 5–8) ³²⁴ .	Niech na trąbienie upandie tyrańska Władza a sceptrum, i moc Ottomańska (ст. 435–436).

Пашковский правил заимствованный антитурецкий текст, меняя в нем только слова по принципу «турецкий = московский», «султан = царь», «мусульмане = москвиты» и т.д. Особо часто нападкам со стороны поэта подвергается московский правитель:

Таблица 3.

М. Пашковский. <i>Positek Bellony słowieńskiej</i>	С. Ф. Клёнович. <i>Pożar wojny Tureckiej</i>
Nie mogąc pozbyć Boga żądzej wieści,	Nie może pozbyć Boga, lecz straszliwe

³²² Strykowski M. *Goniec cnoty do prawych słachciczow w którym są przykłady spraw mężow zacnych. Przytym napominanie Ouczyzny ku prawdziwym synom.* Kraków, 1574.

³²³ Далее черным цветом в сравнительно-текстологических таблицах в данном параграфе будут выделяться именно расхождения, появившиеся под редакцией Пашковского.

³²⁴ Перевод с польск.: «Так пусть же падет та тиранская власть и языческая жестокость Московских изменников». Здесь и далее номера строк даны по: Paszkowski M. *Positek Bellony słowieńskiej szlachetnemu rycerstwu Dymitra Iwanowicza W[ielkiego] Cara Moskiewskiego przeciwko Sujskiemu i inszym zdrajcom jego.* Kraków, 1608.

Baśni mieszając, prawdziwe powieści Pieje: tak mnie też Muza prze do tego, Bym głosił zdrajcy upadek Szuyskiego (ст. 20–24) ³²⁵ .	Baśni mieszając, powieści prawdziwe Pieje: tak mnie też Muza prze do tego, Bym pisał klęskę tyrana Thrackiego (ст. 23–26).
--	--

В концепции М. Пашковского, в отличие от построений П. Пальчовского, «царевич» Дмитрий Иванович продолжал играть первостепенную роль, так как фактически даровал Речи Посполитой идеальные условия для восстановления исконных сарматских границ. Если шляхетное рыцарство протянет руку помощи Дмитрию Ивановичу, то он, после своего повторного воцарения, обязательно либо сделает территориальные уступки в сторону Речи Посполитой, либо полностью инкорпорирует русские земли в состав Республики. Руководствуясь именно такой идеей, Пашковский призывал рыцарей скорее оказать помощь Дмитрию Ивановичу и вливаться в его войско.

Что касается судьбы местного населения, то интенции Пашковского были схожи с колонизаторскими планами П. Пальчовского и даже выглядели еще более радикально. В этом заключается некоторая парадоксальность и несогласованность идей М. Пашковского: предлагая шляхетному рыцарству помочь Дмитрию Ивановичу вернуть себе московский престол, он параллельно призывал «затопить кровью» царских подданных все русские земли:

Таблица 4.

М. Пашковский. <i>Posilek Bellony słowieńskiej</i>	С. Ф. Клёнович. <i>Pożar wojny Tureckiej</i>
Niechaj karmi zwierz i ptatstwo łakome, Od was złej Orze wojsko porażone. Niech się czerwienią doły i potoki, Od krwi moskiewskiej , od zsiadłej posoki. (ст. 253–256) ³²⁶ .	Niechaj karmi zwierz i ptatstwo łakome, Od Chreścijanów wojsko porażone. Niech się czerwienią doły i potoki, Od krwi Tureckiej , od zsiadłej posoki. (ст. 53–56).

³²⁵ Перевод с польск.: «Так меня муза вдохновляет на то, чтобы [я] провозглашал падение предателя Шуйского».

³²⁶ Перевод с польск.: «Пусть кормят зверей и насыщают птиц павшие под Оршей вражеские войска. Пусть покраснеют равнины и реки от московской крови, от их загустевшего гноя».

Творчество автора было наполнено идеями реваншизма, что могло взывать к чувствам родственников и друзей погибших в мае 1606 г. гостей свадьбы лжецаревича Дмитрия и Марины Мнишек. По мысли поэта, вначале Московскому царству предстояло кровью искупить все нанесенные польско-литовскому народу обиды, и лишь затем войти в состав Речи Посполитой.

Как и в памфлете Пальчовского, в творчестве Пашковского также содержался план по колонизации польско-литовским государством своего восточного соседа. Легитимность этой колонизации обуславливалась, по мысли пропагандиста, разницей в культурно-политическом уровне двух государств: «развитая» Речь Посполитая обживала территории «отсталой» России. В тексте поэмы приводилось обличение политического устройства Москвы через его сравнение с порядками Речи Посполитой³²⁷: варварская деспотия противопоставлялась блистательной республике, восточное рабство – шляхетским правам и свободам, хитрое и алчное боярство – добродетельному шляхетному рыцарству. Если во время переустройства русских земель прольется кровь местного населения, то, по мнению Пашковского, это никак не нанесет вред будущему единому сарматскому государству.

По мере развития актуальных военно-политических событий в восточноевропейском регионе, антимосковские мотивы в творчестве М. Пашковского развивались и изменялись. В этом контексте интересна вышедшая в 1613 г. поэма Пашковского *Wizerunk wieczne jslawy Saurmatow starych*. В указанном сочинении в последний раз можно было услышать яркие антимосковские призывы автора. Однако под влиянием очевидных военных неудач, завоевательные и колонизационные дискурсы уступили свое место более скромным оборонческим сюжетам. В этот раз темой рассуждений поэт избрал справедливость нынешних границ между Речью Посполитой и Московским царством. Так как изгнание польского гарнизона из Москвы показало всю утопичность планов инкорпорации и колонизации русских земель, поэт предпочел вернуться к излюбленной в

---

³²⁷ Kuran M. Marczin Paszkowski – poeta okolicznościowu i moralista z pierwszej połowy XVII wieku. Łódź 2012. S. 167–168.

польской политической литературе теме «справедливой войны» и защиты своих границ:

«Рубежи свои держали, исстари установленные,
От Новгорода и до Пскова по Угре протянувшиеся.
За Киевом 70 миль до Путивля,
От Полоцка до Можайска 80 и [одна] миля,
От Витебска семьдесят миль [в направлении] Новгорода –
Были ваши границы, в которых теперь имеем потери» (ст. 237–242)³²⁸.

Творческий путь не получившего широкой известности поэта М. Пашковского демонстрирует, что на очернение России работали не только прославленные литераторы, создававшие свои работы в контексте актуального политического заказа. Последовательное изучение творчества двух авторов, занимавших полярное положение в польско-литовском обществе – Пальчовского и Пашковского – призвано проиллюстрировать тот интерес, который пробудился в разных частях читающей публики Речи Посполитой по поводу Смуты в России и гипотетических последствий ее преодоления. Сам характер конфликта – представлялась ли война между Речью Посполитой и Россией как оборона своих границ или же рассматривалась как удачная возможность колонизировать новые территории – менялся в литературе под влиянием актуальных военно-политических событий.

³²⁸ Польск.: «Rubieże tam swe mając ze wsząd oznaczone, / Z Nowogroda i Pskowa po Uhre pomknione. / Za Kijowem sześćdziesiąt mil, aż do Putwila, / Od Połocka po Mozajsk ośmdziesiąt i mila, / Z Witebska mil siedmdziesiąt aż do Nowogroda / Granice wasze byli, dziś w nich wielka szkoda». Номера строк даны по: Paszkowski M. Wizerunk wiecznej sławy Saurmatow starych, pobudzający młodź rycerską ku naśladowaniu spraw ich. Od szlachetnej Pallady, z Gniazda cnót ich, w ojczystym Parnasie wbudowany. A przez Marcina Paszkowskiego, z przykłady mężów rzymskich, onych wielkich miłośników Ojczyzny, opisany i wydany. Hic sibi delegit sedem pulcherri navirtus, Hinc sua Sauromatas, fors super astravehit. Kraków, 1613.

Глава III. Осада и взятие Смоленска как фактор распространения антироссийской литературной пропаганды

§ 1. Интенсификация создания антироссийских сочинений в период военной кампании 1609–1611 гг.

Как отмечалось в предыдущей главе диссертационного исследования, король Сигизмунд III открыто начал военную кампанию против России в 1609 г. не обладая достаточной поддержкой со стороны шляхетских кругов, что наглядно продемонстрировали результаты вального сейма в Варшаве. В подобной ситуации от успехов самовольного военного похода зависел авторитет королевской власти, ввиду чего благоприятное освещение событий на фронте было одной из важнейших задач для канцелярии Сигизмунда III.

В качестве основного направления для вторжения в Россию были выбраны смоленские земли. Сведения о переменчивых настроениях посадских слоев Смоленска начали доходить до короля уже в скором времени после гибели первого самозванца в Москве и воцарения Василия Шуйского. В декабре 1607 г. оршанский староста А. Сапега докладывал королю Сигизмунду: «как скорее самое малое войско пришло, так и волости смоленские подались бы королю его милости, так как они Шуйского не хотят видеть государем»³²⁹. Активно перед королем отстаивал идею необходимости скорейшего военного похода на Смоленск канцлер Л. Сапега, которого ряд современников считал главным вдохновителем кампании³³⁰.

Осенью 1608 – зимой 1609 гг. наблюдалась концентрация польско-литовских военных сил в восточных областях Речи Посполитой³³¹. Формальным поводом для вторжения в Россию послужил заключенный в феврале 1609 г. М. В. Скопиным-Шуйским со Швецией договор о военной помощи³³². Получив искомый повод,

---

³²⁹ Цит. по: Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Крестьянское восстание под предводительством Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России: Сборник статей под ред. В.В. Мавродина. М., 1974. С. 344.

³³⁰ Жолкевский С. Записки о Московской войне. СПб., 1871. С. 21–22.

³³¹ Александров С. В. Смоленская осада. 1609–1611. М., 2011. С. 138–139.

³³² Там же. С. 140.

король Сигизмунд поспешил им воспользоваться, не забыв при этом подкрепить свое военное мероприятие новыми акциями идеологического характера.

В условиях открытого вторжения польско-литовских войск в Россию королевский двор сделал акцент на внешней пропаганде, сопутствующей военной экспедиции. Если проанализированные нами ранее в тексте диссертации сочинения имели преимущественно внутреннее хождение в пределах Речи Посполитой и были адресованы, прежде всего, широким шляхетским слоям, то инициированные в преддверии Смоленской кампании новые пропагандистские акции уже были призваны оправдать вторжение армии Сигизмунда III в Россию под лозунгом защиты христианства. Речь Посполитая представляла себя «главным оплотом» христианских сил на востоке региона.

Исследователь Ю. Хрошчицкий отмечал, что война с Россией в польско-литовской пропаганде внешне представлялась в образе нового крестового похода³³³. Пока собирались войска, Сигизмунд III активно вел переписку с папой римским Павлом V, в рамках которой просил главу Западного христианства поспешить с беатификацией Игнатия де Лойолы. Именно основателя ордена иезуитов король видел патроном Смоленской кампании³³⁴. В итоге, предприятие получило даже большую духовную поддержку, чем просил Сигизмунда III: в октябре 1609 г. в Риме был объявлен юбилей и устроен молебен, после чего паломники получили отпущение всех грехов «ради счастливого успеха Светлейшего Короля против схизматиков»³³⁵. Король Речи Посполитой, в свою очередь, всеми силами подогревал интерес папского престола к экспедиции, обещая по ее завершению вознести католический крест над Москвой³³⁶.

Тесное сотрудничество Сигизмунда III с Католической церковью при подготовке кампании заметно и в рамках более локальных идеологических акций. Так, например, при сборе войск в Орше был заложен костел Михаила Архангела³³⁷.

³³³ Chrościcki J. A. *Sztuka i polityka: funkcje propagandowe sztuki w epoce Wazów 1587–1668*. Warszawa, 1983. S. 70.

³³⁴ Sobieski W. *Żółkiewski na Kremlu*. Warszawa, [1920]. S. 18.

³³⁵ Chrościcki J. A. *Sztuka i polityka*. S. 70.

³³⁶ Sobieski W. *Żółkiewski na Kremlu*. S. 20.

³³⁷ Bielski S. *Diariusz Wiadomości od wyjazdu K.I.M. z Wilna do Smoleńska*. [S.l., 1610]. K. A2v.

Принимавшие деятельное участие в этом событии иезуиты призывали Архистратига Небесного воинства направить короля в его святом походе, что и было подкреплено основанием нового храма.

Политическая литература после начала польско-литовской интервенции продолжила играть ведущую роль в антироссийской пропаганде, обретая все более воинственный окрас. Сразу после пересечения русских границ королевскими войсками в Речи Посполитой начала распространяться поэма *Pieśń o tyránstwie Szuyskiego*³³⁸, представляющая короля и его рыцарей освободителями русских земель от власти нечестивого узурпатора Василия Шуйского.

Не менее любопытен и визуальный ряд пропагандистских произведений указанного временного периода. Так, работавший при дворе польского короля итальянский мастер Т. Долабелла в 1609 г. изготовил искусную гравюру³³⁹, на которой верхом на коне был изображен ведущий войска на Смоленск Сигизмунд III. После успешного взятия города этот же мастер вновь увековечил деяния короля гравюрой, в этот раз представляющей Сигизмунда всадником-триумфатором³⁴⁰. По замечанию Хрошчицкого, это были первые изображения короля Сигизмунда в облике конного воина, ведущего за собой отряды, что существенно повлияло на художественную традицию, в рамках которой представители династии Ваза начали изображаться в качестве военных вождей³⁴¹.

Вопреки всем триумфальным ожиданиям, которые подпитывались целенаправленной деятельностью королевского окружения, события на фронте складывались неудачно для планов Сигизмунда III. Основные военные силы Речи Посполитой подошли к Смоленску 19 сентября 1609 г., и сразу же стало очевидно, что подготовленный воеводой М. Б. Шеиным к длительной обороне город вовсе не собирался сдаваться без боя³⁴². Первый штурм Смоленска был предпринят 4 октября 1609 г. После его неудачного окончания, вплоть до середины октября

³³⁸ *Pieśń o tyránstwie Szuyskiego, teraz uczyniona Roku Panskiego 1609.* [S.l.], 1609.

³³⁹ Dolabella T. Zygmunt III jako wódz w kampanii 1609. Miedzioryt W. Kiliiana, dedykacja królowi. Muzeum Hist. m. st. Warszawy Fot. M. H. m. st. Warszawy. [S.l.], 1609.

³⁴⁰ Dolabella T. Zygmunt III jako zwycięzca pod Smoleńskiem (w stroju polskim). Miedzioryt T. Dolabelli z 1611 r. Dział Dokumentacji Muzeum Narodowego w Warszawie. Fot. ze zb. Muzeum Narodowego w Warszawie. [S.l.], 1611.

³⁴¹ Chrościcki J. A. Sztuka i polityka. S. 71.

³⁴² Александров С. В. Смоленская осада. 1609–1611. М., 2011. С. 179.

продолжались попытки взять город приступом без длительных осадных работ³⁴³. Этот временной промежуток получил следующую оценку в трудах исследователя С. В. Александрова: «первый месяц осады показал всю авантюристичность похода Сигизмунда III под Смоленск. Польская армия была явно не готова к осаде первоклассной Смоленской крепости»³⁴⁴.

После череды первоначальных военных неудач, в качестве спасительного варианта для всей экспедиции король начал рассматривать поход сразу на Москву, в рамках которого можно было бы оставить лишь небольшой гарнизон в лагере под Смоленском для дальнейшей блокады города. В результате последующих обсуждений на военных советах этот вариант был отвергнут в пользу окончательного решения приступить к планомерной осаде, для чего спешно королевским отрядам доставлялись по Двине пушки из Риги³⁴⁵.

Отметим, что в положении польско-литовских войск под Смоленском не наблюдалось кардинальных улучшений даже ввиду прочих успехов кампании. Проиллюстрировать это утверждение может учиненный кавалеристами С. Жолкевского 4 июля 1610 г. при Клушине разгром московских войск под предводительством Д. И. Шуйского. Вследствие этой битвы гетман сумел беспрепятственно дойти до Москвы и уже 27–28 августа 1610 г. принять присягу боярского правительства на верность королевичу Владиславу³⁴⁶. Сигизмунд III так и не решился отпустить своего 15-летнего сына в Москву, и только в 1611 г. в российскую столицу в роли королевского наместника (*vicereh*) был направлен Я. К. Ходкевич³⁴⁷.

Вопреки указанным выше обстоятельствам, король не ослаблял осаду Смоленска и 21 августа 1610 г. случилась одна из самых кровавых попыток взять штурмом город за весь период осады. Деморализованность польско-литовских воинов под Смоленском была так высока, что 20 августа 1610 г. отряды не удалось

---

³⁴³ Александров С. В. Смоленская осада. С. 180–183.

³⁴⁴ Там же. С. 184.

³⁴⁵ Там же. С. 184.

³⁴⁶ Костомаров Н. И. Смутное время. Московское государство в начале XVII столетия. Исторические монографии и исследования. М., 2008. С. 528–532.

³⁴⁷ Курбатов О. А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014. С. 148.

поднять на запланированный штурм, так как шляхта отказывалась идти на крепость в пешем ряду. Случившийся на следующий день приступ уже оказался жестко отбит защитниками крепости: было убито 178 и ранено 642 атакующих³⁴⁸.

Только 3 июня 1611 г. Смоленск пал под натиском польско-литовской армии Сигизмунда III. Несмотря на то, что королевская военная экспедиция добилась успеха, 20-месячная осада города нанесла существенный удар по армии и казне. Это обстоятельство обусловило необходимость возвращения короля обратно в Речь Посполитую, лишив его возможности с войсками пойти на Москву³⁴⁹.

Успешное взятие Смоленска стало катализатором появления нового пласта пропагандистской литературы: покорение Речью Посполитой, казалось бы, неприступного города, наполнило актуальную политическую литературу и публицистику тех времен оптимистичными настроениями относительно хода всей военной кампании против России. «Триумф» как жанр стал доминирующей формой распространения новостной информации вплоть до изгнания польского гарнизона из Московского Кремля.

По мнению Ю. Хрошчицкого, создание панегирической литературы, воспевающей военную и политическую прозорливость Сигизмунда III, активно поддерживалось королевской канцелярией, прежде всего, для смягчения внутривосточных противоречий в Речи Посполитой, связанных с рокошем Зебжидовского³⁵⁰. В рамках настоящего диссертационного исследования мы считаем необходимым дополнить вывод исследователя: апология самовольных действий короля и акцент на его личном успехе в войне с Россией были необходимы ввиду неудачно прошедшего для планов короля Варшавского сейма в 1609 г. Восхваляющие победу польско-литовских войск сочинения были призваны усилить авторитет центральной власти и защитить короля от выпадов политических противников, справедливо усматривающих в действиях Сигизмунда III стремление к укреплению собственного положения.

---

³⁴⁸ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 1: Памятники, относящиеся к Смутному времени / [под ред. проф. С. Ф. Платонова]. СПб., 1872. С. 656–657.

³⁴⁹ Александров С. В. Смоленская осада. С. 253.

³⁵⁰ Chrościcki J. A. Sztuka i polityka. S. 69.

Король и его достижения стояли в центре внимания пропаганды, прочие сюжеты затемнялись и замалчивались. Это объясняет тишину, которая в публицистике той поры окутала битву 4 июля 1610 г. при Клушине³⁵¹. Наиболее емко молчание поэтов и публицистов-современников по поводу победы гетмана С. Жолкевского охарактеризовал Ю. Новак-Длужевский, назвав его «попросту скандальным»³⁵². Справедливость этой оценки подтвердили исследования К. Завадского, показавшие, что в летучих листах 1610–1611 гг. эта битва практически никак не была отмечена³⁵³.

О политическом эффекте указанного сражения мы кратко писали выше: невозможно не согласиться с мнением О. А. Курбатова, что «поражение под Клушином имело главным следствием падение власти Шуйского»³⁵⁴. Помимо полного разгрома московских войск, также были разбиты заклятые враги Речи Посполитой – шведы, воюющие на стороне России под предводительством Я. Делагарди. Традиция глорификации подобных военных триумфов существовала в польской литературе. В пример можно привести разгром шведов под Кирхгольмом 27 сентября 1605 г. гусарами Я. К. Ходкевича: в период с 1605 по 1606 г. в Европе вышло минимум 7 разных новостных изданий, красочно описывавших разгром шведов³⁵⁵. В случае со Смоленской кампанией, успехи С. Жолкевского не получили признания в актуальной поэзии и публицистике, так как могли бы составить конкуренцию деяниям Сигизмунда III, что шло вразрез с основным мотивом пропагандистской кампании.

В контексте вышеупомянутых обстоятельств становится понятен широкий размах коммеморативных акций в Речи Посполитой, связанных исключительно со взятием Смоленска: после июня 1611 г. были даны триумфы и парады, участники военных действий получили памятные награды и медали, европейские обыватели

³⁵¹ Oszczyda A. Tryumfy smoleńskie. Propagandowe treści wierszy triumfalnych z 1611 roku / Hołd carów Szujskich, pod red. J. A. Chrościckiego i M. Nagielskiego. Warszawa, 2012. S. 70.

³⁵² Nowak-Dłużewski J. Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce. T. 4: Zygmunt III. Warszawa, 1971. S. 212.

³⁵³ Zawadzki K. Gazety ulotne polskie i Polski dotyczące XVI–XVIII wieku. Bibliografia. T. 1: 1514–1661. Wrocław, 1977. S. 78–82.

³⁵⁴ Курбатов О. А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014. С. 112

³⁵⁵ Zawadzki K. Gazety ulotne polskie i Polski dotyczące XVI–XVIII wieku. Bibliografia. T. 1: 1514–1661. Wrocław, 1977. S. 73–77.

об успехе короля узнавали из быстро растиражированных летучих листов и сочинений публицистов³⁵⁶. Инициированная центральной властью пропагандистская кампания позволила представить деяния Сигизмунда III как продолжение внешнеполитической доктрины Ягеллонов по расширению территории государства³⁵⁷, что должно было импонировать общественному мнению.

Если ранее польско-литовская общественность получала сведения о Смуте в России преимущественно в фарватере деятельности самозванцев, то с 1611 г. фокус восприятия событий в соседнем государстве под влиянием потока новоизданных пропагандистских сочинений сместился. Война с Россией в литературных памятниках обрела свежий магистральный сюжет и нового центрального героя: описывались только ратные подвиги короля и его приближенных. Для подтверждения этого тезиса мы считаем необходимым обратиться к списку источников, чье создание было обусловлено военной кампанией 1609–1611 гг.

Библиография К. Завадского фиксирует существование 9 летучих листов, выпущенных по случаю взятия Смоленска³⁵⁸:

1. *Breve e vera relazione dell'acquisto e la presa della città di Smolensk in Moscovia.* Roma, 1611.
2. *Drei merkliche Relationen. Erste von der Viktoria Sigismunds III., des Königs von Polen und Schweden, welche er über die Moskowiter erhalten und die Festung Smolensk, am 13. Juni 1611 erobert hat.* Augsburg, 1611.
3. Hofmański M. *Porażka cudowna wojska moskiewskiego.* Poznań, 1611.
4. *Krótkie a prawdziwe opisanie wzięcia Smoleńska.* [S.l.], 1611.
5. *O rekuperowaniu Smoleńska od Moskwy przez Zygmunta III dnia 13 czerwca 1611.* Wilno, 1611.
6. Ozimiński B. *Szturm pocieszny smoleński, który był odprawowany szczęśliwie w roku terażniejszym 1611, 13 dnia czerwca.* Wilno, 1611.

³⁵⁶ Chrościcki, J.A. *Sztuka i polityka.* S. 69–70.

³⁵⁷ *Ibid.* S. 71.

³⁵⁸ Zawadzki K. *Gazety ulotne polskie i Polski dotyczące XVI–XVIII wieku. Bibliografia.* T. 1: 1515–1661. Wrocław, 1977. S. 78–81.

7. Szturm smoleński. Poznań, 1611.

8. Viktoria Sigismundi III., Königs von Polen und Schweden, welche er über der Moskowiter Festung Smolensk erhalten und dieselbige am 13. Juni 1611 erobert hat. [S.l.], 1611. Wyd. A/B.

9. Viktoria und Sieg Sigismundi III., welche Ihre Königliche Majestät am 13. Juni 1611 wider die Festung Smolensk erhalten hat. [S.l.], 1611.

Помимо летучих газет, множество литературных источников, касающихся военной кампании Сигизмунда III, были изучены и систематизированы в работах Ю. Новак-Длужевского³⁵⁹. В новейшей научной литературе сходной темой занималась польская исследовательница А. Ошченда³⁶⁰. Учитывая вклад в библиографию упомянутых ученых и исключая вышеприведенные титулы летучих листов, мы дополнительно получаем следующий список источников, созданных под влиянием взятия Смоленска:

1. Bartoszewski W. Pienia wesole dziatek, na przyiazd do Wilna króla JMści, Senatu y Rycerstwa tudziez mowa po rekuperowaniu Smoleńska JW. J. MC. P. Chrystophowi Montwidowi Dorohostayskiemu marszałkowi W. X. Lit. Wilno, 1611.

2. Borastus G. Panegyricus Sigismundo III. Poloniae et Sveciae Regi etc. etc. invictissimo a Gregorio Laurentio Borasto Gotto dicatus. Vilno, 1611.

3. Chlebowski W. Tryumf radosny wszystkich obywatelów koronnych y wielk. księztwa litewskiego, z sławnego zwycięztwa Nayiaśnieyszego i niezwycięzonego monarchy Zygmunta III., który po wzięciu stolice Moskiewskiey y zamków przyległych, napotęźniejszy Smoleńsk szczęśliwie opanował. Kraków, 1611.

4. In triumpho serenissimi ac potentissimi principis Sigismundi III. Poloniae et Sveciae Regis etc. etc. è Moscovia post insignes gloriose partas victorias feliciter redeuntis. Oratio Caesaris Baroffii Mediolanensis J. V. D. protonotarii ap. et illustrissimi ac reverendissimi Domini D. Comitis Francisci Simonetae, episcopi Fulginatensis, nuncii in Regno Polon. apostolici, a secretis. Vilno, 1612.

³⁵⁹ Nowak-Dłużewski J. Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce. T. 4: Zygmunt III. Warszawa, 1971. S. 212–219.

³⁶⁰ Oszczęda A. Tryumfy smoleńskie. Propagandowe treści wierszy triumfalnych z 1611 roku // Hołd carów Szujskich / pod red. J.A. Chrościckiego. Warszawa, 2012. S. 71.

5. Krajewski J. Tryumph poznański Ná radosną victorią K. Je^o M. po wzięciu Smoleńska, który się odprávvovvał 3 dniá Lipcá 1611. Przez Jana Kraiewskiego Kom. K. J. M. teraz novvo vvydány. Poznań, 1611.
6. Loaechius A. Na szczęśliwe y požądane zwrocenie się JK Mści Zygmunta III do Wilna po rekuperowaniu Smoleńska. Wilno, 1611.
7. Łubieński S. Oratio salutatoria a Stanislao Lubienio Canonico Varsav. ad Sigismundum III cum capto Smolensco, Varsaviam redux Basilicam visitaret, nomine Capituli Varsaviensis. Warszawam, 1611.
8. Montelupi V. Gratulationes in reditum Serenissimi et Potentissimi Sigismundi III. D. G. Poloniae et Sveciae Regis Magnique Lithuaniae Ducis etc. Victoris, de Moschovia triumphantis a Valerio Montelupi de Mari philosophiae studioso in collegio romano Societ. Jesu. Poznań, 1611.
9. Ozimiński B. Szturm pocieszny Smoleńska, który był odprawowany szczęśliwie w roku terażnieyszym 1611 dnia 13 Czerwca, opisany przez Baltazara Ozimińskiego. Wilno, [1611].
10. Paszkowski M. Opisanie wzięcia Smoleńska przez niezwyciężonego monarchę Zygmunta III / Gwagnini, Alexander. Kronika Sarmacyjej Europejskiej. Kraków, 1611. Ks. 7. S. 80–81.
11. Radawski A. Victoria de Moscho, Sigismundo III. Rege Maximo, triumphatore regnante, relata. Illustribus et Magnificis D. Joanni, D. Constantino Principibus Ostrogiensibus, Palatin. Wolynensibus dicata ab Alberto Radawski S. C. Cracoviae. Kraków, 1611.
12. Skarga P. Na Moskiewskie zwycięstwo Kazanie y Dzięki Panv Bogv. Czynione w Wilnie 25. Iulii, w dzień S. Iákubá, 1611. ná przyiazd szczęśliwy Krolá I. M. Przez X. Piotra Skarge Societatis Iesv. Kraków, 1611.
13. Tryumf niezwyciężonemu monarsze Zygmontowi III. Kraków, 1611.
14. Witkowski S. Safo słowieńska na grzmotną sławę z zwycięstwa smoleńskiego. Kraków, 1611.
15. Witkowski S. Wanda Ná szczęśliwe zwrocenie Ieo Krolewskiej Miłości z zwycięstwá Moskiewskiego. Pod consultáciámi Seymu wálnego Wárszáwskiego, w

Roku 1611. Dnia 26. Mieściacá Wrześniá. Pisana przez Stanisława Witkowskiego. Euripides. Consilium sapienter initum, multas manus vincit: imperitia verò cum multitudine, deterius malum est. Kraków, 1611.

Предположения А. Ошченды о причинах быстрого появления обширного пласта литературы³⁶¹, прославляющей победу польско-литовского оружия, созвучны с нашими предшествующими выводами. Королевская канцелярия стремилась создать благоприятное настроение в польско-литовском обществе относительно планов короля по продолжению войны и окончательного подчинения Москвы, ради исполнения которых было необходимо провести новые поборы, что и стало главной темой для обсуждения сначала на местных сеймиках 15 августа, а в скором времени после них – на вальном сейме в Варшаве 26 сентября 1611 г.

Рассматривая приведенные выше источники не как разрозненные литературные памятники, но как совокупность однородных функциональных элементов целенаправленной пропагандистской кампании Сигизмунда III, мы столкнулись с необходимостью сформировать классификационную схему, учитывающую обстоятельства создания памятников и способную продемонстрировать взаимосвязь между изучаемыми текстами.

Исследователь старопольской литературной традиции М. Куран предпринял попытку выполнить указанную задачу³⁶². Отойдя от распространенной в научных трудах генологической и хронологической классификации источников, Куран поставил во главу угла «коммуникационный»³⁶³ аспект: исследователь выдвинул ряд предположений о том, на охват каких слоев читающего населения были направлены те или иные тексты. Изучая, как информация постепенно с восточных рубежей Речи Посполитой распространялась все дальше на Запад, Куран дополнил свои размышления элементами генетического анализа текстов.

³⁶¹ Oszczyda A. Tryumfy smoleńskie. Propagandowe treści wierszy triumfalnych z 1611 roku // Hołd carów Szujskich / pod red. J. A. Chrościckiego. Warszawa, 2012. S. 71.

³⁶² Kuran M. Relacje o zdobyciu Smoleńska w 1611 roku – konwencje literackie i funkcje komunikacyjne // Senoji Lietuvos literatūra. 2011. Knyga 32. S. 57–80.

³⁶³ Ibid. S. 59.

На наш взгляд, изучение взаимовлияния разножанровых произведений в широких временных и географических рамках позволяет выявить их иерархию: ряд памятников впервые сообщал сведения сенсационного характера или дополнял новыми деталями складывающееся в головах читателей новостное полотно, в то время как другие тексты уже широко ретранслировали известную информацию дальше, сопровождая ее определенной оценкой. Рассмотрев принципы классификации, которыми в своих работах руководствовался М. Куран, мы их переработали и адаптировали к изучаемому кругу источников ввиду целей и задач нашего диссертационного исследования. Исходя из этого, в истории создания литературного цикла, выгодно представляющего публике обстоятельства и результаты осады Смоленска, мы смогли выделить пять этапов.

Первоначально современники могли узнать что-либо о ходе Смоленской кампании только из записок очевидцев и непосредственных участников военных действий. Личные письма и дневники периода осады города, листы из королевской канцелярии и диариуши военного похода послужили основой для широко разошедшихся позже новостных изданий. Первостепенную роль здесь играл анонимный *Diariusz drogi króla Jmci Zygmunta III*³⁶⁴, транслирующий взгляд на события со стороны королевского лагеря. Помимо официальных каналов распространения новостей, известия о ходе войны просачивались в информационное поле Речи Посполитой благодаря частным документам. Одним из многочисленных примеров такого типа источников может послужить *Письмо Пана Вихровского к Пану Станишевскому*³⁶⁵, в котором племянник сообщал новость о взятии Смоленска своему дяде, подробно описав ход штурма. Настроение указанного письма предвосхищало триумфальные мотивы изданных в скором времени новостных брошюр, а сам автор листа с ликованием сообщал родственнику: «У нас есть, с чем вернуться, так как такого замка во всей Польше

³⁶⁴ *Diariusz Drogi Krola Jmci Zygmunta III Od Szczesliwego Wyjazdu Z Wilna Pod Smolensk W Roku 1609 a Die 18 Augusta I Fortunnego Powodzenia Przez Lat Dwie Do Wziecia Zamku Smolenska W Roku 1611.* / [oprac. J. Byliński]. Wrocław, 1999.

³⁶⁵ Текст рукописного источника воспроизведен в: Swiatkiewicz A. Ostatni szturm na Smoleńsk r.1611 // *Kwartalnik Historyczny*. 1982. T. 6. Lwów. S. 90–92.

не сыскать, который был бы так прекрасно укреплен и обустроен, что те, кто силу [других] замков на свете видели, признавали, что такие высокие и крепкие стены трудно [еще где-либо] найти»³⁶⁶.

Выделение следующего этапа и принцип включения в него источников обусловлены тем обстоятельством, что глорификационная кампания в честь победы короля Сигизмунда вступила в активную стадию: информация была кодифицирована, и теперь нужно было сконструировать каналы ее распространения среди населения Речи Посполитой. Первыми на поставленную задачу откликнулись крупные печатные центры, географически близко расположенные к театру боевых действий. Высокой оценки заслуживает эффективная кооперация королевской канцелярии с виленскими типографами (прежде всего, с печатней государственного сервитора Я. Карцана³⁶⁷). Именно в Вильне был дан первый королевский триумф 24–25 июля 1611 г. по случаю взятия Смоленска. Виленские печатни после проведения в городе торжественных мероприятий быстро наладили выпуск панегирической литературы в честь короля. Помимо новостных изданий, распространение среди читателей получили и хвалебные речи сановников, произнесенные в столице ВКЛ во время королевских празднеств. О том, что это были не спорадические проявления лояльности, но часть продуманной пропагандистской кампании, свидетельствует, например, публикация *Na Moskiewskie zwycięstwo Kazanie*³⁶⁸ П. Скарги. Будучи произнесенными в Вильне, речи Скарги в скором времени были изданы уже в Кракове, чтобы прославляющая деяния Сигизмунда III орация смогла охватить большее число удаленных читателей.

Третий этап в нашей схеме связан с собранием литературных памятников, которые продолжили нести сенсационную составляющую своим адресатам, но

³⁶⁶ Swiatkiewicz A. Ostatni szturm na Smoleńsk r.1611. S. 92.

³⁶⁷ Из типографии Карцана вышли следующие растиражированные тексты, прославляющие военные успехи короля: Bartoszewski W. Pienia wesołe dziatek, na przyjazd do Wilna króla JMści, Senatu y Rycerstwa tudzież mowa po rekuperowaniu Smoleńska JW. J. MC. P. Chrystophowi Montwidowi Dorohostayskiemu marszałkowi W. X. Lit. Wilno, 1611; O rekuperowaniu Smoleńska od Moskwy przez Zygmunta III dnia 13 czerwca 1611. Wilno, 1611; Ozimiński B. Szturm pocieszny smoleński, który był odprawowany szczęśliwie w roku terażniejszym 1611, 13 dnia czerwca. Wilno, 1611.

³⁶⁸ Skarga P. Na Moskiewskie zwycięstwo Kazanie y Dzięki Panv Bogv. Czynione w Wilnie 25. Iulii, w dzień S. Iákubá, 1611. ná przyjazd szczęśliwy Krolá I. M. Przez X. Piotra Skarge Societatis Iesv. Kraków, 1611.

издавались уже в отдаленных от войны областях Речи Посполитой авторами, которые не имели прямого отношения к описываемым событиям. Указанный круг источников можно проиллюстрировать популярным познаньским новостным изданием *Szturm smoleński*³⁶⁹ и включенной в хронику А. Гваньини рифмованной реляцией *Opisanie wzięcia Smoleńska przez niezwycięzonego monarchę Zygmunta III*³⁷⁰ М. Пашковского.

Наибольший интерес для решения задач настоящего диссертационного исследования представляет четвертый этап формирования смоленского пропагандистского цикла, когда жанр «триумф»³⁷¹ стал ведущим в прославляющей деяния короля Сигизмунда литературе. Сенсационно-новостной аспект в триумфальной литературе отошел на второй план, а сам нарратив был направлен на превознесение короля и его недавних заслуг перед Речью Посполитой. Вниманию читателей представлялась целостная картина, как Сигизмунд III с отважным рыцарством выдвинулся к Смоленску и вследствие тяжелейших сражений овладел неприступным городом, после чего перед венценосцем склонила голову вся беспокойная Московия. Детальному анализу триумфальной литературы посвящен третий параграф третьей главы нашего диссертационного исследования.

Следом за триумфами необходимо выделить группу источников, чье происхождение уже не было связано с землями Речи Посполитой. Внешняя пропаганда военно-политических успехов Сигизмунда III также входила в число актуальных задач для королевской канцелярии, поэтому новости о победе христианского монарха над восточными схизматиками стремительно распространялись по Европе. Первые новостные издания, посвященные взятию

³⁶⁹ *Szturm smoleński*. Poznań, 1611.

³⁷⁰ Paszkowski M. *Opisanie wzięcia Smoleńska przez niezwycięzonego monarchę Zygmunta III / Gwagnini A. Kronika Sarmacyjej Europejskiej*. Kraków, 1611. Ks. 7. S. 80–81.

³⁷¹ Chlebowski W. *Tryumf radosny wszystkich obywatelów koronnych y wielk. księztwa litewskiego, z sławnego zwycięstwa Nayiaśnieyszego i niezwycięzonego monarchy Zygmunta III., który po wzięciu stolice Moskiewskiey y zamków przyległych, napotężniejszy Smoleńsk szczęśliwie opanował*. Kraków, 1611; *Tryumf niezwycięzonemu monarsze Zygmunтови III*. Kraków, 1611; Witkowski S. *Safo słowieńska na grzmotną sławę z zwycięstwa smoleńskiego*. Kraków, 1611; Witkowski S. *Wanda Ná szczęśliwe zwrocenie Ieo Krolewskiey Miłości z zwycięstwa Moskiewskiego. Pod consultáciami Seymu wálnego Wárszawskiego, w Roku 1611. Dniá 26. Mieściacá Wrześniá. Pisana przez Stanisława Witkowskiego. Euripides. Consilium sapienter initum, multas manus vincit: imperitia verò cum multitudine, deterius malum est*. Kraków, 1611.

Смоленска, были растиражированы в 1611 г. в Риме³⁷² и Аугсбурге³⁷³. Указанные источники иллюстрируют литературу заключительного этапа в процессе развития антироссийской новостной кампании. После выхода подобных сочинений фазу активного продвижения известий о взятии Смоленска в качестве неоспоримого королевского успеха в европейском новостном пространстве можно считать завершённой.

По мере развития военно-политической ситуации в России, все более очевидным фактом становилось, что Москва вовсе не была готова подчиниться Сигизмунду III, а приобретения Речи Посполитой ограничатся только смоленскими землями. Это обусловило тот факт, что литература после 1612 г. постепенно начала наполняться текстами, переосмысляющими итоги военной кампании 1609–1611 гг. Создаваемые спустя годы и даже десятилетия литературные рефлексии о войне и ее результатах выходили далеко за рамки королевской пропагандистской кампании и в большинстве своем представляли частные мнения авторов.

Уже в 1612 году С. Жолкевский в своей рукописи с негодованием замечал, что самоуверенность короля и его нежелание вести переговоры с боярским правительством ради последующих выгод могут серьезно навредить Республике и перечеркнуть результаты, достигнутые военными и дипломатическими успехами³⁷⁴. Признавая взятие Смоленска великим триумфом, сторонник политики короля Я. Краевский в 1615 г. в своей эпической поэме *Chronologia woyny Moskiewskiej*³⁷⁵ с горечью написал следующие строки об окончательной утрате Москвы для Речи Посполитой:

³⁷² Breve e vera relazione dell'acquisto e la presa della città di Smolensk in Moscovia. Roma, 1611.

³⁷³ Drei merkliche Relationen. Erste von der Viktoria Sigismunds III., des Königs von Polen und Schweden, welche er über die Moskowiter erhalten und die Festung Smolensk, am 13. Juni 1611 erobert hat. Augsburg, 1611.

³⁷⁴ «Гетман приводил не мало и других причин, советуя действовать сообразно со склонностью этого народа, и положить конец войне, поскольку из условий, заключенных теперь под Москвой, могли проистекать великие выгоды для Речи Посполитой. Если же король не захочет этим довольствоваться, тогда, кроме, других неудобств, необходимо завяжется продолжительная война, которой неизвестно, когда и какой будет конец. Надобно, говорил также, обратить внимание и на солдат, склонных к бунтам и мятежам в случае, если бы им не могло быть выплачиваемо жалованье, чтобы, по уничтожении сих трактатов, они не взбунтовались и не вступила в области Речи Посполитой, с требованием от неё заслуженной платы, которую по уговору должны была получить из казны Московской. Но уши е. в. короля были закрыты для убеждений гетмана...». Цит по: Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. С. 108–109.

³⁷⁵ Krajewski J. Chronologia woyny Moskiewskiej przez Jana Krajewskiego pilnie opisana. 1615. Cic. Is est verus triumphus cum bene meritis de Repub. testimonium a consensu civitatis datur. Honor enim est praemium virtutis studio iudicioque

«И так в день Всех Святых кровью обогранный,
Уже был король в Яме с войском – столица [нами] потеряна!»³⁷⁶

Поэт не критиковал действия правителя и всю вину возложил исключительно на плечи самих москвитов, представив их вероломным и диким народом, пошедшим против собственных договоренностей с Сигизмундом III³⁷⁷.

Чем хронологически дальше от описываемых событий публиковались новые тексты, тем более критично в них рассматривалась роль короля в войне с Россией. Подобные оценки можно встретить, например, в *Gestorum Vladislai IV Poloniae et Sveciae regis*³⁷⁸ Э. Вассенберга, *Władysławie IV*³⁷⁹ С. Твардовского и сочинении *Historia Vladislai* С. Кобежицкого³⁸⁰. Явно отрицательную оценку³⁸¹ действиям Сигизмунда III во время и сразу после смоленской кампании можно найти в хронике его собственного секретаря Павла Пясецкого³⁸², которая благоразумно была издана уже после смерти монарха.

Таким образом, предложенная нами схема классификации источников позволяет обозначить основные этапы в формировании официального триумфального дискурса, в русле которого целенаправленно распространялась информация в Речи Посполитой и соседних государствах об успешной осаде Смоленска королевскими войсками. На основании событий военной кампании 1609–1611 гг. был сконструирован миф о полной победе Сигизмунда III над Россией. Постепенное осознание несостоятельности этого мифа со стороны

---

alicujus ad aliquem delatum etc. Szablą słynąc, piękna rzecz, kto na sławę robi: Pismem się cnota każda winosi y zdo-
Kraków, [1615]. K. 32.

³⁷⁶ Польск.: «I tak w dzień Wszystkich Świątych we krwi umoczona, / Już był król w Jaźmie z wojskiem – stolica stracona!»
Krajewski J. Chronologia wojny Moskiewskiej przez Jana Krajewskiego pilnie opisana // Moskiewski Mars. Wiersze
polskie czasu pierwszej dymitriady (1605–1612). Antologia / [oprac. A. Oszczyda]. Warszawa, 2016. S. 479.

³⁷⁷ Krajewski J. Chronologia wojny Moskiewskiej // Moskiewski Mars. S. 479.

³⁷⁸ Wassenberg E. Gestorum Wladislai IV, Poloniae et Succide Regis, pars I principem panegyricе representans, pars II
Regem panegyricе repraesentans. Gedanii, 1643.

³⁷⁹ Twardowski S. Władysław IV, król polski i szwedzki. Leszno, drukarnia D. Vetter, 1649.

³⁸⁰ Kobierzycki S. Historia Vladislai Poloniae et Sueciae principis, ejus natales, infantiam, electionem usque ad excessum
Sigismundi III. Gdańsk, 1655.

³⁸¹ Piasecki P. Kronika / Wstęp Julian Bartoszewicz, przekł. Antoni Chrzyszczewski. Kraków, 1870. S. 238–239.

³⁸² Piasecki P. Chronica gestorum in Europa singularium. Kraków, 1645.

современников проявлялось в создании сочинений с критическим переосмыслением недавних событий.

Отметим, что введенная рубрикация исторических памятников также имеет достоинства с точки зрения источниковедческого анализа. Прослеживая каналы трансляции информации, мы можем выявить последовательно все звенья в цепи передачи новостей, что позволяет учитывать весьма редкие источники, введение которых в научный оборот до сих пор является актуальной задачей для исследователей старопольской литературы.

Руководя планомерной осадой Смоленска, король продолжал заниматься государственными делами прямо в военном лагере вблизи стен вражеского города: велось активное бюрократическое делопроизводство, составлялись указы, принимались и рассылались послы, оглашались церемониальные речи. Исследовательница М. Барловская выявила, что только дошедшие до наших дней посольские речи, составленные и прочитанные в период смоленской осады, насчитываются в количестве 16 рукописей³⁸³.

Проводимые в королевском лагере мероприятия влияли на облик всей пропагандистской кампании Сигизмунда III: работавшие на благоприятный образ короля сюжеты культивировались и развивались, прочие – замалчивались или отсекались. В частности, триумфальными мотивами была пронизана речь, произнесенная в королевском лагере Ф. Крыским от лица короля по случаю успеха польско-литовских сил при Клушине. Прибывший 15 июля 1610 г. к Сигизмунду III А. Жолкевский, брат гетмана С. Жолкевского, преподнес монарху булаву Д. И. Шуйского, что символизировало полный военный успех Речи Посполитой в противоборстве с московскими силами³⁸⁴. В речи Крыского победа при Клушине представлялась поворотным моментом военной кампании, однако далее этот сюжет будет задвинут на дальний план, чтобы ничто не могло конкурировать с личными подвигами короля на войне против России, о чем мы писали выше.

---

³⁸³ Barłowska, M. Słowo na theatrum wojny, czyli mowy pozostające po czasach Dymitriad. Epizod smoleński // Napis. 2006. Seria XII. S. 210.

³⁸⁴ Ibid. S. 218.

Помимо триумфальных и праздничных акций, королевская администрация выполняла ключевые функции и при проведении траурных мероприятий. В лагере под Смоленском регулярно проводились пышные церемонии прощания с погибшими во время осады видными представителями дворянства Речи Посполитой³⁸⁵. Например, большое количество шляхтичей, желавших отдать дань уважения своему товарищу, посетило церемонию прощания с умершим от лихорадки 6 июля 1610 г. добчицким старостой (*starosta dobczycki*) И. Любомирским.

В ставку монарха также свозились тела польско-литовских рыцарей, погибших на удаленных от Смоленска российских землях. Убитый в ходе боев под Царевым-Займищем М. Вейхер (*Marcin Wejher*) сначала был доставлен товарищами в королевский лагерь, а 27 октября 1609 его тело уже было отправлено в Речь Посполитую. Важно вспомнить и про судьбу останков гетмана Тушинского лагеря Р. Ружинского. Тело умершего 4 апреля 1610 г. в Иосифо-Волоколамском монастыре воеводы было перевезено в королевский лагерь под Смоленском, где 21 июня 1610 г. с ним состоялось торжественное прощание, после которого останки Ружинского были отправлены в Киев на захоронение.

Всем вышеупомянутым траурным акциям сопутствовало составление текстов, посвященных жизни и заслугам покойных. Фунеральные памятники, как в поэтической форме, так и в прозе, представляют собой обособленное направление в злободневной литературе. Данный пласт источников имеет преимущественно прикладной характер, и с позиции информативности в фунеральной литературе раскрываются узколокальные сюжеты, вписанные в более широкий исторический контекст. Памятники указанного вида редко привлекается на равных с прочими типами письменных исторических источников в обобщающих исследованиях; куда большее внимание фунеральному жанру уделяется в литературоведении³⁸⁶. Ввиду

³⁸⁵ Подробнее см.: Barłowska, M. „Bo przystoi, by mężne tak wieziono ciała”. Mowy przy wyprowadzeniu ciała rycerza z obozu // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. 2010–2011. N. 7. S. 57–69.

³⁸⁶ Подробнее см.: Nowicka-Jeżowa A. *Sarmaci i śmierć. O staropolskiej poezji żałobnej*. Warszawa, 1992. S. 14–20; Nowicka-Jeżowa A. *Siedemnastowieczna poezja funeralna w kręgu tradycji renesansowej. Przekształcenia i przewartościowania* // *Przełom wieków XVI i XVII w literaturze i kulturze polskiej*. Red. B. Otwinowska, J. Pelc. Wrocław, 1984. S. 193–195.

того, что погребальные памятники также участвовали в складывании триумфального мифа короля Сигизмунда, мы не можем пренебрегать этим видом источников.

В погребальных речах и оплакивающих покойного произведениях к началу XVII столетия существовал устоявшийся канон. С позиции популярности использовавшихся жанров, наиболее были распространены «трены», «ламенты» и «нении», в которых обязательно фигурировали следующие темы: описание заслуг умершего, обстоятельства его гибели, моральный урок из его смерти, утешение родным и похвала от соотечественников³⁸⁷. В случае с погребальной литературой, связанной с осадой Смоленска и войной с Россией, ситуация выглядела следующим образом: обстоятельствам гибели королевского подданного сопутствовала информация о ходе боевых действий, а вместе с похвалой умершему от соотечественников фигурировала благодарность Сигизмунда III верному рыцарю, выполнившему свой долг перед Речью Посполитой.

В рамках нашего исследования особый интерес представляет случай смерти уйско-пильского старосты (*starosty ujsko-pilskiego*) В. Гаевского. Под датой 17 октября 1609 г. в диариуше осады было зафиксировано следующее: неосторожно выйдя из окопа вечером, пан Гаевский был убит защитниками крепости из гаковницы³⁸⁸. Выпущенный снаряд пробил горло старосты, отчего сановник скончался на месте. Случившееся примечательно тем, что это был один из первых видных приближенных короля, погибших от рук защитников Смоленска.

Для уроженца Великопольского воеводства В. Гаевского Смоленская кампания была далеко не первым боевым опытом: ранее он проявил себя в ратном деле, участвовав в молдавском походе Я. Замойского в 1600 г. Позже Гаевскому довелось защищать интересы Речи Посполитой уже в Прибалтике, воюя против шведов. За свои многочисленные заслуги перед короной В. Гаевский в 1606 г.

³⁸⁷ Подробнее о принципах построения funerальной литературы см.: Ciszewska, M. *Tuliusz domowy. Świeckie oratorstwo szlacheckie kręgu rodzinnego (XVII–XVIII wiek)*. Warszawa, 2016. P. 216–234.

³⁸⁸ *Diariusz drogi Krola JMci Zygmunta III od szczęśliwego wyjazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 Augusta i fortunnego powodzenia przez lat dwie do wzięcia zamku Smoleńska w roku 1611 / oprac. J. Byliński. Wrocław, 1999. S. 85.*

добился положения уйско-пильского старосты, но спустя три года был призван королем на новую военную кампанию против России, где и погиб в первый месяц осады Смоленска³⁸⁹.

Тело погибшего старосты было решено отправить в долгий путь назад в Великопольское воеводство, предварительно проведя символический ритуал прощания с покойным. Для проведения подобных обрядов существовала практика привлечения «погребального посла»: проститься с уйско-пильским старостой от лица королевской канцелярии был направлен В. Мясковский, который часто исполнял роль официального представителя центральной власти на похоронах значимых деятелей³⁹⁰. Предположительно 27 октября 1609 г., в одно время с М. Вейхером, тело Гаевского было отправлено в Речь Посполитую³⁹¹. В этот день были прочитаны заранее подготовленные торжественные погребальные речи.

До наших дней дошли два текста, подготовленных В. Мясковским в честь погибшего старосты: *Пан Войцех Мясковский, дворянин короля его милости, благодарит гостей похорон Пана Войцеха Гаевского, старосты уйского под Смоленском убитого*³⁹² и *Тот же на сопровождение того же тела через Познань*³⁹³.

Первый текст был прочитан непосредственно при прощании с телом старосты под Смоленском. Гаевский представал в речах образцовым рыцарем, который «...не в домашней тени и всевозможных достатках жизнь свою проводил, но Речи Посполитой, как добродетельный сын матери, и королю пану своему, как верный подданный, посвятил и отдал»³⁹⁴. Выдающаяся верность и неисчерпаемый патриотизм погибшего привлекли к себе личное внимание Сигизмунда III, о чем

³⁸⁹ Oźlański A. Dwie mowy Wojciecha Miaskowskiego wygłoszone na pogrzebie Wojciecha Gajewskiego – edycja krytyczna // Meluzyna. 2018. N. 2 (9). S. 73.

³⁹⁰ Oźlański A. Dwie mowy Wojciecha Miaskowskiego wygłoszone na pogrzebie Wojciecha Gajewskiego. S. 72.

³⁹¹ Dziariusz drogi Krola JMci Zygmunta III od szczęśliwego wyjazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 Augusta. S. 88.

³⁹² Miaskowski W. (KUL 3250). P[an] Wojciech Miaskowski, dworz[anin] k[rola] j[ego]m[ości], dziękuje gościom na pogrzebie p[ana] Wojciecha Gajewskiego, starosty ujskiego pod Smoleńskiem zabitego. Rkps Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Sygn. 3250.

³⁹³ Miaskowski W. (AHWil op. 1135, 2/40). Tenże na przeprowadzenie tegoż ciała przez Poznanie. Rkps Archiwum Historycznego w Wilnie. Sygn. 2/40.

³⁹⁴ Польск.: «nie w cieniu domowym I obfitych dostatkach swoich żywot swój prowadził, ale go Rz[ecz]p[ospoli]tej jako cnotliwy syn matce i królowi panu swe[mu] jako wierny poddany oddał i poświęcił». Oźlański A. Dwie mowy Wojciecha Miaskowskiego wygłoszone na pogrzebie Wojciecha Gajewskiego – edycja krytyczna // Meluzyna. 2018. N. 2 (9). S. 79.

сообщал Мясковский в своей речи: «И со скорбью король его милость, господин наш милосердный, который достойным своего слугу во многих вещах нашел, желал добродетели его большими достоинствами и достоинствами наградить, а получив новость о таком скоропостижном уходе его, частым воздыханием и поминанием, и чуть ли не слезами оплакивал. И в знак своей скорби меня, слугу своего малого, сюда направить решил, чтобы его славные останки до отеческой могилы проводил»³⁹⁵.

Подобные мотивы использовались в большинстве погребальных речей, связанных с войной против России. Пристальное внимание короля к своим верным подданным, о котором говорилось в текстах, должно было вдохновлять слушателей на новые военные подвиги. При этом хоть и второстепенным, но все же деятельным героем погребальных речей оставался сам Сигизмунд III. Называя Гаевского достойнейшим из рыцарей, В. Мясковский отмечал «... ибо кто из тех краев более [Гаевского] с большей охотой был к услугам Речи Посполитой и его королевской милости, кто с большими затратами и убытками в той экспедиции нынешней учувствовал, где и король его милость господин наш жизнь свою на кон поставил (выделено мной – И. П.) – не знаю. Один был из тех краев Гаевский, который двор королевский украсил, один, который никогда не медлил, когда хоругвь расправленную видел или трубы военные слышал»³⁹⁶.

Нет точных данных о том, сколько речей было сразу составлено по случаю смерти В. Гаевского и где конкретно они потом читались, но анализ текста *Тот же на сопровождение того же тела через Познань* позволяет нам сделать важный вывод: погребальная процессия, провожающая домой тело погибшего под Смоленском старосты, являлась агентом распространения новостной информации в Речи Посполитой. В частности, В. Мясковский останавливался в Познани, где

³⁹⁵ Польск.: «A z żalem krola j[ego]m[ości], pana nasze[go] m[iłościwego], który godnym go sługą w wielu rzeczach doznawszy, począł był cnotę jego więszemi dostatkami i dostojenstwem zdobić, a wzięwszy wiadomość o tak nagłym ześciu jego, częstym wzdychaniem i wspomnianiem, a ledwie nie łzami obżaływał. A na znak tego żalu mnie tu małego sługę swego zesłać raczył, abym to zacne ciało do grobu ojczystego doprowadził». Oźlański A. Dwie mowy. S. 80.

³⁹⁶ Польск.: «Bo kto by z tych krajow nadeń ochotniejszy i prędszy był do Rz[ecz]p[ospoli]tej i j[ego] k[rolewskiej] m[ości] posług, kto z większym kosztem i pocztem na tę ekspedycyją terażniejszą, gdzie i krol j[ego]m[ość] pan nasz zdrowie swe poniósł, stawił się nadeń – nie widzę. Jeden był z tych krajow Gajewski, który dwor pański zdobił, jeden, który nigdy nie omieszkał, gdziekolwiek chorągwie roztoczone widział, albo trąby wojenne słyszał» Oźlański A. Dwie mowy. S. 80.

перед собранием местной шляхты читал новую погребальную речь, попутно информируя слушателей о ходе войны.

Стандартно для фunerальной риторики, выступление Мясковского в Познани началось с характеристики покойного в качестве достойного рыцаря, который «...годы свои (жаль, Господи, что короткие) на службе короля его милости и Речи Посполитой проводил, [и] даже жизнь свою для милой отчизны пожертвовал»³⁹⁷. Однако далее в речь вводился новый элемент, который не имел бы смысла в тексте, прочитанном под Смоленском. Мясковский говорил о важности исхода войны для Речи Посполитой, и даже стыдил ту шляхту, которая уклонялась от выполнения своего долга на поле битвы. Характеризуя путь траурной процессии, оратор отмечал, что она идет «...с тех мест, где за целостность отчизны, за счастливое правление его королевской милости, **даже за вас, панове, которые тут дома век свой проводите** (выделено мной – И. П.), жизнь отдал и кровью своей полил гордую и строптивую смоленскую землю»³⁹⁸.

История смерти В. Гаевского не осталась локальным сюжетом рукописных текстов, но в скором времени начала воспроизводиться в массовых источниках. Впервые эпитафия по случаю смерти Гаевского была включена в печатный поэтический сборник *Biesiady Rozkoszne*³⁹⁹ неизвестного автора, творившего под псевдонимом «Балтизер из калишского повята». Поэт воспроизвел обстоятельства смерти уйско-пильского старосты, а также писал о скорби, охватившей всех товарищей Гаевского: по завершении церемонии прощания почетный караул из рыцарей еще несколько миль провожал тело старосты из-под Смоленска⁴⁰⁰. В последних строках эпитафии Балтизер обрушивает на защитников города полные презрения строки, которые были нацелены на то, чтобы возбудить негодование в

³⁹⁷ Польск.: «...i lata swe (żał się Boże, że krótkie) na posługach króla j[ego] m[ości] i R[zecz]p[ospoli]tej strawiwszy, zdrowie swe nawet dla miłej ojczyzny położył». Oźlański A. Dwie mowy. S. 78.

³⁹⁸ Польск.: «...z tego miejsca, gdzie za całość ojczyzny, za szczęśliwe panowanie j[ego] k[rólewskiej] m[ości], za w[asz]m[ościów] nawet, którzy tu domowy wiek prowadzicie, żywot położył i krwią swoją polał hardą i twardą smoleńską ziemię». Oźlański A. Dwie mowy. S. 78.

³⁹⁹ Biesiady Rozkoszne Baltyzera z Kaliskiego Powiatu. [S.l., po 1610].

⁴⁰⁰ Польск.: «Ciało jego z obozu do Polski wysłano, kilka mil od rycerstwa było prowadzono». Цит. по: Biesiady Rozkoszne. K. D3r.

сердца читателей: «Смоленск злосчастный, недостойн ты того, чтобы благородная кровь пролилась старосты уйского!»⁴⁰¹.

Пристальное внимание смерти уйско-пильского старосты уделил в своих стихах видный поэт и старший современник событий смоленской осады К. Мясковский. Сам автор был горячим сторонником королевской власти, что было доказано им на деле: в годы рокоша Зебжидовского Мясковский поставил свой литературный талант на службу центральной власти и обличал в стихах противников Сигизмунда III⁴⁰². Не смог остаться в стороне верный короне поэт и от военной кампании против России. Антироссийские эпиграммы и восхваляющие деяния короля панегирики наполнили изданную в 1612 г. антологию *Zbor rytarów*⁴⁰³.

Интересующему нас сюжету Мясковский посвятил два произведения: *Kalliope polska na śmierć sławnej pamięci Pana Wojciecha Gajewskiego*.⁴⁰⁴ и краткая *Epitafium temuż*⁴⁰⁵. *Kalliope polska* представляет собой 86-строчное поэтическое произведение, композиционно и стилистически подражающее погребальным речам. Автор, не будучи ни очевидцем войны, ни свидетелем погребальных мероприятий, мысленно представил себя участником траурной процессии, к которой призывал присоединиться и свою музу: «Не видишь, кого везем на смертном ложе из польского лагеря на хладном Севере?» (ст. 11–12)⁴⁰⁶. Описывая заслуги и достоинства Гаевского, поэт черпал вдохновение в античных сюжетах, сравнивая осажденный Смоленск с Троей, а трагичную кончину уйско-пильского старосты – со смертями Гектора и Сарпедона (ст. 19–21).

Мотивы утешения и морального наставления у поэта сливаются в одной магистральной идее: «предстоит умереть каждому, но кто от железа умер на королевской службе, тот в новой славе расцвел» (ст. 27–28). Вражеская пуля

⁴⁰¹ Польск.: «Smoleńsko nieszczęśliwe, niegodnoś ty tego, żeś się cną krwią oblało starosty ujskiego!». Biesiady Rozkoszne. K. D3r.

⁴⁰² Bibliografia Literatury Polskiej – Nowy Korbut. T. 2: Piśmiennictwo Staropolskie. Warszawa, 1964. T. 515–516.

⁴⁰³ Miaskowski K. Zbiór rytarów. Kraków, 1612.

⁴⁰⁴ Miaskowski K. *Kalliope polska na śmierć sławnej pamięci Pana Wojciecha Gajewskiego Ujskiego i Pileckiego Starosty Dworzanina K<rola> J<ego> M<ości>* // *Zbiór rytarów* / oprac. A. Nowicka-Jeżowa. Warszawa, 1995. S. 312–315.

⁴⁰⁵ Miaskowski K. *Epitafium temuż* // *Zbiór rytarów* / oprac. A. Nowicka-Jeżowa. Warszawa, 1995. S. 315.

⁴⁰⁶ Здесь и далее нумерация строк указана по: Miaskowski K. *Kalliope polska na śmierć sławnej pamięci Pana Wojciecha Gajewskiego*.

прервала жизнь Войцеха Гаевского, но она же его и обессмертила, так как, по мнению поэта, теперь о старосте вся Речь Посполитая поет погребальную песнь (ст. 31–38). Мясковский пытался вдохновить своих читателей и расположить их к предприятию Сигизмунда III, ради чего конструировал образ героя, снискавшего себе бессмертие на королевской службе: «...потому не умер Гаевский, а оттуда живой к молодежи сарматской взывает: Той же дорогой, как я, стяжайте добрую славу...» (ст. 39–41).

Отметим, что стихи К. Мясковского действительно сохранили для потомков имя Гаевского и позволили исследователям расширить его биографию. Поэт не ограничился смоленским сюжетом, но отметил и предшествующие заслуги старосты. В частности, благодаря стихам мы знаем о том, что Гаевский был участником похода 1601–1602 гг. Я. Замойского и участвовал в осаде Вольмара: «Свидетелем [моей отваги] был Вольмар, ибо среди первых при штурме видел [меня]...» (ст. 75–76).

С течением времени, В. Гаевский перестал быть героем только погребальных песен и эпитафий: его имя стало появляться в антимосковской литературе эпического толка. Среди всех рыцарей Речи Посполитой составитель поэмы *Chronologia wojny Moskiewskiej* Я. Краевский первым выделил жертву Войцеха Гаевского. Указанный стихотворный текст был составлен близким к королевскому окружению автором, поэтом идейно поэма шла в русле официальной версии войны, согласно которой войска короля Сигизмунда сражались с захватившим московский престол Василием Шуйским. Именно на совесть московского царя относилась смерть Гаевского, который у смоленских стен был убит «тиранской рукой»⁴⁰⁷. В остальном же текст вновь воспроизвел для широкого круга читателей обстоятельства осады Смоленска, в рамках которых смерть нашла старосту вечером 17 октября 1609 г. в окопах.

На примере краткого обзора фунеральной литературы, связанной со смертью В. Гаевского, мы продемонстрировали, как информация, будучи

⁴⁰⁷ Krajewski J. *Chronologia wojny Moskiewskiej przez Jana Krajewskiego pilnie opisana // Moskiewski Mars. Wiersze polskie czasu pierwszej dymitriady (1605–1612)*. Antologia / [oprac. A. Oszczyda]. Warszawa, 2016. S. 308.

кодифицированной в первом круге источников (согласно предложенной выше классификации), постепенно распространялась по Речи Посполитой, охватывая все новую читательскую аудиторию. Вначале о гибели Гаевского писали очевидцы событий, но по мере распространения новостей о судьбе старосты заговорили далекие от смоленских событий авторы, целью которых было привлечь внимание и выставить в благоприятном свете военный поход короля Сигизмунда. Также отметим, что в итоге тексты о смерти Гаевского вышли за пределы информационной кампании, развернутой вокруг успешного взятия Смоленска. Имя старосты встречается и в литературе заключительного этапа Смутного времени, когда современникам стало очевидно, что силы Речи Посполитой не смогут овладеть Москвой. В этом пласте источников уйско-пильский староста представлялся очередной «трагической жертвой» воинственного «московского народа», который, по убеждению польско-литовских авторов, никогда не устанет наносить вред своим соседям.

Что касается роли funerальной литературы в пропагандистской кампании Сигизмунда III, то тут необходимо сделать следующий вывод: королевская канцелярия умело использовала доступные ей ресурсы, чтобы многочисленными путями влиять на общественное мнение Речи Посполитой. Десятки рыцарей погибли во время осады Смоленска. Написанные в их честь погребальные речи, адресатами которых были как родственники погибших, так и широкие круги рядовой шляхты, предлагали множество мотивов для поддержки войны против России: звучали призывы к мести за погибших, описывались перспективы обрести королевскую милость или обессмертить свое имя подвигами на благо Речи Посполитой. Случай В. Гаевского показывает, что королевские агенты заходили даже дальше: встречающих тело старосты городских обывателей стыдили, что они не оказывают поддержку королю и его войскам, в то время как лучшие сыны короны гибнут за свободу и процветание Республики.

§2. Триумф в Вильне в контексте пропаганды успехов Сигизмунда III в войне против России

В честь взятия Смоленска 13 июня 1611 г. в скором времени в четырех крупнейших городах Речи Посполитой были устроены триумфальные шествия с участием монарха. Благодаря этим акциям жители Вильны, Варшавы, Кракова и Познани могли воочию убедиться в успешном течении военной кампании против России: мещанам довелось увидеть торжественное прибытие короля-триумфатора и его победоносных военачальников, взглянуть на богатую добычу и захваченных по итогам боевых действий русских пленников, послушать хвалебные речи ораторов и поучаствовать в разнообразных праздничных мероприятиях.

Коммеморативные акции в честь победы польско-литовского оружия проводились не только на землях Речи Посполитой. С наибольшим ликованием среди всех европейских соседей захват Смоленска был встречен в Риме, где во время чествования победы Сигизмунда III был дан праздничный салют⁴⁰⁸. Среди итальянцев распространялись прославляющие польского короля печатные материалы, в которых для иллюстрации противостояния Речи Посполитой и России использовались геральдические метафоры⁴⁰⁹. В частности, тиражировалась гравюра из сочинения В. Монтелупи, на которой был изображен польский коронованный орел, победно восседающий на груди поверженного орла московского⁴¹⁰.

Как мы отмечали в предшествующем параграфе нашего диссертационного исследования, изначально современникам о ходе войны с Россией можно было узнать только из узкого круга источников, составленных преимущественно в военном лагере под Смоленском. Ввиду того, что исход кампании не был ясен

⁴⁰⁸ Chrościcki J. A. *Sztuka i polityka: funkcje propagandowe sztuki w epoce Wazów 1587–1668*. Warszawa, 1983. S. 73.

⁴⁰⁹ Pfeiffer B. *Caelum et regnum: studia nad symboliką państwa i władcy w polskiej literaturze i sztuce XVI i XVII stulecia*. Zielona Góra, 2002. S. 244–245.

⁴¹⁰ Montelupi V. *Gratulationes in reditum Serenissimi et Potentissimi Sigismundi III. D. G. Poloniae et Sveciae Regis Magnique Lithuaniae Ducis etc. Victoris, de Moschovia triumphantis a Valerio Montelupi de Mari philosophiae studioso in collegio romano Societ. Jesu. Posnaniae, ex typographia Joannis Wolrabi, 1611. 4°. K. 51 nlb*. Изображение см. по: Buchwald-Pelcowa, P. *Emblematy w drukach polskich i Polski dotyczących XVI–XVIII wieku*. Bibliografia. Wrocław, 1981. S. 124, il. 37.

вплоть до 13 июня 1611 г., королевская канцелярия не спешила информировать обывателей Речи Посполитой о положении польско-литовских войск под стенами осажденного города. Определенные сомнения относительно успешности предприятия Сигизмунда III наблюдались даже в настроении королевского окружения. Например, нескрываемым пессимизмом было наполнено письмо великого подчашего литовского Я. Радзивилла к Л. Сапеге, написанное им в мае 1611 г. – всего за один месяц до успешного штурма города: «В дела московские кто трезвым рассудком вникнет, отбросив чувства, тот без труда поймет, что Пан Бог этому предприятию совсем не благоволит, чему и сам Смоленск доказательством служить может. Но мне до того нет дела, так как я для себя решил не ломать себе голову этой заботой Речи Посполитой, видя, что многие достойные в этом деле *in vanum* до сих пор *laboraverant* (перевод: трудятся впустую – И. П.), и будто бы воду решетом черпают»⁴¹¹.

Вопреки нарастающей деморализованности своих войск, Сигизмунд III сумел довести осаду Смоленска до конца и овладеть городом. Указанное событие дало мощный импульс к распространению новостной литературы: у регалистов появился сюжет, который одновременно можно было использовать и в качестве исчерпывающей апологии своевольных действий короля, и в виде, как тогда представлялось пропагандистами, неоспоримого свидетельства полного военного разгрома России.

Начало масштабной кампании по глорификации победы Сигизмунда III положил торжественный въезд короля 24 июля 1611 г. в Вильну. Выбор указанного центра политической и экономической жизни ВКЛ следует назвать удачным в качестве стартовой точки для прославляющих короля мероприятий ввиду его географической близости к театру боевых действий. Не менее важно учитывать и тот факт, что ко времени военной экспедиции Сигизмунда против России столица ВКЛ также занимала видное положение среди прочих городов Речи Посполитой с

---

⁴¹¹ Польск.: «W sprawy moskiewskie kto jeno bez afektu zdrowym okiem i rozsądkiem wejrzy, snadnie się tego domaca, że Pan Bóg tej imprezie zgoła nie błogosławi, czego i sam Smoleńsk dokumentem być może, ale mnie do tego nic, którym sobie rezolwował nie psuć sobie głowy sprawami Rzplitej, wodząc że wszyscy cnotliwi w tej materie in vanum dotąd laboraverant, a prawie rzeszotem wodę czerpać». Цит. по: Byliński J. Sejm z 1611 roku: w nowum opracowaniu. Wrocław, 2016. S. 21.

точки зрения распространения печатного дела. Согласно мнению исследователей-книговедов, активное развитие типографского искусства в Вильне наблюдалось с 70-х гг. XVI века⁴¹². Работы А. Кавецкой-Гричевой демонстрируют, что в период с 1574 по 1612 г. в столице ВКЛ работали 12 крупных издательств⁴¹³. Наличие развитого печатного производства в городе существенно облегчило процесс массового «открытия» жителями Речи Посполитой военно-политических успехов Сигизмунда III, так как ряд лояльных центральной власти виленских печатников⁴¹⁴ к исходу лета 1611 г. сумел быстро наладить выпуск прославляющих военные успехи короля изданий⁴¹⁵.

Обстоятельства триумфального въезда Сигизмунда III в Вильну 24 июля 1611 г. были с разной степенью подробности воспроизведены в многочисленных текстах панегирического характера, составленных как очевидцами событий, так и более поздними компиляторами. На наш взгляд, наиболее полное описание королевского триумфа обнаруживается в латинской реляции *Triumphus et ingressus regis Vilnam die 24 Iulii 1611 anno*⁴¹⁶. Сопровождавшие въезд короля в столицу ВКЛ публичные акции играли важную роль в кампании по привлечению общественного внимания к военно-политическим успехам Сигизмунда III, поэтому мы считаем необходимым остановить свое внимание на сведениях, содержащихся в упомянутом выше источнике.

⁴¹² Niedźwiedz J. Kultura literacka Wilna (1323–1655). Retoryczna organizacja miasta. Kraków, 2012. S. 195.

⁴¹³ Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku. Z. 5 : Wielkie Księstwo Litewski / Oprac. Alodia Kawecka-Gryczowa. Wrocław–Kraków, 1959. См. разделы о деятельности печатни Мамоницей (ок. 1574–1624), Николая Кшиштофа Радзивилла «Сиротки» (1576–1586); типографов Яна и Йозефа Карцан (1580–1620); Даниила из Ленчицы (1582–1600); Василия Гарабурды (1582); иезуитской Академической типографии (Drukarnia Akademicka, 1586–1805); кальвинистской «Drukarni zbogowej» (1592); печатни Якуба Марковича (1592–1607); православной Типографии Братства Святого Духа (1595–1610 в Вильне, после 1611 – в Евье); типографии Соломона и Ульрика Сульцеров (1596–1603); Мельхиора Петкевича (1598); Петра Бластуса Кмиты (1611–1612).

⁴¹⁴ Подробнее о печатниках на королевской службе см.: Прохоренков И. А. Военная и политическая печатная пропаганда Речи Посполитой в конце XVI – начале XVII века: Печатники на королевской службе // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2021. № 2. С. 53–63.

⁴¹⁵ Bartoszewski W. Pienia wesołe dziątek, na przyjazd do Wilna króla JMści, Senatu y Rycerstwa tudzież mowa po rekuperowaniu Smoleńska JW. J. MC. P. Chrystophowi Montwidowi Dorohostayskiemu marszałkowi W. X. Lit. Wilno, 1611; Borastus G. Panegyricus Sigismundo III. Poloniae et Sveciae Regi etc. etc. invictissimo a Gregorio Laurentio Borasto Gotto dicatus. Wilno, 1611; In triumpho serenissimi ac potentissimi principis Sigismundi III. Poloniae et Sveciae Regis etc. etc. è Moscovia post insignes gloriose partas victorias feliciter redeuntis. Oratio Caesaris Baroffii Mediolanensis J. V. D. protonotarii ap. et illustrissimi ac reverendissimi Domini D. Comitis Francisci Simonetae, episcopi Fulginatensis, nuncii in Regno Polon. apostolici, a secretis. Wilno, 1612; Loaechius A. Na szczęśliwe y pożądane zwrocenie się JKМści Zygmunta III do Wilna po rekuperowaniu Smoleńska. Wilno, 1611; Ozimiński B. Szturm pocieszny Smoleńska, który był odprawowany szczęśliwie w roku terażniejszym 1611 dnia 13 Czerwca, opisany przez Baltazara Ozimińskiego. Wilno, [1611].

⁴¹⁶ *Triumphus et ingressus regis Vilnam die 24 Iulii 1611 anno*. Rkps. Czart., sygn. 1577 IV.

В ночь с 23 на 24 июля 1611 г. король Сигизмунд готовился к торжественному въезду в Вильну, расположившись на ночевку в трех милях от города. На рассвете встречать короля отправилась его супруга Констанция Австрийская во главе шествия, состоявшего из 400 наиболее видных виленских шляхтичей, магистратов, купцов и мещан. Вышедший с места ночевки по направлению к Вильне кортеж Сигизмунда III встретился с процессией королевы Констанции в заранее подготовленном месте, где в роскошных персидских шатрах королевская семья отстояла благодарственную мессу. После богослужения две процессии слились в одну и уже к полудню достигли Вильны.

В своей посвященной культурной жизни Вильны работе исследователь Я. Недзведзь с опорой на современные событиям источники пишет о том, какое впечатление королевский парад производил на современников⁴¹⁷. Растянувшееся по виленским предместьям шествие из-за своей длины напоминало свидетелям гигантского змея, вползающего в ворота города⁴¹⁸. Торжественный въезд в триумфальные арки, пышный парад, демонстрация добычи и пленных – весь комплекс праздничных мероприятий проводился на манер античных военных триумфов. Особо в торжественной процессии выделялся сам король. Въезжавший в Вильну верхом на коне Сигизмунд III был одет в богато украшенные пурпурные одежды и подпоясан красной перевязью, чем, по мнению очевидцев, уподоблялся античным цезарям⁴¹⁹.

При въезде в город короля горячо приветствовали заранее подготовленными поздравительными речами сановники. Ввиду насыщенности дня праздничными мероприятиями, большинство ораторов благодарило короля за победу емко и кратко, как, например, папский нунций Ф. Симонетта. Тем не менее, без пышных и витиеватых поздравлений встреча короля тоже не обошлась: по свидетельству анонимного автора, епископ Б. Война читал свою речь почти целый час⁴²⁰.

⁴¹⁷ Niedźwiedz J. *Kultura literacka Wilna (1323–1655). Retoryczna organizacja miasta*. Kraków, 2012. S. 355–364.

⁴¹⁸ Ibid. S. 356.

⁴¹⁹ Ibid. S. 356.

⁴²⁰ *Triumphus et ingressus regis Vilnam die 24 Iulii 1611 anno, rkps Czart., sygn. 1577 IV. K. 182r.*

Покончив с этой частью приветственных мероприятий, торжественная процессия во главе с королем вошла в Остру браму. Современников удивило сложное изделие, изготовленное и установленное на городских воротах виленскими ремесленниками по случаю королевского триумфа: над въездом в город восседал механический орел, способный махать крыльями и крутить шеей, а кроме того, по утверждению автора репортажа, из его клюва звучали поздравления королю⁴²¹.

Со стороны города при Острой браме был собран *theatrum* – сцена, с которой зачитывались панегирики в честь победы Сигизмунда, пока рядом с ней проходила процессия. Подобным образом, когда король проезжал мимо расположенных рядом с городскими воротами православной церкви Святого Духа и униатского храма Святой Троицы, его также ждали поздравления от лица духовенства⁴²². Действо было организовано таким образом, что казалось, будто все конфессии ликуют по поводу деяний Сигизмунда III: иезуиты пели в честь короля латинские гимны, а студенты братской православной школы приветствовали триумфатора стихами и песнями на греческом языке.

В самом городе королю довелось последовательно пройти через три триумфальные арки. Первая арка была установлена за счет городского магистрата рядом с Рынком. Вторую возвели по заказу иезуитов на Замковой улице у дворца Радзивиллов. Последняя арка, поставленная усилиями королевского окружения, располагалась у Дольного замка. Когда Сигизмунд достиг ее, триумфатора музыкой встретила королевская капелла. Торжества длились весь день, и в замок король смог въехать только когда уже стемнело. Однако даже после этого в городе не утихали трубы и литавры, а в самом замке палили из пушек в честь победы польско-литовского оружия над давним противником Речи Посполитой.

⁴²¹ Triumphus et ingressus regis Vilnam die 24 Iulii 1611 anno, rkps Czart., sygn. 1577 IV. K. 182v. Подобный механизм использовался во время торжественного въезда королевских особ в Краков и сохранился до наших дней. Подробнее см.: Targosz, K. Oprawa artystyczno-ideowa wjazdów weselnych trzech sióstr Habsburżanek (Kraków 1592 i 1605, Florencja 1608) // *Theatrum ceremoniale na dworze książąt i królów polskich. Materiały konferencji naukowej zorganizowanej przez Zamek Królewski na Wawelu i Instytut Historii Uniwersytetu Jagiellońskiego w dniach 23–25 marca 1998*, red. M. Markiewicz, R. Skowron. Kraków, 1999. S. 211.

⁴²² Triumphus et ingressus regis Vilnam die 24 Iulii 1611 anno, rkps Czart., sygn. 1577 IV. K. 182v.

Праздничные мероприятия в честь королевского триумфа не ограничились одним днем и продолжились 25 июля. На этом этапе во время церковных служб звучали благодарственные молитвы Господу за счастливое возвращение монарха, а параллельно с ними в городе обыватели могли послушать хвалебные речи известных публицистов. С точки зрения пропаганды внешнеполитических успехов короля, наиболее ярким явлением в этот день стало выступление прославленного полемиста П. Скарги. Произнесенная во время чествования короля в Вильне речь Скарги является выдающимся памятником иезуитского искусства красноречия⁴²³. Подготовленный оратором текст речи позже был издан в Кракове⁴²⁴, благодаря чему вскоре сказание разошлось по удаленным от Вильны воеводствам Речи Посполитой.

Торжественная речь П. Скарги была выстроена согласно единой нарративной стратегии: в целях создания похвалы и апологии действий Сигизмунда III полемист перед своими слушателями конструировал образ короля-крестоносца и воителя-христианина, который на равных с рядовыми солдатами переносил военные тяготы и личным примером побуждал окружающих к подвигам⁴²⁵. Отличительные черты речи *Na Moskiewskie zwycięstwo kazanie* заключаются в том, что автор не пытался замолчать «проблемность» военного предприятия короля, но, даже наоборот, выдвигал сведения о перенесенных королевским войском трудностях на передний план. В литературно-пропагандистском контексте такой подход имел свои явные преимущества – чем более безнадежно вначале выглядела военная кампания Сигизмунда III, тем более драматичный эффект на слушателей производили известия о ее счастливом исходе, и, что самое главное, совершенно очевидным становилось благоволение Господа к инициативе короля.

О Божьей воле как основном двигателе всей войны Скарга говорит уже в вводной части своей речи: «Прежде всего, мы дивимся, как Королю Его Милости дал знать Господь Бог, что настало время для возвращения того, что враг от

⁴²³ Wojciechowski K. Piotr Skarga. Lwów, 1912. S. 25–44.

⁴²⁴ Skarga P. Na Moskiewskie zwycięstwo Kazanie y Dzięki Panu Bogu. Czynione w Wilnie 25. Iulii, w dzień S. Iákubá, 1611. ná przyiazd szczęśliwy Krolá I. M. Przez X. Piotra Skarge Societatis Iesv. Kraków, 1611.

⁴²⁵ Ibid. K. A2v.

Великого Княжества Литовского и Короны оторвал... И не отвели его от той войны ни малое число солдат, ни поспешная подготовка похода на такое мощное и обширное государство [Московское], ни бедность и недостаток в деньгах, **ни своеволие и распущенность некоторых солдат** (выделено мной – И. П.), ни прочие великие неприятности, которые и наимудрейшему помешать бы могли»⁴²⁶. Выделенный фрагмент текста, который можно интерпретировать как отсылку к деморализованности королевских войск в лагере под Смоленском, а также как свидетельство существования оппозиционных настроений по отношению к войне среди определенных слоев шляхты, подтверждает ранее выдвинутый нами тезис: П. Скарга не обходил стороной и умело вплетал в свое повествование даже неудобные сюжеты, которые прочие пропагандисты стремились замолчать.

Все вышеперечисленное Скаргой представлялось слушателям ничтожным на пути у Провидения. Доказательство этому, по мнению иезуита, находилось прямо перед виленскими мещанами: Сигизмунд III вернулся невредимым с войны, а за его усердие Бог передал в королевские руки самих Шуйских. «Ныне пленник тот, кто всей Московии раньше государем был»⁴²⁷ – торжественно заключал полемист.

В тексте *Na Moskiewskie zwycięstwo kazania* неустанная забота о благе Речи Посполитой называлась в качества главного достоинства Сигизмунда III. Скарга настаивал: король не самовольно в своих интересах начал войну, как это представлялось его противниками, но попросту исполнял данную во время коронации присягу, которая обязывала его охранять рубежи государства и беречь наследство своих предшественников на престоле⁴²⁸. Выступая против Москвы ради восстановления территориальной целостности Речи Посполитой, король, по

⁴²⁶ Польск.: «Naprzod się wielce dziwuiem, iako Krolowi J. M. Dał znać P. Bog, iż był czas na odebranie tego co wziął nieprzyjaciel od W. X. Lit. y Korony... Y nie odradziła mu tey woyny mała liczba żołnierzow, przedka wyprawa na tak mocne y wielkie Państwo, bezpieźność y niedostatek skarbow, swowolność y niekarność niektorych żołnierzow, y ine wielkie przeszkody, ktorze namędrszego odrazić mogły...». Skarga P. Na Moskiewskie zwycięstwo Kazanie y Dzięki Panv Bogv. K. A2v.

⁴²⁷ Ibid. K. A3r.

⁴²⁸ Описание коронационного церемониала, в который входила королевская присяга, подробно приводится в тексте хроники Александра Гваньини. Подробнее см.: Gwagnini A. Kronika Sarmacyjej Europejskiej. Kraków, 1611. Ks. 1. S. 229–238.

мнению П. Скарги, действовал полностью в рамках законов государства⁴²⁹: «Военный поход тот правильно и справедливо был устроен ради возвращения отнятого княжества Северского и главного замка его Смоленска... И всем то известно, что сто лет назад из рук короля Сигизмунда Первого от послушания королям польским Северская земля и Смоленск отпали. Так было, что **и справедливость, и присяга**, и любовь к отчизне требовали, чтобы то, что подло было украдено, справедливо теперь возвращено. **И оттого король наш на сам Смоленск пошел, а на Московские богатства и земли не покушался, которые они теперь сами отдают** (выделено мной – И. П.)»⁴³⁰.

Подытоживая все вышеперечисленное, магистральная мысль, которую хотел донести до своих слушателей П. Скарга, выглядит следующим образом. Успешная осада Смоленска – это, прежде всего, личный духовный подвиг короля. Сигизмунд III два года провел под стенами вражеской крепости, оставив позади роскошь своих владений и даже собственную семью. Вместо этого король ежедневно выносил всю тяжесть военных условий, чем вдохновлял окружающих: в несчастьях не унывал, потери товарищей и материальные убытки терпел, стоял твердо ради интересов Речи Посполитой и уповал на Бога, который, видя твердость и благочестивость короля, даровал ему не только эту удивительную победу, но ещё и саму Москву⁴³¹.

Завершить наш разбор речи П. Скарги мы считаем необходимым фрагментом, посыл которого воспроизводился в множестве сочинений регалистов, отстаивающих «справедливость» и необходимость войны против России: «Война сама по себе является злом и вред людям приносит; а мира золотого, в котором хозяйства людские крепнут и растут, мы все жаждем. Для самого мира войны

⁴²⁹ Представления Петра Скарги о «справедливой войне» см.: Homa T. Rzeczpospolita. Wybrane zagadnienia myśli obywatelskiej Piotra Skargi SI. Kraków, 2020. S. 141–159.

⁴³⁰ Польск.: «Woienna ta wyprawa słusznie y sprawedliwie podniesiona iest o przywrocenie wydartego Xięstwa Siewierskiego y głównego zamku iego Smoleńska... y iawna rzecz iest, iż przed stem lat tyło, z ręką Króla Zygmunta pierwszego od posłuszeństwa Królów Polskich Siewierska ziemia z Smoleńskiem odpadła. Godziło się, y dobrego Pana czuyność y przysięga, y miłość ku oyczyźnie to wyciągała: aby to co zle wydarto, sprawedliwie przywroczone było. Y dla tego Pan nasz samego Smoleńska pilnował, na Moskiewskie się dobra y krainy nieskwapiając, ktore oni sami przez się oddało» Skarga P. Na Moskiewskie zwycięstwo Kazanie y Dzięki Panv Bogv. K. A3v.

⁴³¹ Ibid. K. A4r.

вестись могут, и тем их пагубность смягчается, как горечь лекарства, которое для здоровье полезно»⁴³².

Далеко не все прославляющие деяния короля тексты, создание которых было связано с триумфом в Вильне, могли по уровню исполнения и глубине концептуального наполнения сравниться с речью П. Скарги. Многие публицисты и тиражировавшие их тексты виленские типографы работали в тяжелых трудовых условиях, что сказывалось на качестве изданий. Им было необходимо подготовить панегирические издания в самые сжатые сроки, пока новости не лишились своей сенсационной составляющей, благоприятно работавшей на имидж короля в преддверии работы сейма в Варшаве. Косвенные свидетельства об условиях, в которых протекала указанная работа, дает анализ панегирика иезуита В. Бартошевского *Pienia wesole dziatek na przyjazd do Wilna króla*⁴³³. Открывался текст произведения нетипичным для панегирического жанра по содержанию обращением к читателю:

«И поляки, и литовцы говаривают:

„Дареному коню в зубы не смотрят”.

Хоть [он] хромой, хоть слепой, хоть с трудом [грузы] носит,

Его дали даром, ничего за то не попросив.

Читатель, стихи тебе те ничего не стоили,

Голову себе не ломай, помни о бесплатности.

Прошу тебя, не критикуй, не говори: „это не к месту”,

„это могло быть [написано] иначе”, „это слишком легкомысленно”;

И я бы твои [строки] – поверь мне – [тоже] легко мог осудить,

Когда бы стихи свои дал, сразу бы нашел [в них] ошибки.

⁴³² Польск.: «Woyny same z siebie złe są, y szkody wielkie ludziom przynoszą: a pokoju złotego wszyscy pragniem, w którym dobra ludzkie rosną, szerzą się i trwają. Dla samego pokoju woyny się podnosić mogą, y tym złość ich słodzi się iako gorzkość w lekarstwach, która do zdrowia służy» Skarga P. Na Moskiewskie zwycięstwo Kazanie y Dzięki Panv Bogv. K. B2r.

⁴³³ Bartoszewski W. Pienia wesole dziatek, na przyjazd do Wilna króla JMści, Senatu y Rycerstwa tudzież mowa po rekuperowaniu Smoleńska JW. J. MC. P. Chrystophowi Montwidowi Dorohostayskiemu marszałkowi W. X. Lit. Wilno, 1611. Здесь и далее номера цитируемых строк даны по переизданию сочинения: Moskiewski Mars. Wiersze polskie czasu pierwszej dymitriady (1605–1612). Antologia / [oprac. A. Oszcęda]. Warszawa, 2016. S. 374–386.

Милый брат, держи с благодарностью то, что так легко приходит,
А кто теперь талантом [таким] обладает, [чтобы] многим угодить?»⁴³⁴.

Бартошевского к моменту создания процитированного источника нельзя назвать новичком на литературном поприще: его канты и духовные песни были заметным явлением в культурной жизни Вильны первой четверти XVII века⁴³⁵. Тем не менее, с первых же строк автор признает низкое качество собственного литературного материала, сравнивая написанные им строки с «хромым» и «слепым конем». Подбор использованных метафор, настоятельная просьба не судить строго предложенные стихи и шутливая угроза Бартошевского, что он бы тоже с легкостью разгромил любые написанные предполагаемым читателем строки, совокупно выходят за пределы принятых в изучаемую эпоху самоуничижительных практик. Объяснено наличие этого фрагмента в тексте может быть явной нехваткой времени, не позволившей подготовить автору качественный текст к приезду короля, ввиду чего Бартошевский решил сатирически обыграть это обстоятельство во введении к основному тексту.

Помимо самоличного признания, о низком качестве материала свидетельствуют и сами стихи: уже в приведенном нами выше обращении к читателю в 7 и 8 строках для концевой рифмы использовано одно и то же слово („To nic k rzeczy” в конце 7 строки и „To są lekkie rzeczy” в 8). Отметим, что такого рода примитивизм был чужд даже памятникам низкопробной злободневной поэзии, написанным по мотивам куда менее значительных событий.

После выхода сборника *Pienia wesole* уже 4 августа 1611 г. В. Бартошевский в печатне Я. Карцана выпускает свою следующую брошюру, представляющую

⁴³⁴ Польск.: «Pospolicie Polacy i Litwa mawiają: / „Darownemu koniowi w zęby nie patrząją”. / Choć chromy, chociaż ślepy, chociaż ciężko nosi, / Byle go darmo dano, nie jeden oń prosi. / Czytelniku, wiersze te ciebie nie kosztują, / Głowyś sobie nie łamał, darmoć przystępują; / Proszę cię, nie taksujże, nie mów „To nic k rzeczy”, / „To mogło być inaczej”, „To są lekkie rzeczy”; / I ja bych twoje – wierz mi – łatwo mógł osądzić, / Kiedybyś wiersze swe dał, zdałby się wnet błdzić. / Bracie miły, bierz z łaską, coć snadnie przychodzi, / A kto teraz rozumem tak wielom dogodzi?». Bartoszewski W. *Pienia wesole* dzieł. S. 375. Do czytelnika. W. 1–12.

⁴³⁵ Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy, 1564-1995. / Oprac. L. Grzebień przy współpracy zespołu jezuitów. Kraków, 1996. S. 248.

собой собрание фунеральной поэзии на смерть князя Н. Крошинского⁴³⁶. Указанное обстоятельство говорит в пользу того, что именно обилие задач, на выполнение которых были направлены творческие силы Бартошевского, не позволило автору качественно выполнить свою работу.

Второсортным стихам Бартошевского сопутствовал низкокачественный типографский набор издания. Наличие некоторых опечаток принципиального характера в брошюре, посвященной первостепенной для Речи Посполитой военной победе, не может не вызывать недоумение у читателей. В частности, скандально выглядело заглавие одного из стихов сборника Бартошевского: *Panu Boreckiemu w szturmie postrzelonemu, nazajutrz zmarłemu rotmistrzowi K.J.M*⁴³⁷. Указанный в заглавии «пан Борецкий» на самом деле являлся С. Горецким – погибшим во время генерального штурма Смоленска 13 июня 1611 королевским ротмистром. Если упомянутый в предыдущем параграфе нашего диссертационного исследования В. Гаевский стал первой заметной жертвой во время осады города, то С. Горецкий в посвященной смоленскому анабазису литературе представлялся уже последним героем, отдавшим свою жизнь королевскому военному предприятию. Память о Горецком была увековечена такими крупными поэтами, как Б. Ожиминский⁴³⁸ (чье произведение также вышло из виленской типографии Я. Карцана), С. Витковский⁴³⁹ и Я. Краевский⁴⁴⁰. В прозе о памятной гибели ротмистра, совсем немного не дожившим до победы, высказался С. Жолкевский⁴⁴¹. В рассматриваемом же нами случае тираж произведения В. Бартошевского *Pienia wesole* распространялся с опечаткой в фамилии героя, которому был посвящен отдельный сюжет, что свидетельствует о технической небрежности работы.

⁴³⁶ Bartoszewski W. Trzy columny od trzech cnot na pogrzeb godney pamięci kniazia Mikołaja Kroszyńskiego, dzielnego y zanie urodzonego rycerza, w Moskwie pod Smoleńskiem zmarłego. Przez Walentego Bartoszewskiego na wieczną pamiątkę wystawione. Probos mores, sua praemia non relinquunt. Wilno, 1611.

⁴³⁷ Bartoszewski W. Pienia wesole dziełek. S. 384.

⁴³⁸ Ozimiński B. Szturm pocieszny smoleński, który był odprawowany szczęśliwie w roku terażniejszym 1611, 13 dnia czerwca. Wilno, Jan Karcan, 1611. W. 143–146.

⁴³⁹ Witkowski S. Safo słowieńska na grzmotną sławę z zwycięstwa smoleńskiego. Kraków, 1611. W. 653–660.

⁴⁴⁰ Krajewski J. Chronologia wojny Moskiewskiej przez Jana Krajewskiego pilnie opisana. 1615. Cic. Is est verus triumphus cum bene meritis de Repub. testimonium a consensu civitatis datur. Honor enim est praemium virtutis studio judicioque alicujus ad aliquem delatum etc. Szablą słynąc, piękna rzecz, kto na sławę robi: Pismem się cnota każda winosi y zdo. Kraków, Bazyli Skalski drukował, [1615]. W. 984–985.

⁴⁴¹ Żółkiewski S. Początek i progres wojny moskiewskiej / Wstęp i komentarz Wacława Sobieskiego. Kraków, 1920. S. 123.

Все указанные огрехи автор призывал своих читателей «не критиковать», напоминая, что стихи им «ничего не стоили». Мы не обладаем документально подтвержденными данными, которые позволили бы с уверенностью считать, что изданные в Вильне по случаю победы короля тексты действительно распространялись бесплатно среди жителей города. Тем не менее, приведенное выше обращение Бартошевского к читателям также невозможно игнорировать, и нами оно будет интерпретироваться в пользу существования практики свободной раздачи прославляющих деяния Сигизмунда III текстов в контексте проведения королевского триумфа в Вильне.

§3. Основные дискурсы антироссийской литературной пропаганды в Речи Посполитой после взятия Смоленска 13 июня 1611 г.

Спешно растиражированная на территории Речи Посполитой после окончания осады Смоленска литература, прославляющая успехи короля Сигизмунда в войне против России, жанрово и стилистически была крайне разнородна⁴⁴². Применение текстологического анализа к этому пласту источников способствует выявлению генетических связей между памятниками, а также демонстрирует динамику их распространения в изучаемый нами период. Тем не менее, ввиду упомянутой неоднородности материала, одна лишь текстология не позволяет генерализировать рассматриваемые тексты и исчерпывающе объяснить их функциональное значение в антироссийской пропагандистской кампании. Преодолеть это препятствие и охарактеризовать источники релевантно поставленным задачам становится возможным благодаря применению к ним дискурс-анализа, чему посвящен данный параграф нашего исследования.

При изучении изданных после захвата Смоленска текстов, в которых авторами выражалась поддержка и одобрение военных действий Сигизмунда III против России, нами были выделены 5 магистральных смыслообразующих дискурсов, содержащихся в большинстве изученных памятников. Два из них – **дискурс преемственности** между правителями Речи Посполитой и **дискурс антикизации** излагаемых сюжетов – хоть и были привычны для польской панегирической традиции⁴⁴³, однако сразу после возвращения короля с театра боевых действий в июле 1611 г. получили значительный импульс к дальнейшему развитию.

Торжественные мероприятия, проведенные в Вильне в честь взятия Смоленска, не были чем-то принципиально новым как в контексте истории столицы ВКЛ в частности, так и в рамках коммеморативной культуры Речи

---

⁴⁴² Kuran M. Relacje o zdobyciu Smoleńska w 1611 roku – konwencje literackie i funkcje komunikacyjne // Senoji Lietuvos literatūra. 2011. Knyga 32. S. 58–59.

⁴⁴³ Подробнее см.: Kowalczyk J. Triumf i sława wojenna „all’antica” w Polsce XVI w. / Renesans. Sztuka i ideologia, red. Tadeusz Jaroszewski. Warszawa, 1976. S. 293–349.

Посполитой в целом⁴⁴⁴. Ранее, в марте 1579 и феврале 1582 гг. виленские мещане приветствовали въезжавшего в Остру браму с триумфом Стефана Батория⁴⁴⁵. Проведение указанных праздничных акций было вызвано военными успехами короля против России на завершающем этапе Ливонской войны. Схожи были и обстоятельства торжественного въезда в Вильну Владислава IV 24 июня 1634 г. В этот день горожане встречали уже сына Сигизмунда III, победоносно вернувшегося после капитуляции русских войск по итогам Смоленской войны⁴⁴⁶. Наравне с Вильной, практика проведения военных триумфов существовала в других крупных городах Речи Посполитой и до похода 1609–1611 гг. короля Сигизмунда⁴⁴⁷. Коммеморативные акции в честь военно-политических успехов правителей имели окказиональный характер и устраивались со значительными хронологическими перерывами, однако литература пропагандистского характера была способна объединить их между собой ради продвижения идеи политического континуитета власти.

Празднества в честь взятия Смоленска в изданных по горячим следам публицистических и панегирических текстах логически соединялись с торжествами в честь успехов предшественников Сигизмунда III на престоле Речи Посполитой. Изучение письменных памятников демонстрирует, что в восприятии современников триумфы могли даже накладываться друг на друга. Например, горячий сторонник королевской власти⁴⁴⁸ М. Хофманский старался убедить своих читателей, что проведенные 24–25 июля 1611 г. в Вильне торжества живо напомнили зрителям о триумфах 1582–1583 гг. Стефана Батория⁴⁴⁹. Такого рода тенденциозность Хофманского может быть объяснена влиянием актуальной

⁴⁴⁴ Подробнее см.: Dziechcińska H. Zabawa jako komponent życia literackiego w dawnej Polsce / Z dziejów życia literackiego w Polsce XVI i XVII wieku. Praca zbiorowa pod red. H. Dziechcińskiej. Wrocław, 1980. S. 71–95; Europa Triumphans: Court and Civic Festivals in Early Modern Europe. [Edit] J. R. Mulryne, H. Watanabe-O'Kelly, M. Shewring, E. Goldring, S. Knight. T. 1–2. Aldershot-Burlington, 2004.

⁴⁴⁵ Poplatek J. Studia z dziejów jezuickiego teatru szkolnego w Polsce. Wrocław, 1957. S. 138–140.

⁴⁴⁶ Niedźwiedz J. Kultura literacka Wilna (1323–1655). Retoryczna organizacja miasta. Kraków, 2012. S. 358.

⁴⁴⁷ Oszczyda A. Tryumfy smoleńskie. Propagandowe treści wierszy triumfalnych z 1611 roku // Hołd carów Szujskich / pod red. J. A. Chrościckiego. Warszawa, 2012. S. 78–79.

⁴⁴⁸ Moskiewski Mars. Wiersze polskie czasu pierwszej dymitriady (1605–1612). Antologia / [oprac. A. Oszczyda]. Warszawa, 2016. S. 495.

⁴⁴⁹ Hoffmanski M. Wojna smoleńska, w której słuszne przyczyny Króla Jego Mości podniesienia wojny [...] przytem wyprawa, ciągnięcie, powód wzięcia i opanowania Moskwy [...] do tego i szturm Smoleńska szczęśliwy [...] także tryumfy Króla Jego Mości krótko opisane. Poznań, 1611. K. Hv.

политической повестки, которую старался учесть писатель-регалист. Утилитарная составляющая авторского замысла получила следующую оценку в историографии: «С помощью описания сцен триумфа Хофманский производит трансляцию политических идей и директив актуальной программы королевского лагеря. Атмосфера всеобщего праздника, царящая в крупнейших городах Речи Посполитой, должна была убедить адресатов, что решение о начале войны было верным, а грядущие выгоды и близость окончательного завершения войны должны были склонить шляхту к поддержке продолжения войны и к принятию новых поборов»⁴⁵⁰.

Идея существования некоей единой политики, которая реализовывалась на восточных рубежах Речи Посполитой последовательно сменяющимися выборными монархами, была понятна польско-литовским современникам событий Смутного времени как минимум в военном аспекте. В этом контексте любопытно свидетельство коменданта Витебских замков А. Гваньини. Будучи постоянным участником войн Речи Посполитой и России еще со времен Сигизмунда II Августа, Гваньини в своем объемном сочинении *Kronika Sarmacyjej Europejskiej*⁴⁵¹ охарактеризовал поход Сигизмунда III на Смоленск как логичное продолжение Ливонской войны. От осады Пскова Стефаном Баторием и до выступления на Смоленск короля Сигизмунда, между Речью Посполитой и Москвой пролегало шаткое перемирие, которое, по мнению автора, рано или поздно было бы нарушено⁴⁵². Именно в качестве непрекращающегося конфликта, хронологически существенно вышедшего за пределы жизни одного поколения, виделись отношения двух соседних государств А. Гваньини.

Сходная трактовка событий Смутного времени и военного вторжения Речи Посполитой в Россию встречается в растиражированном в 1611 г. панегирике *Tryumf niezwyciężonemu monarsze Zygmuntowi III*⁴⁵³. Анонимный автор подчеркивал

⁴⁵⁰ Oszczyda A. Tryumfy smoleńskie. Propagandowe treści wierszy triumfalnych z 1611 roku // *Hołd carów Szujskich / pod red. J. A. Chrościckiego*. Warszawa, 2012. S. 80.

⁴⁵¹ Gwagnini A. *Kronika Sarmacyjej Europejskiej*. Kraków, 1611.

⁴⁵² Ibid. Ks. 7. S. 72–74.

⁴⁵³ *Tryumf niezwyciężonemu monarsze Zygmuntowi III, z łaski Bożej królowi polskiemu*. Kraków, 1611.

преемственность деяний Батория и Сигизмунда III посредством регулярно повторяющегося стихотворного рефрена «бил Стефан Московитов, [а] Сигизмунд III бил больше...» (ст. 72–73)⁴⁵⁴. Двустипшие воспроизводилось на протяжении всего произведения, изменялось в нем только возрастающее число побежденных королем противников: монарх последовательно разбивал «десять тысяч» (ст. 72–73), «сто тысяч» (ст. 116–117), и, наконец, «тысячу тысяч» (ст. 180–181) русских воинов.

По результатам смоленской кампании аноним изобразил Сигизмунда III в образе античного цезаря-триумфатора, ввиду чего призывал скорее наградить монарха всеми сопутствующими атрибутами победителя: «Колесницу, украшенную слоновьей костью сделаем, пушки, орудия, салюты приготовим, венец лавровый на славные виски [возложим], коней-пегасов [запряжем]» (ст. 102–105)⁴⁵⁵. Отметим, что если прочие авторы в 1611 г. для описания деяний Стефана Батория и Сигизмунда III пытались найти аналоги в греко-римской истории, то составитель панегирика *Tryumf niezwyciężonemu monarsze Zygmuntowi III* не ограничился этим и параллельно искал вдохновение в ветхозаветных событиях. В качестве прототипов для монархов Речи Посполитой были выбраны библейские цари, ввиду чего стихотворный рефрен изменился следующим образом: «Бил Саул тысячу, а Давид больше: десять тысяч» (ст. 80–81)⁴⁵⁶.

Концептуально тождество Стефана Батория и Сигизмунда III с царями Саулом и Давидом автор раскрыл следующим образом: как Господь побуждал к действию своих избранников в древности, так и сейчас он призвал к служению польско-литовских государей. Не было важно, где конкретно исполнялась предначертанная миссия: «Под могучим Псковом или Смоленскими крепкими стенами» (ст. 7–8)⁴⁵⁷ – все это протекало в рамках единого Промысла Божьего.

⁴⁵⁴ Польск.: «Bił Stefan Moskwę, Zygmunt Trzeci więc[ej]: Dziesięć tysięcy». Цит. по: Moskiewski Mars. Wiersze polskie czasu pierwszej dymitriady (1605–1612). Antologia / [oprac. A. Oszczyda]. Warszawa, 2016. S. 351.

⁴⁵⁵ Польск.: «I wóz z słoniowych kości ubuduje, / Armaty, strzelby, ogniów nagotuje, / Wieniec laurowy na udatne skronie, / Pegaskie konie». Цит. по: Tryumf niezwyciężonemu monarsze Zygmuntowi III // Moskiewski Mars. S. 353.

⁴⁵⁶ Польск.: «Bił Saul tysiąc, ale Dawid więc[ej]: Dziesięć tysięcy». Цит. по: Tryumf niezwyciężonemu monarsze Zygmuntowi III // Moskiewski Mars. S. 352.

⁴⁵⁷ Польск.: «Pod wielkim Pskowem albo Smoleńskimi Muru mocnemi». Цит. по: Tryumf niezwyciężonemu monarsze Zygmuntowi III // Moskiewski Mars. S. 349.

Король Сигизмунд преуспел и исполнил свою миссию, ввиду чего поэт призывал всю Речь Посполитую праздновать эту грандиозную победу. По мнению анонимного автора, если польско-литовские короли полностью уподобились библейским царям, то и почести им необходимо было оказывать такие же: «Так Евреи благонравны были, царей своих чтили. А Польша наша чем теперь наградит Короля, непобедимого господина, за нынешнюю победу...?» (ст. 84–88)⁴⁵⁸.

Представляя взаимоотношения между Речью Посполитой и Россией в образе постоянного противоборства, прославляющие победу Сигизмунда III в 1611 г. литераторы-регаллисты не могли не затрагивать тему военных конфликтов между двумя государствами, которые разыгрывались хронологически раньше королевской военной экспедиции на Смоленск в 1609 г. В этом контексте пропаганда вовсе не ограничивалась упоминанием только лишь ратных успехов прямого предшественника короля Сигизмунда на престоле Речи Посполитой – Стефана Батория. Поэтами и публицистами могли затрагиваться куда более давние хронологические пласты. Наиболее наглядно проиллюстрировать этот тезис способен текст панегирика *Tryumf radosny wszystkich obywatelów koronnych y wielk. księstwa litewskiego*⁴⁵⁹.

Автор указанного произведения краковский поэт Л. Хлебовский был известным приверженцем королевской власти в период рокоша Зебжидовского⁴⁶⁰. Своевольный поход короля на Смоленск не повлиял на политические взгляды поэта, который продолжил выступать в литературе апологетом действий Сигизмунда III. Описывая путь короля к объявлению войны России, Хлебовский вспоминает события практически столетней давности: «Девяносто и семь лет [минуло] как тиран жестокий направил против Польши свои могучие рога» (ст. 27–28)⁴⁶¹. Процитированным нами двустишьем автор отсылал читателей к завоеванию

⁴⁵⁸ Польск.: «To tak Żydowie obyczajni byli, / Króle swe czcili. / A Polska nasza co też odda swemu / Królowi, panu niezwycięzonemu, / Za to zwycięstwo...?». Цит. по: Tryumf niezwycięzonemu monarsze Zygmuntowi III / Moskiewski Mars. S. 352.

⁴⁵⁹ Chlebowski W. Tryumf radosny wszystkich obywatelów koronnych y wielk. księstwa litewskiego, z sławnego zwycięstwa Nayiaśnieyszego i niezwycięzonego monarchy Zygmunta III., który po wzięciu stolice Moskiewskiej y zamków przyległych, napotężniejszy Smoleńsk szczęśliwie opanował. Kraków, 1611.

⁴⁶⁰ Moskiewski Mars. Wiersze polskie czasu pierwszej dymitriady (1605–1612). Warszawa, 2016. S. 494.

⁴⁶¹ Польск.: «Dziewięćdziesiąt lat i siedm jako tyran srogi / Podniósł był przeciw Polsce swoje pyszne rogi...». Цит. по: Chlebowski W. Tryumf radosny wszystkich obywatelów koronnych // Moskiewski Mars. S. 358.

Смоленска великим князем московским и владимирским Василием III в 1514 г., с чего, по его мнению, и начался затянувшийся конфликт. Выбрав отправной точкой указанный год, поэт кратко привел основные исторические вехи, как объединенные силы поляков и литовцев сопротивлялись экспансии Москвы на запад (ст. 27–74). Содержательно история этого противостояния распадалась на три части.

Изначально Сигизмунд I Старый и Сигизмунд II Август могли только сдерживать наступление русских, иногда проводя успешные контратаки. Например, явным успехом называлась битва под Оршей 8 сентября 1514 г., после которой король Сигизмунд I «и отторгнутый Смоленск хотел силой вернуть, но (за грехи наши) не смог в том преуспеть» (ст. 41–42)⁴⁶². На втором этапе противостояния Стефан Баторий уже сумел окончательно остановить продвижение противников в Инфлянтах, после чего предпринял ответное военное наступление на Россию. Наконец, как представлял ситуацию перед читателями автор, на наступившем после 1609 г. завершающем этапе конфликта, Сигизмунд III сумеет вернуть Речи Посполитой все ранее занятые московитами земли, на которые поляки и литовцы претендовали, считая их своими.

Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что конструируя политическую преемственность между королями Речи Посполитой, поэты и публицисты в 1611 г. не забывали подчеркнуть связывающие поколения монархов родственные связи. По нашему мнению, подобный акцент в текстах должен был пробуждать симпатию у читателей к Сигизмунду III, а также культивировать в умах идею существования некой единой политики по отношению к России, будь то целенаправленная деятельность монархов из одного рода, или же правители просто действовали в русле Божественного Провидения.

Хлебовский посчитал необходимым с первых же строк своего панегирика напомнить читательской аудитории о родословной короля Сигизмунда III – Ягеллона по материнской линии: «Счастье, мужество и отвага Сигизмунда Третьего, короля многих народов, [отпрыск] племени Ягеллонов, который славой

⁴⁶² Польск.: «I wziętego Smoleńska chciał był mocą dostać, / Lecz (za grzechy naszymi) nie mógł temu sprostać». Цит. по: Chlebowski W. Tryumf radosny wszystkich obywatelów koronnych // Moskiewski Mars. S. 358.

наполнил эти обширные земли» (ст. 2–4)⁴⁶³. В тексте подчеркивалось, что воюя под Смоленском, король Сигизмунд завершал дела своих достойнейших предков. Также на вопросе происхождения главного героя триумфов 1611 г. заострил внимание и В. Бартошевский, называя Сигизмунда III законным преемником старых польских королей и по деяниям, и по крови: «О, трижды счастливый род Ягеллонов, из которого проистекает изобилие добродетели! Из этого сада Третий король Сигизмунд произошел, который род свой и Польшу так прославил» (ст. 31–34)⁴⁶⁴. Подобные ремарки встречаются у большинства прославляющих военную кампанию Сигизмунда III авторов, что позволяет охарактеризовать выявленный нами дискурс преемственности как многогранное явление: речь шла не только о политической, но и о генетической преемственности между правителями в контексте обороны восточных рубежей Речи Посполитой.

Как мы уже показывали выше, литераторы-регалисты старались подобрать героям актуальных для них военно-политических событий прототипы и художественные образы из сюжетов древней истории. Особой популярностью в польско-литовской литературе рубежа XVI–XVII вв. неизменно пользовалась античная тематика⁴⁶⁵.

Масштаб и патриотическое наполнение военных сюжетов из древнеримской истории привлекали панегиристов Речи Посполитой, так как художественно сложно было найти более достойную роль для восхваляемого правителя, чем образ непобедимого цезаря-триумфатора, разбивающего любых врагов своего государства⁴⁶⁶. В подобном облике, например, в злободневной литературе, выпущенной по горячим следам познаньского триумфа 1583 г., предстал перед

⁴⁶³ Польск.: «Szczęście, męstwo i dzielność Zygmunta Trzeciego, / Króla możnych narodów, Jagiełlowe plemię, / Który sławą nappełnił tę szeroką ziemię». Цит. по: Chlebowski W. Tryumf radosny wszystkich obywatelów koronnych // Moskiewski Mars. S. 357.

⁴⁶⁴ Польск.: «O szczęśliwe po trzykroć plemię Jagiełlowe, / Z którego wynikają cnót hordy gotowe! / Z tego ogródka trzeci król Zygmunt się zjawił, / Który ród swój i polską krainę tak wślawił». Цит. по: Bartoszewski W. Pienia wesołe dziełek, na przyjazd do Wilna króla Jmści // Moskiewski Mars. S. 376.

⁴⁶⁵ Dziechcińska H. Kultura literacka w Polsce XVI i XVII wieku. Zagadnienia wybrane. Warszawa, 1994. S. 10–13.

⁴⁶⁶ Balbuza K. Triumfator. Triumf i ideologia zwycięstwa w starożytnym Rzymie epoki cesarstwa. Poznań, 2005. S. 11–16.

читателями Стефан Баторий: король изображался в виде нового Сципиона, принесшего счастливый мир и новый золотой век для Речи Посполитой⁴⁶⁷.

В случае с Сигизмундом III и военной кампанией 1609–1611 гг., релевантный набор образов и архетипов был быстро найден: литературные апологеты смоленской экспедиции представляли перед читателями поход короля в виде новой Троянской войны. Первым указанную параллель в литературе, прославляющей деяния Сигизмунда III и пропагандирующей продолжение войны с Россией, провел писарь королевской канцелярии⁴⁶⁸ Б. Озиминский, чье произведение *Szturm pocieszny smoleński*⁴⁶⁹ было отпечатано сразу к виленскому триумфу в типографии королевского сервитора Я. Карцана⁴⁷⁰.

С точки зрения художественной ценности текст Озиминского был очень низко оценен исследователем польской поэзии Ю. Новак-Длужевским⁴⁷¹. Как и в случае с панегирическим творчеством В. Бартошевского, разобранным в предыдущем параграфе нашего диссертационного исследования, Озиминский писал в стесненных временных рамках, что напрямую повлияло на качество его литературного материала. Несмотря на подобные условия, поэт решил поставить дополнительное испытание перед своим талантом и предпочел воспеть деяния короля Сигизмунда в акростихах. Начальные буквы первых 8 строк панегирика образовывали слово «SMOLINSK»⁴⁷², за которым следовала растянувшаяся на весь текст зашифрованная похвала королю с перечислением всех его титулов, а также поздравление королевичу Владиславу⁴⁷³. Подобная стратегия построения текста

⁴⁶⁷ Oszczędą A. Tryumfy smoleńskie. Propagandowe treści wierszy triumfalnych z 1611 roku // *Hołd carów Szujskich* / pod red. J. A. Chrościckiego. Warszawa, 2012. S. 78.

⁴⁶⁸ Moskiewski Mars. Wiersze polskie czasu pierwszej dymitriady (1605–1612). S. 496.

⁴⁶⁹ Ozimiński B. Szturm pocieszny smoleński, który był odprawowany szczęśliwie w roku terażniejszym 1611, 13 dnia czerwca. Wilno, 1611.

⁴⁷⁰ Jarczykowa M. Szturm Smoleński (13 VI 1611) w siedemnastowiecznych drukach okolicznościowych // *Senoji Lietuvos literatūra*. 2011. Knyga 32. S. 81.

⁴⁷¹ Nowak-Dłużewski J. Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce. T. 4: Zygmunt III. Warszawa, 1971. S. 212.

⁴⁷² Польск.: «Szturm wesoly smoliński czerwca trzynastego / Miał król tysiąc sześćset roku jedenastego. / O Boże, któremu racz do końca tak swojej / Łaski świętej użyżać, jakby z ręki Twojej / Iuż wszystko otrzymać mógł, co przedsięwziął śmie! / Nażycz mu granic więcej i daj mu ich wiele, / Skąd imię Twoje święte zawsze chwalić będzie / Król z ludem swym – to z ust ich nigdy nie wynidzie!» Цит. по: Ozimiński B. Szturm pocieszny smoleński // Moskiewski Mars. S. 330.

⁴⁷³ Первые буквы всех строк произведения Бальтазара Озиминского собираются в следующий акростих: «ZYGMUNT TRECZI Z ŁASKI BOŻEJ KRÓL POLSKI, WIELKIE KSIĄŻĘ LITEWSKI, RUSKIE, PRUSKIE, MAZOWIECKIE, ŻMODZKIE, INFLANCKIE I SIEWIERSKIE A SZWEDZKI, GOCKI, WANDALSKI DZIEDZICZNY NIEZWYCIĘŻONY KRÓL WŁADYSŁAWOWI KRÓLEWICOWI POLSKIEMU TEGOŻ BŁOGOSŁAWIENSTWA OD BOGA OJCOWSKIE ŻYCZY».

очень сильно сузила возможность подбора слов для начала стихотворных строк, что вкупе с сжатыми временными рамками подготовки текста к публикации привело к низкому качеству панегирика.

Озиминский изобразил Смоленск в виде новой Трои с первых же строк своего произведения. Взятый королем неприступный город, по мнению автора, вызвал бы удивление даже у героев древности: «Эней бы восставший, если бы те стены увидел, сорок башен, без двух, и грохот от них бы услышал, как чуду небывалому должен был бы дивиться» (ст. 11–13)⁴⁷⁴. Событиям, топонимам и персоналиям, связанным с военной кампанией 1609–1611 гг., поэт последовательно находил аналоги из античного эпоса. Так как именно Сигизмунду III довелось стать покорителем русской «Трои», то и литературный прототип для него был подобран со схожими заслугами: король Речи Посполитой был назван Ахиллесом, что подчеркивало персональную доблесть короля в пылу сражений. Отметим, что так как сюжет изученных нами панегириков первоначально выстраивался вокруг Сигизмунда III и именно правителю Речи Посполитой уделялось самое пристальное внимание, то в разных аспектах король сравнивался и с прочими героями Троянской войны. Военные таланты Сигизмунда и его забота о своих воинах, например, акцентировались через его сравнение с царем Пилоса Нестором.

Введенную в панегирическую литературу Озиминским игру метафор поддержал Л. Хлебовский. Описывая штурм Смоленска королевскими войсками, поэт самоуничижительно сетовал, что ему не хватает таланта, чтобы во всем великолепии описать храбрость короля и его воинов. По его мнению, с подобной задачей не справились бы и гениальные поэты древности: «О, преславное рыцарство, нет у меня силы описать, какое там мужество [проявлялось] и [какие] битвы были – и сам бы Гомер с этим не справился ([который] про Трою написал так много)» (ст. 189–192)⁴⁷⁵.

⁴⁷⁴ Польск.: «Eneaszy by powstałszy, a te mury widział, / Czterdzieści baszt, beze dwu, i grzmot z onych słyssał, / Jak cudowi jakiemu musiałby się dziwić». Ozimiński B. Szturm pocieszny smoleński // Moskiewski Mars. S. 331.

⁴⁷⁵ Польск.: «O, przesławni rycerze, nie mojej to siły / Pisać jakie tam męstwo i potyczki były – / I sam by tu Homerus nie sprostał (co Troje / Pisał walki przeważne)». Цит. по: Chlebowski W. Tryumf radosny wszystkich obywatelów // Moskiewski Mars. S. 364.

Бартошевский значимость военной кампании Сигизмунда III против России ставил выше войн древности, и штурмующему «троянские стены» польско-литовскому рыцарству адресовал следующие строки: «Славны были у греков в бою мужи, подобные Гектору, а у римлян известны отвагой подобные [Марку Фурию] Камиллу...» (ст. 1–4)⁴⁷⁶. Теперь же, по мнению автора, когда в литературе необходимо будет подыскать метафору для выдающегося мужества, сравнение следовало проводить со штурмовавшими смоленские стены польско-литовскими солдатами короля Сигизмунда, которые отвагой своей превзошли всех античных героев.

Логичным продолжением дискурса политической и генетической преемственности монархов Речи Посполитой, изображенных в панегирической литературе 1611 г. в качестве античных героев, был **дискурс оборонительной/«справедливой» войны**. На распространенности указанной темы в антироссийской литературе Речи Посполитой мы уже останавливались ранее в тексте нашего диссертационного исследования. В предшествующем параграфе также нами была проанализирована виленская речь П. Скарги 25 июля 1611 г., в которой вопросу обоснования «справедливости» войны против России публицист уделил особое внимание. В растиражированной к проведению королевских триумфов в четырех крупнейших городах Речи Посполитой пропагандистской литературе обоснование необходимости войны с Москвой не могло не стать одной из главных тем.

Прославляющие успехи короля Сигизмунда в войне с Россией авторы в 1611 г. определяли суть «справедливой войны» как борьбу за отмщение обид и возвращение захваченных противником территорий. Литераторы преимущественно апеллировали к трем сюжетам актуального для них прошлого: к захвату Смоленска в 1514 г. Василием III, к противоборству Речи Посполитой и России в Ливонской войне 1558–1582/3 гг., и, наконец, к нападению на польско-

---

⁴⁷⁶ Польск.: «Sławni byli u Greków w boju Hektorowie, / A u Rzymian wiadomi w męstwie Kamillowie...». Цит. по: Bartoszewski W. Pienia wesołe dziełek // Moskiewski Mars. S. 383.

литовских гостей в Москве во время свадебных торжеств по случаю брачного союза Лжедмитрия I и Марины Мнишек в мае 1606 г.

По поводу возвращения в королевские руки Смоленска, отторгнутого почти столетие назад, ликовал Я. Краевский – лично участвовавший в битве при Клушине поэт и придворный Сигизмунда III, с 1607 г. регулярно составлявший литературные апологии различных королевских действий⁴⁷⁷: «Победителем господин наш стал, король неуязвимый, взял Смоленск, оторванный ранее от Короны!» (ст. 17–18)⁴⁷⁸. В маргиналии к 50 строке своего панегирика автор цитировал Демосфена, в очередной раз подчеркивая законность действий Сигизмунда III: «война справедливая есть та, которая начинается исходя из [следующих] принципов: для возвращения назад утраченных земель и в ответ на [чужое] нападение»⁴⁷⁹. В пространных исторических экскурсах, как в случае с процитированным ранее Л. Хлебовским, или же кратких ремарках, как в тексте В. Бартошевского («Что предки твои утратили, то [теперь ты] обрел, когда Смоленск несколько лет осаждал» (ст. 15–16)⁴⁸⁰) – тема возвращения королем своих земель была общим местом в пропагандистской литературе 1611 г.

Развивая вопрос справедливости текущей войны, публицисты отмечали, что королем освобождались не только территории, но и вывозились ранее захваченные москвитями польско-литовские ценности. Анонимный автор панегирика *Tryumf niezwyciężonemu monarsze Zygmuntowi III* так описал дележ захваченной в Смоленске добычи, вывезенной, по его мнению, ранее из Прибалтики во время Ливонской войны москвитями: «[Пошел] на славный Смоленск и раздавал из [захваченной] груды [добычи] Московские богатства, которых несколько сотен повозок было вывезено из Инфлянт [москвитями] тогда, когда они [те земли] разоряли. Бери, король, свое, бери жемчуга в золоте, раздай [добычу] пехоте». (ст.

⁴⁷⁷ Moskiewski Mars. Wiersze polskie czasu pierwszej dymitriady. S. 495.

⁴⁷⁸ Польск.: «Zwycięzcą pan nasz został, król niezwyciężony, / Wziął Smoleńsk oderwany przedtym od Korony!». Цит. по: Krajewski J. Tryumf poznański Ną radosną victoryą K. Je° M. po wzięciu Smoleńská. Poznań, 1611 // Moskiewski Mars. S. 367.

⁴⁷⁹ Лат.: «Bellum iustum est, quod fit de praecepto principiis, de rebus repetendis et de repelenda invidia». Цит. по: Krajewski J. Tryumf poznański // Moskiewski Mars. S. 368.

⁴⁸⁰ Польск.: «Co przodkowie stracili twoi, toś odiskał, / Kiedys Smoleńsk przez całą parę lat uciskał». Цит. по: Bartoszewski W. Pienia wesołe dziełek // Moskiewski Mars. S. 376.

124–129)⁴⁸¹. Также поэт не забыл в очередной раз подчеркнуть продвигаемую в польской пропаганде мысль, что именно Москва когда-то сама развязала эту войну, в то время как Речь Посполитая только оборонялась: «Уже трудно Москве плыть против течения, лучше ей было жить с королем в мире» (ст. 66–67)⁴⁸².

Вспоминая все более свежие обиды, нанесенные москвитями Речи Посполитой, пропагандисты неизменно апеллировали к событиям первой димитриады. Автор текста *Tryumf radosny wszystkich obywatelów* подытожил претензии к русским следующим образом: «Короля, господина нашего, послов унизили, одних славных шляхтичей в плену истязали, других едва живых отпустили. О, проклятый народ, неужели ты не знал того, что за это [все] придет час мести?» (ст. 72–76)⁴⁸³.

В числе апологетов войны против России в 1611 г. ярко выделялся С. Витковский – преданный королю поэт и публицист, прославившийся своим общественно-морализаторским творчеством⁴⁸⁴. Перу Витковского принадлежат два интересующих нас произведения: *Safo słowieńska na grzmotną sławę z zwycięstwa smoleńskiego*⁴⁸⁵ и *Wanda na szczęśliwe zwrócenie Je[go] Królewskiej Miłości z zwycięstwa moskiewskiego*⁴⁸⁶. Если литературный материал многих ранее отмеченных нами поэтов был охарактеризован как второсортный либо ввиду спешки при составлении поздравительных текстов, либо из-за отсутствия необходимых навыков и талантов у самих авторов, то творчество Витковского является исключением: его произведения получили высокую оценку в литературоведении и успешно выполняли не только утилитарную функцию в контексте антироссийской пропаганды, но и имели ярко выраженные литературные и эстетические достоинства.

⁴⁸¹ Польск.: «Na sławny Smoleńsk a rozdawał z kupy / Moskiewskie łupy, / Których paręset kolas przywieziono / Z Iflant, naonczas, gdy je plondrowano. / Bierz królu jak swe, bierz perły we złocie, / Rozdaj piechocie». Цит. по: Tryumf niezwyciężonemu monarsze Zygmuntowi III // Moskiewski Mars. S. 354.

⁴⁸² Польск.: «Już trudno Moskwie pływać przeciw wodzie, / Lepiej jej było mieszkać z królem w zgodzie». Цит. по: Tryumf niezwyciężonemu monarsze Zygmuntowi III // Moskiewski Mars. S. 351.

⁴⁸³ Польск.: «Króla, pana naszego, posłów znieważyli, / Jednych zacnych szlachciców w więzieniu dręczyli, / Drugich, ledwie ze zdrowiem, znędzonych, puścili. / O, przeklęty narodzie, czyś nie wiedział tego, / Byś za to pomsty nie miał wziąć czasu swojego?». Chlebowski W. Tryumf radosny wszystkich obywatelów // Moskiewski Mars. S. 360.

⁴⁸⁴ Moskiewski Mars. Wiersze polskie czasu pierwszej dymitriady. S. 497.

⁴⁸⁵ Witkowski S. Safo słowieńska na grzmotną sławę z zwycięstwa smoleńskiego. Kraków, 1611.

⁴⁸⁶ Witkowski S. Wanda na szczęśliwe zwrócenie Je[go] Królewskiej Miłości z zwycięstwa moskiewskiego. Kraków, 1611.

Описывая постигшие гостей свадьбы Лжедмитрия I и Марины Мнишек несчастья, Витковский восклицал: «Пригласив гостей, предательски убивали, готовили им смерть... Кровь вместо напитков, ножи вместо угощения – Боже наш правый!» (ст. 47–48, 51–52)⁴⁸⁷. Воздаяние за это бесчестие, по мнению автора процитированных строк, все же настигло москвитов в лице короля Сигизмунда, ввиду чего тексты Витковского служат наглядным примером бытования в польско-литовской литературной пропаганде, направленной против России, **дискурса тождественности захвата Смоленска полной победе над Россией**. В пропагандистской литературе, изданной после завершения военной кампании 1609–1611 гг., выявленный нами дискурс наблюдается в двух схожих вариациях: одними авторами культивировалась мысль, что захват Смоленска неминуемо приведет к полному подчинению России в самом ближайшем будущем, другие же констатировали, что военная кампания Сигизмунда III уже завершилась окончательным падением Москвы.

Первая вариация дискурса послужила идейной основой для панегирика Витковского *Safo słowieńska*. Автор выстроил текст согласно вдохновленной библейской историей метафорической концепции: успехи Речи Посполитой в войне против России разворачивались под грохот семи труб Иерихона, и когда звучала каждая последующая труба, москвиты терпели чувствительное поражение, а на их головы сыпались все новые несчастья. В тексте поэмы этапы углубляющегося конфликта Речи Посполитой и России разделялись повторяющимся стихотворным рефреном: «Упасть же, упасть же московской столице, трубите второй раз⁴⁸⁸, Божьи воины!» (ст. 85–86, 105–106, 361–362, 453–454, 545–546, 685–686)⁴⁸⁹.

Указанная концепция позволяла автору предпринять попытку историософского переосмысления длительного конфликта России и Речи

⁴⁸⁷ Польск.: «Gośćmi ich zowiąc, zdradziecko mordują, / Śmierć im gotują... Krew miasto trunków, noże za potrawy – / Boże nasz prawy!». Цит. по: Witkowski S. Safo słowieńska // Moskiewski Mars. S. 398.

⁴⁸⁸ В процитированном рефрене менялось только числительное, обозначающее последовательность прозвучавших труб.

⁴⁸⁹ Польск.: «Upaść już, upaść moskiewskiej stolicy, / Trąbcie wtóry raz, Pańscy bojownicy!». Цит. по: Witkowski S. Safo słowieńska // Moskiewski Mars. S. 400.

Посполитой через соотнесение каждой прозвучавшей трубы с каким-либо сюжетом из военно-политической истории двух государств (например, с битвой под Оршей в 1514 г., осадой Пскова Стефаном Баторием в 1581–1582 гг. и т.д.). Вопреки этой возможности, и, вероятно, из-за необходимости поскорее выпустить свой текст к всеобщему празднованию победы Сигизмунда III, Витковский не смог воплотить подобный замысел в жизнь. Первые пять прозвучавших труб в *Safo słowieńska* предвещали России только лишь абстрактные беды. Например, гром второй трубы символически ознаменовал, что «тиранство угасает, [истинная] вера наступает, Москву побеждает!» (ст. 103–104)⁴⁹⁰. Привязку к конкретным событиям получили только две последние трубы Иерихона.

Шестой трубой Иерихона в развитии конфликта Речи Посполитой и Москвы, по мнению Витковского, метафорически стал штурм Смоленска 3 июня 1611 г. Автор детально описал решающий приступ города и поименно перечислил заслуги героев с польско-литовской стороны (ст. 545–684)⁴⁹¹. Поэт подводил читателей к осознанию, что после подрыва крепостных стен Б. Новодворским была решена участь не только неприступного города («Грохот, как при уничтожении Содома, башня за башней падали, разрушались, точно как Троя, так и Смоленск обрушился, когда король на него напал» (ст. 613–617)⁴⁹²), но и всей России, так как сразу же после успешной осады прозвучала последняя труба.

Грохот седьмой трубы Иерихона по концепции С. Витковского – это актуальное настоящее для современников триумфов Сигизмунда III. Поэт констатировал, что труба звучит прямо сейчас и ознаменовывает окончательное падение Москвы, для чего необходимо предпринять завершающий шаг: «Поэтому праведный король вам предводительствует, ересь упорную московскую исправляет, спешите вслед за ним, храбрые рыцари, как настоящие сыны [Короны]». (ст. 705–708)⁴⁹³. Отметим, что Витковский, как и М. Хофманский,

⁴⁹⁰ Польск.: «Tyraństwo gaśnie, wiara następuje, / Moskwę wojuje!». Цит. по: Witkowski S. *Safo słowieńska* // Moskiewski Mars. S. 400.

⁴⁹¹ Moskiewski Mars. *Wiersze polskie czasu pierwszej*. S. 406–412.

⁴⁹² Польск.: «Grzmot właśnie jakby Sodomą gorkała, / Baszta zaś basztę, lecąc, rozbijała; / Jako więc Troja tak się Smoleńsk kurzył, / Gdy go król burzył». Цит. по: Witkowski S. *Safo słowieńska* // Moskiewski Mars. S. 408.

⁴⁹³ Польск.: «Oto pobożny król wam kredensuje, / Błędy niestworne moskiewskie wprawuje, / Spieszcie się za nim, rycerzu snotliwy, / Jak syn prawdziwy». Цит. по: Witkowski S. *Safo słowieńska* // Moskiewski Mars. S. 413.

призывал шляхту не к прямой военной помощи королю на завершающем этапе войны, но к поддержке Сигизмунда III на грядущем сейме. Принятие новых поборов помогло бы добить агонизирующую Москву, что, в свою очередь, должно было обернуться общим благом для Речи Посполитой и всех ее жителей.

Второй изданный к триумфу короля Сигизмунда в Кракове панегирик Витковского – *Wanda na szczęśliwe zwrócenie* – представлял читателям сложившуюся в войне с Россией ситуацию схожим образом. В качестве свидетельства неминуемого подчинения Москвы поэт демонстрировал уже достигнутые королем Сигизмундом военные успехи: «Белую и Рославль, Дорогобуж и Вязьму наши вырвали из рук Московита, Можайск, Борисов, Великие Луки взяли, Стародуб, Орел, Осипов отобрали. Новогрудок, Почап, также Кромы у наших в руках – сердечно тебя приветствуем, воинственный король! Смоленск – крепкие стены, видим разрушенными из-за стольких дыр» (ст. 205–212)⁴⁹⁴. Витковский особо отмечал, что не только важнейшие русские города и крепости, но уже и сам царь был в руках у польского короля: «Со столицы царя московского низложил, который многими войсками предков наших тревожил, покинул государство Шуйский вероломный, теперь он в руках польских скромный» (ст. 193–196)⁴⁹⁵.

Тексты, подобные процитированным панегирикам С. Витковского, очевидно преувеличивали военно-политические успехи Сигизмунда III и скрывали реальную обстановку в российской столице. В то время как положение запертого в Московском Кремле польского гарнизона ухудшалось с каждым днем из-за нехватки припасов и отсутствия подкреплений, польско-литовские пропагандисты призывали праздновать полную победу над покоренной Москвой. Например, следующим образом состояние дел после возвращения короля из Смоленска описывал Я. Краевский: «Рим радостный пригласите посмотреть на тот триумф,

⁴⁹⁴ Польск.: «Białą i Rosław, Drobuż i Wiazina / Naszy odjęli z rękę Moskwicina, / Możajsk, Borysów, Welkie Łuki wzięli, / Starodub, Orzeł, Osyszów odjęli. / Nowogródek, Poczepów także Kramy / U naszych w rękę – słusznie cię witamy, / Waleczny królu! Smoleńsk – twarde mury / Widzę zniszczone przez tak gęste dziury» Цит. по Witkowski S. *Wanda na szczęśliwe zwrócenie* // *Moskiewski Mars*. S. 391.

⁴⁹⁵ Польск.: «Z stoliceś cara moskiewskiego złożył, / Który więc wojski przodki nasze trwożył, / Opuścił państwo Szujski wiarołomny, / Już ten tyran z rękę polskich скромny». Цит. по Witkowski S. *Wanda na szczęśliwe zwrócenie* // *Moskiewski Mars*. S. 390.

который победу нам принес, что Московит грозный сокрушенный кладет господину свою спину под ноги! Растоптана слава его, хоругви растерзаны, могущество, силы все уже отобраны, корона с головы сорвана, а жестокие сердца сожалением кормятся, питье их – грустные слезы» (ст. 2–8)⁴⁹⁶.

Вместе с известными литераторами, косвенно или напрямую связанными с королевским двором, деяния Сигизмунда III также повсеместно воспевались анонимными авторами. Неизвестный составитель распространенного в Познани летучего листа *Szturm smoleński*⁴⁹⁷ поздравил своих читателей-адресатов с победой монарха и результаты королевской политики представлял в следующем виде: «Польша после домашней войны, снова расцвела в мире, а король в московских землях с каждым днем все большее счастье находит. Является уже, с Божьей помощью, господином Смоленска и [российской] столицы» (ст. 3–8)⁴⁹⁸. Более ёмко подытожил исход смоленского похода другой анонимный панегирист, чье произведение было растиражировано в Кракове: «Открыты врата до Москвы каждому – и [даже] наименьшему» (ст. 96–97)⁴⁹⁹.

Таким образом, от обещаний скорой и окончательной победы над Россией и до констатации уже произошедшего подчинения Москвы, оптимистичные ожидания от восточной политики Сигизмунда III были свойственны всем изученным нами литературным памятникам антироссийской направленности, изданным по случаю королевского триумфа.

Пятый выделенный нами дискурс подытоживал культивируемые в пропагандистской литературе 1611 г. идеи и побуждал читателей к определенным действиям, благодаря чему раскрывается утилитарный характер изученных нами текстов. После описания причин и следствий военного похода монарха на

⁴⁹⁶ Польск.: «Rym wesoly zaccnijcie na ten tryumf, który / Zwycięstwo nam przyniosło, że Moskwicin srogi / Zniszczony kładzie panu swój kark dziś pod nogi! / Zdeptana sława jego, chorągwie zdrapane, / Potęga, siły wszytkie już są odebrane, / Korona z głowy zdarta, a serca okrutne / Narzekani się karmią, napój ich – łzy smutne». Цит. по: Krajewski J. Tryumf poznański. Ná radosną victoryą K. Je° M. po wzięciu Smoleńska // Moskiewski Mars. S. 367.

⁴⁹⁷ *Szturm smoleński*. Poznań, 1611.

⁴⁹⁸ Польск.: «Polska po domowym boiu, / Znowu roskwitla w pokoiu, / A Krol w moskiewskiey krainie / Co dzień w większym szczęściu słynie. / Już iest z Boskiey obietnice, / Pan Smoleńska y stolice». Цит. по: *Szturm smoleński*. Poznań, 1611. S. 1.

⁴⁹⁹ Польск.: «Otwarte wrota do Moskwy każdemu – / I namniejszemu». Цит. по: *Tryumf niezwycciónemu monarsze Zygmuntowi III* // Moskiewski Mars. S. 352.

Смоленск, а также объяснения грядущих выгод от захвата Москвы для Республики, пропагандисты неизменно обращались к теме **консолидации народов Речи Посполитой вокруг своего короля**. Литературная пропаганда представляла обстановку таким образом, что Россия благодаря военным заслугам Сигизмунда III была уже в руках у поляков и литовцев, но для окончательной инкорпорации новых земель необходимо было сплотиться и принять все предложения короля на сейме в Варшаве.

Вынося за скобки конфликты с конфедератами, недовольство королевской религиозной политикой со стороны разноверцев, а также многие прочие внутривосточные проблемы Речи Посполитой, пропагандисты представляли Сигизмунда III идеальным вождем, под управлением которого народы Речи Посполитой сообща трудились ради достижения общей цели. Описывая последние дни осады, Л. Хлебовский представлял читателям следующую трогательную картину объединения подданных вокруг своего военного вождя: «Когда храбрые поляки и литовские полки прощались сердечно с теплыми слезами [на глазах] с королем, господином своим, так как умереть [были] готовы по воле милой Отчизны и по твоей, король; вскочили, как дикие львы и тигры, на стены...» (ст. 113–118)⁵⁰⁰. Акцент на подобных сценах мог работать на репутацию королевской власти в контексте недавно случившегося в Польше рокоша: литературные памятники подчеркивали единение с королем Сигизмундом в вопросах московской политики даже со стороны его недавнего политического противника – краковского воеводы Н. Зебжидовского⁵⁰¹.

Помимо консолидации подданных с правителем, авторы также отмечали углубление солидарности между поляками и литовцами. Так, например, С. Витковский посчитал необходимым подчеркнуть равенство заслуг обоих народов

⁵⁰⁰ Польск.: «Kiedy mężni Polacy z pułki litewskimi, / Pożegnawszy się mile ze łzami ciepłymi / Przed królem, panem swoim, że umrzeć gotowi / K woli milej Ojczyźnie i tobie – królowi, / Skoczyli, jak okrutni lwi i tygrysowie, / Na mury...». Цит. по: Chlebowski W. Tryumf radosny wszystkich obywatelów // Moskiewski Mars. S. 361.

⁵⁰¹ Еще 9 июня 1608 года в Кракове был выпущен универсал, провозглашающий примирение короля с Зебжидовским. Документ предполагал, что в случае войны с Москвой воевода за свой счет выставит хоругвь на помощь Сигизмунду III (Byliński J. Sejm z 1611 roku: w powym opracowaniu. Wrocław, 2016. S. 19). Во время Смоленской кампании писатели-регаллисты вспоминали об этой договоренности короля с Зебжидовским, которая использовалась в полемике для защиты Сигизмунда III от критики со стороны бывших рокошан (см., например: Tryumf niezwyciężonemu monarsze Zygmuntowi III // Moskiewski Mars. S. 350, w. 26–41).

при штурме Смоленска, тем самым проиллюстрировав единство королевских подданных: «Заодно сердца держались в битве – Литвин Поляку, Поляк же Литвину помогал, все поровну сражались, ничем не уступали друг другу» (ст. 649–652)⁵⁰². Подобная сплоченность, по мнению панегиристов, должна была служить примером для шляхтичей во время принятия решений по поводу продолжения войны.

Поэты неустанно напоминали, что война велась, прежде всего, в интересах всех сословий Речи Посполитой. Проиллюстрировать это может текст Я. Краевского. Поэт акцентировал внимание, что трудился король именно для блага своих подданных: «Уже не говоришь, что [король] ехал из личного интереса, ведь не жалел собственных потерь, не жалел приближенных, наконец, самого себя, все отдавал на военные нужды» (ст. 55–58)⁵⁰³.

Сейм в Варшаве должен был стать последним шагом на пути к овладению всей Россией. Пропагандисты призывали читателей держать это в уме, так как для Речи Посполитой война с Москвой представлялась первостепенной заботой: «Малозначительные забавы пусть в это время улетучатся, пусть все увидят те славные дороги, которые Бог, Удача и королевские труды даруют, прямо к Короне присоединяют Московские земли, где открытые врата [в руках] у Поляков...» (ст. 233–238)⁵⁰⁴. Адресуя свой панегирик сеймовым депутатам, С. Витковский советовал не нарушать работу сейма и голосовать согласно интересам Республики, т.е., поддержать короля: «Едь же счастливо на общие обсуждения (т.е., на сейм – И. П.), как Корону защищает суровый Марс, как Астрея [защищает] права и свободы, [так] нужно на том сейме держаться согласия. Пусть же забота о личном

⁵⁰² Польск.: «Jednakieź serce stanowili w bitwie – / Litwin Polakom, Polak zasię Litwie / Pomagał, wszyscy równo pracowali / Nic wprzód nie dali». Цит. по: Witkowski S. Safo słowieńska // Moskiewski Mars. S. 410.

⁵⁰³ Польск.: «Juź nie rzeczesz, że jachał dla swojej prywaty, / Atoli nie żałował własnej swej utraty, / Nie żałował przyjaciół, na koniec sam siebie, / Odważył wszystko razem wojennej porzebie». Цит. по: Krajewski J. Tryumf poznański // Moskiewski Mars. S. 369.

⁵⁰⁴ Польск.: «Próżne zabawy niech wtenczas ustaną, / Niech uważają tę drogę usłaną, / Którą Bóg, Szczęście i królewska praca, / Podając, prawie do Korony wtacza / Moskiewskich włości, gdzie otwarte wrota | Są Polakowi...». Цит. по Witkowski S. Wanda na szczęśliwe zwrócenie // Moskiewski Mars. S. 391.

останется дома, дай всеобщее радушие, извечный Господь, пусть согласие во всех сердцах воцарится и к доброму совету их приведет». (ст. 225–232)⁵⁰⁵.

Проанализированные нами пять дискурсов, наполнившие польско-литовскую злободневную литературу и публицистику после успешного штурма королем Сигизмундом Смоленска 3 июня 1611 г., были тесно связаны друг с другом. Менялись литературные формы, композиционные принципы и метафоры, но магистральная идея сохранялась и связывала собой тексты в единый цикл.

Польские авторы в духе вышеуказанных дискурсов писали, что Сигизмунд III, деяниями уподобившийся античному цезарю-триумфатору, продолжил оборонительную политику своих прославленных предков и отомстил москвитам за все обиды и притеснения, накопленные практически за целое столетие. При поддержке своих верных подданных король начал «справедливый» военный поход на Смоленск и вернул все захваченные территории обратно Речи Посполитой. Лояльными Сигизмунду III авторами, работавшими против России на литературном поле, продвигалась идея, что действиям правителя сопутствовал оглушительный успех, ввиду чего он был в шаге от полной победы над Москвой.

Сигизмунд III, деяниями уподобившийся античному цезарю-триумфатору, продолжил оборонительную политику своих прославленных предков и отомстил москвитам за все обиды и притеснения, накопленные практически за целое столетие. При поддержке своих верных подданных король начал справедливый военный поход на Смоленск и вернул все захваченные территории обратно Речи Посполитой. Лояльными Сигизмунду III авторами, работавшими против России на литературном поле, продвигалась идея, что действиям правителя сопутствовал оглушительный успех, ввиду чего он был в шаге от полной победы над Москвой. В преддверии сейма в Варшаве писатели-регаллисты выражали надежду, что шляхта поддержит своего короля и позволит Сигизмунду III решить с Москвой раз и навсегда.

---

⁵⁰⁵ Польск.: «Wjedź już szczęśliwie na spólne namowy / Jakby Korony Mars bronił surowy, / Jako Astrea prawa i świebody / Ma na tym sejmie poprawić dla zgody. / Niechże prywata tam w domach zostanie, / Daj spólną miłość, wiekuisty Panie, / Niech zgoda serca wszystkich opanuje, / A ku dobremu rady ich kieruje!» (ст. 225–232). Цит. по Witkowski S. Wanda na szczęśliwe zwrócenie // Moskiewski Mars. S. 391.

Символика проведенного королем триумфального шествия во время вального сейма в Варшаве, который проходил с 26 сентября по 9 ноября 1611 г., была полностью созвучна с выявленными нами дискурсами политической литературы, изданной после взятия Смоленска. Указанное обстоятельство побуждает нас классифицировать изученные нами памятники именно как элементы целенаправленной пропагандистской кампании. Ее влиянию на ход варшавского сейма посвящен следующий параграф нашего диссертационного исследования.

§4. Варшавский сейм 1611 г. и его решения в контексте антироссийской пропаганды

С 26 сентября по 9 ноября 1611 г. в Варшаве проходила сессия очередного ординарного сейма, созываемого раз в два года в Речи Посполитой для обсуждений актуальных внутри- и внешнеполитических проблем государства. Указанный сейм нас интересует ввиду развернувшихся во время его работы дебатов по поводу военной компании короля Сигизмунда 1609–1611 гг. и перспектив ее продолжения. Изучение принятых решений и анализ хода обсуждений вопроса о войне и мире с Москвой помогут нам вынести заключение, смогла ли каким-либо образом королевская антироссийская пропаганда повлиять на настроения депутатов сейма и направить течение политических прений в выгодное для Сигизмунда III русло.

Варшавский сейм породил большое количество документов, благодаря которым можно подробно реконструировать историю его работы. Большинство подобных исторических памятников сосредоточены в Главном Архиве Древних Актов в Варшаве (AGAD), в государственных архивах Гданьска (Archiwum Państwowe w Gdańsku) и Кракова (Archiwum Państwowe w Krakowie), а также в Центральном Государственном Архиве в Мерзебурге (Centralne Archiwum Państwowe NRD w Merseburgu). Помимо архивохранилищ, описывающие работу сейма тексты сохранились в собраниях Ягеллонской библиотеки (Biblioteka Jagiellońska) и библиотеки князей Чарторыйских (Biblioteka Książąt Czartoryskich) в Кракове. Среди всех памятников особо выделим сеймовый диариуш⁵⁰⁶ санокского посла Е. Стано. В указанном источнике по дням была расписана работа сейма, зафиксированы все обсуждения и записаны речи выступающих ораторов⁵⁰⁷. Приоритетно именно на этот памятник мы будем опираться при анализе дискуссий, возникших во время варшавского сейма вокруг государственной политики по отношению к России.

---

⁵⁰⁶ Diariusz sejmu. Biblioteka Jagiellońska w Krakowie (Далее: В. J.). Акс., 5/52.

⁵⁰⁷ Ibid. К. 34r–64.

Вопреки оптимистичным картинам консолидации народов Речи Посполитой вокруг своего правителя, которыми была наполнена изученная нами в предшествующем параграфе диссертационного исследования пропагандистская литература, в реальности завоевательная политика Сигизмунда III вызывала неприятие в самых различных слоях общества. Можно назвать два источника недовольства своим правителем в польско-литовском социуме, которые побуждали шляхту выступать против королевских инициатив.

Прежде всего, антагонизм между Сигизмундом III и его подданными был обусловлен растущими притязаниями королевского двора. В вину правителю ставилось нарушение политических традиций Речи Посполитой, стремление к единовластию и принятие своевольных решений без санкции сейма. Выразителями подобных настроений ко времени проведения варшавского сейма оставались бывшие рокошане и сочувствующие им шляхетские круги. Как отмечалось в историографии вопроса, примирение короля с участниками рокоша Зебжидовского имело показной характер, и в действительности недовольство шляхты своим королем оставалось значительным⁵⁰⁸. Политическая деятельность рокошан в годы Смутного времени была разносторонне изучена в работах Я. Мачишевского⁵⁰⁹ и В. Поляка⁵¹⁰. Мнения исследователей совпали: взаимоотношения короля с оппозиционно настроенной шляхтой Речи Посполитой объективно могут быть охарактеризованы только как натянутые.

Политические противники Сигизмунда III активизировались сразу же, как только планы королевского похода на Смоленск стали известны широким слоям населения Речи Посполитой. Ввиду нараставшего в обществе недовольства, по настоянию С. Жолкевского королю Сигизмунду пришлось выступить перед собранием коронного трибунала в Люблине 9 июня 1609 и объявить, что правитель не будет претендовать на новые земли и все территориальные приобретения от

---

⁵⁰⁸ Byliński J. Sejm z 1611 roku: w nowym opracowaniu. Wrocław, 2016. S. 19.

⁵⁰⁹ Maciszewski J. Szlachecka opinia publiczna w Polsce wobec interwencji Moskwy (1604–1609) // Kwartalnik Historyczny. Studya Sławistyczne. Warszawa, 1963. T. 72. Z. 2. s. 363–386.

⁵¹⁰ Polak W. O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995. S. 31–34.

грядущей войны достанутся исключительно Речи Посполитой⁵¹¹. Также король признал, что хоть санкции сейма на войну и не было, но он свои планы от подданных не скрывал и вопрос о возможности военной кампании против России обсуждался как с сенаторами, так и на местных сеймиках. Король уверял, что он обязательно добился бы разрешения шляхты, но реальный повод для войны – союз России со Швецией – появился уже после окончания работы сейма, проходившего в Варшаве с 15 января по 26 февраля 1609 г. Завершив свои дела с коронным трибуналом, король Сигизмунд перебрался в Вильну, где 25 июля 1609 г. выпустил новый обращенный к шляхте манифест, в котором в расширенном виде повторялись основные идеи люблинских речей. Таким образом, Сигизмунд III прекрасно был осведомлен о недовольстве, которое вспыхнуло в обществе из-за своевольного начала войны с Россией, и всячески старался его смягчить⁵¹².

Несмотря на вышеперечисленные действия, против Сигизмунда III все равно активно велась агитация на местных сеймиках со стороны бывших рокошан, а также приверженцев самозванного царевича Дмитрия и Е. Мнишека. Решительное осуждение действиям короля, например, вынес сеймик в Минске, созванный по инициативе известного рокошанина П. Стабровского⁵¹³. Противники монарха указывали, что он хочет присвоить себе успехи в войне против Москвы, уже достигнутые поддержавшими «царевича Дмитрия» поляками и литовцами, и использовать сложившуюся ситуацию в собственных династических целях⁵¹⁴. Возбуждение среди польско-литовских воинов в лагере Лжедмитрия II против короля было настолько сильным, что они образовали конфедерацию и от ее имени к Сигизмунду III в лагерь под Смоленском отправили группу переговорщиков во главе с Н. Мархоцким. Конфедераты требовали, чтобы король под угрозой нового

---

⁵¹¹ Żółkiewski S. Początek i progres wojny moskiewskiej / Wstęp i komentarz Wacława Sobieskiego. Kraków, 1920. S. 23.

⁵¹² Kozłowski S. Elekcja królewicza Władysława Wazy na tron moskiewski (1609–1612) // Przegląd Powszechny, 1889. T. XXII. S. 218.

⁵¹³ Sobieski W. Żółkiewski na Kremlu. Warszawa, [1920]. S. 27–30.

⁵¹⁴ Byliński J. Sejm z 1611 roku: w nowym opracowaniu. Wrocław, 2016. S. 23–24.

рокоша оставил осаду, распустил войско и немедленно вернулся назад в Речь Посполитую⁵¹⁵.

С течением времени ситуация в королевском лагере под Смоленском также грозила выйти из-под контроля: отказ Сигизмунда III идти прямо на Москву вызвал значительное негодование среди воинов. Осада неприступного города затягивалась, а каждый новый неудачный штурм стен разжигал недовольство шляхты все больше. Становилось очевидным, что если король не добьется к ближайшему ординарному сейму каких-либо значительных успехов в войне против России, то нового внутривосточного кризиса в Республике будет не избежать⁵¹⁶. Именно поэтому в 1611 г. с таким напором в информационном пространстве Речи Посполитой продвигалась победа короля под Смоленском, пропаганда которой сделалась актуальнейшей задачей для регалистов.

Вторым источником недовольства королевской властью был конфессиональный вопрос в Речи Посполитой. Вопреки традициям веротерпимости, Сигизмунд III при полной поддержке иезуитов и папского престола активно работал на укрепление католицизма в государстве, что вызывало неприятие со стороны «разноверцев» – не католических христиан. Особо ярко было заметно недовольство со стороны православного населения ВКЛ, которое справедливо опасалось, что если королю действительно удастся подчинить Москву и навязать ей католицизм, то это напрямую повлияет на положение всех приверженцев греческой веры.

Видя в московских подданных своих единоверцев, православные жители ВКЛ во время военного похода короля Сигизмунда на Смоленск активно сотрудничали с русскими „шпегами”, передавая им сведения стратегической важности⁵¹⁷. Параллельно с пропагандой необходимости войны с Россией, исходящей из королевского лагеря, религиозные диссиденты распространяли по

⁵¹⁵ Marchocki M. Historia wojny moskiewskiej. Moskwa w rękach Polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612 / Oprac. Kubala M., Ścieżor T. Kraków, 1995. S. 5–55.

⁵¹⁶ Kozłowski, S. Elekcja królewicza Władysława Wazy na tron moskiewski (1609 – 1612) // Przegląd Powszechny, 1889. T. XXII. S. 351–352.

⁵¹⁷ Sobieski W. Żółkiewski na Kremlu. S. 20–21.

Речи Посполитой собственные полемические сочинения, направленные против действий центральной власти. Например, религиозная политика Сигизмунда III и его стремление обратить в католичество Москву после предполагаемого успеха военного похода активно критиковались в памфлетах, которые вручную переписывались православными монахами во владениях князя Я. Заславского⁵¹⁸.

Схожее недовольство демонстрировали и разноверцы, проживавшие непосредственно на землях польской Короны. Пока король воевал под Смоленском, в 1610 г. в Вильне и Кракове прошли погромы, в результате которых были уничтожены протестантские молельные дома⁵¹⁹. Возмущенные польские диссиденты подали жалобу краковскому воеводе и требовали выдать зачинателей погрома, указывая на то, что были грубо попраны религиозные свободы, гарантированные Варшавской конфедерацией 1573 г. Не добившись от представителя королевской власти никаких действий, религиозные диссиденты начали собираться на съездах, где было решено требовать справедливости у Сигизмунда III и саботировать любые инициативы короля, покуда не будут подтверждены гарантии равноправного положения представителей всех христианских конфессий на территории Речи Посполитой⁵²⁰.

Таким образом, совокупность накопившихся у подданных к своему королю претензий не могла не повлиять на ход варшавского сейма 1611 г., проблемы на котором начались сразу же после его открытия. Следующим образом первый день работы сейма изобразил исследователь Я. Былинский: «...разыгралась в (посольской – И. П.) избе баталия по поводу наболевшего вопроса о выражении благодарности королю и приближенным к нему сенаторам во время смоленской кампании. Почти все сеймики были озабочены фактом начала войны без согласия сословий, однако предписали послам благодарить короля за территориальные приобретения и риск собственной особой ради блага Речи Посполитой. Тем не менее, некоторые сеймики настаивали, чтобы послы укорили сенаторов за то, что

---

⁵¹⁸ Byliński J. Sejm z 1611 roku: w nowum opracowaniu. Wrocław, 2016. S. 32.

⁵¹⁹ Жукович П. Н. Московская смута начала XVII века и ее отражение в литовско-польском государстве // Христианское чтение. 1902. № 11. С. 653.

⁵²⁰ Там же. С. 654.

они допустили нарушение прав коронных. Сеймик сандомирский, наиболее оппозиционный среди сеймиков коронных, решительно запретил приветствовать сенаторов и наказал своим послам “спрашивать”, кто советовал начать войну без согласия сословий, чтобы его сурово наказать...»⁵²¹.

Важную лепту в ход указанных обсуждений внес великопольский посол М. Броневский. Оратор выступил с длительной речью, главным мотивом которой было примирение подданных и короля. С одной стороны, посол выразил поддержку инициативам Сигизмунда III, с другой же – поспешил высказать и опасения, что дальнейшие действия без одобрения сейма опасны для государства и могут привести к “*absolutum dominium*”⁵²² короля. Броневский стремился угодить всем: призывая продолжить военное наступление и закрепиться в Москве, посол стремился уберечь шляхетское сословие от тягот новых поборов. Так, например, по мнению полемиста, деньги на продолжение войны следовало искать у сенаторов и представителей духовенства. Помимо этого, для дальнейшего участия в войне было бы хорошо привлекать не нобилей, но добровольцев и литовских татар. Что касается самой шляхты, то направивший Броневского сеймик был готов санкционировать только еще один побор, а дальнейшая финансовая помощь королю могла быть оказана только в случае получения новых привилегий⁵²³.

Важной для нашего исследования представляется оценка настроений М. Броневского относительно хода войны с Россией, которую высказал Я. Былинский: «Броневский, как и значительная часть шляхты великопольской, до такой степени увлекся московской войной и так верил в ее удачный исход, что начал рассуждать о способах управления поверженным государством»⁵²⁴. Оратор повторил план колонизации России, предложенный двумя годами ранее П. Пальчовским, но смягчил самые радикальные идеи своего предшественника. Посол предлагал полностью реорганизовать московскую административную систему. После предполагаемой победы на русских землях следовало основывать новые поселения,

⁵²¹ Byliński J. Sejm z 1611 roku: w nowum opracowaniu. S. 132.

⁵²² Diariusz sejmu. B. J., акс. 5/52. К. 52v.

⁵²³ Ibid. К. 43v.

⁵²⁴ Byliński J. Sejm z 1611 roku: w nowum opracowaniu. S. 133.

в которых этнически над автохтонным населением будет доминировать польско-литовский элемент. В конечном счете, по мнению Броневского, этим поселениям предстояло стать центрами новых воеводств. Тем не менее, в отличие от Пальчовского великопольский посол Броневский высказывал уверенность, что и для русского населения в новой триединой Речи Посполитой найдется свое достойное место. В частности, оратор призвал для русских представителей благородного сословия поскорее найти соответствующие их положению должности в новой системе, что позволило бы им безболезненно влиться в польско-литовскую политическую культуру⁵²⁵.

Речь М. Броневского была одной из самых длинных за все время работы сейма, однако даже после нее шляхта не пришла к какому-либо единому мнению о самовольно инициированной королем войне с Россией. Уже следующим после Броневского перед собранием посольской избы выступил П. Горайский, представляющий позицию шляхты сандомирского воеводства. Посол горячо вступился за попранные королем политические традиции Речи Посполитой. О выступлении этого ревнителя старых порядков Е. Стано написал следующие строки в сеймовом диариуше: «...аргументируя разными материями, свободно говорил и декларировал, что не заботится о том, что никакой награды за свои речи не получит, но хочет только одного – умереть при свободе»⁵²⁶.

Вопрос о войне с Россией и источниках ее финансирования вызывал каждодневные горячие споры во время работы варшавского сейма 1611 г. Всякий раз, когда регалисты указывали на успешность войны и ожидаемые для Речи Посполитой выгоды после ее окончания, шляхетские послы приводили множество контраргументов, направленных против королевских инициатив. Помимо бывших рокошан, неизменно обвиняющих короля в нарушении политических порядков, виднейшим дестабилизирующим фактором при работе сейма была позиция разноверцев. В частности, 10 октября 1611 г. религиозные диссиденты отказались

⁵²⁵ Diariusz sejmu. B. J., акс. 5/52. К. 43v – 44r.

⁵²⁶ Польск.: «...siłą materiej rozmaitych wnaszał i libere mówił i powiedział, że nie dbam, choć mi nie dadzą nic, tedy jednak przy wolności chcę umrzeć». Цит. по: Diariusz sejmu. B. J., акс. 5/52. К. 44v.

участвовать в организованных посольской избой публичных поздравлениях королю и его советникам по поводу успехов в войне. Подобной позиции они собирались придерживаться до тех пор, пока не будут рассмотрены все их претензии и разобраны актуальные случаи притеснения со стороны католиков⁵²⁷.

Работа посольской избы проходила в крайне нервной обстановке, ввиду чего сеймовые сессии регулярно прерывались скандалами. Следующий эпизод из дневника Е. Стано наглядно демонстрирует ухищрения, на которые приходилось идти регалистам, чтобы выгодные королю Сигизмунду сеймовые решения по поводу войны с Россией принимались несмотря ни на что. В Варшаве 11 октября 1611 разыгралась буря, ввиду чего депутаты не должны были в этот день являться на сейм: ожидалось, что все обсуждения продолжатся после изменения погоды. Однако сенаторы и маршалок сейма все же сумели для обсуждения новых налоговых поборов на военные нужды в этот день собрать лояльно настроенных по отношению к королевской политике послов. Таким образом, в обсуждении вопроса первостепенной важности, от решения которого зависело продолжение войны с Россией, участвовало менее половины всех прибывших в Варшаву депутатов⁵²⁸. По итогам обсуждения шляхта обязалась оплатить минимум 2 новых военных побора. Так как даже этих мер не хватало, было принято решение искать дополнительные источники финансирования войны: ввести новые налоги для духовенства и мещан, истребовать дань с Валахии, использовать литовскую квартиру и т.д. Наконец, после этих наспех проведенных обсуждений, маршалок сейма призвал собрание не терять времени и поскорее отправить к королю уполномоченных делегатов, чтобы известить Сигизмунда III о согласии на новые налоги со стороны посольской избы и определить их конкретные размеры⁵²⁹.

На следующий день – в среду 12 октября 1611 г. – шляхетские послы явились на сейм уже в полном составе. Узнав об итогах предшествующей сессии, делегаты пришли в ярость. Эмоционально оценил сложившуюся ситуацию и автор

---

⁵²⁷ Byliński J. Sejm z 1611 roku: w nowum opracowaniu. S. 136.

⁵²⁸ Diariusz sejmu. B. J., акс. 5/52. К. 45r.

⁵²⁹ Ibid. К. 45r.

сеймового дневника: «того опасаемся, как бы сам сейм войной не закончился...»⁵³⁰. Шляхетские послы поносили имена маршалка сейма и сенаторов, а разноверцы угрожали своим отъездом в этот же день, если решения не будут отменены. В итоге, когда король известил, что ожидает обещанную делегацию от посольской избы, шляхта все же направила к нему своих представителей: обсуждать финансирование войны отправилось 7 великопольских и 7 малопольских послов, а также 4 депутата от сеймиков ВКЛ⁵³¹.

В результате совместной работы сенаторов и 18 избранных шляхетских представителей для посольской избы был подготовлен меморандум, в котором излагался тождественный пропагандистским произведениям, разобранным нами в предшествующем параграфе нашего исследования, взгляд на войну с Москвой. Отметим особо, что в тексте документа за королем признавалось право на продолжение войны. По свидетельству Е. Стано, меморандум хоть и был принят посольской избой, однако шляхетские депутаты открыто демонстрировали вызванное им недовольство⁵³². Антагонизм между шляхтой и королем оставался главным фактором работы варшавского сейма 1611 г., ввиду чего определение величины поборов также затягивалось.

В этих условиях король предпринял последнюю попытку привлечь общественное мнение на свою сторону и увлечь шляхту войной с Россией: сеймовых послов пригласили 29 октября 1611 г. участвовать в праздничных мероприятиях в честь победы под Смоленском. Принципы проведения торжественного парада в Варшаве существенно отличались от ранее совершенного королем победного въезда в Вильну⁵³³. В этот раз Сигизмунд III не был активным участником праздничного шествия, но в окружении семьи и сеймовых сословий

⁵³⁰ Польск.: «Obawiamy się tego, żeby samą wojną sejmu nie kończono...». Цит. по: Diariusz sejmu. В. J., акс. 5/52. К. 45г.

⁵³¹ Ibid. К. 46г.

⁵³² Ibid. К. 50–51.

⁵³³ Подробнее описания прошедших в Варшаве торжеств в честь победы короля Сигизмунда под Смоленском см. по: Костомаров Н. И. Смутное время. Московское государство в начале XVII столетия. М., 2008. С 664–666; Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский на с братьями на варшавском сейме. Варшава, 1905; Kraushar A. Z dziejów Warszawy. Grobowiec carów Szujskich. Kraków, 1984. S. 4–6; Niedzielski K. Pod Smoleńskiem i pod Moskwą lat temu 300 (1609 – 1612). Warszawa, 1911. S. 129–135.

дождался в Королевском замке прибытия процессии, которую со стороны Краковского Предместья вел С. Жолкевский.

Триумфальное шествие было организовано следующим образом. Гетман ехал во главе колонны в запряженной шестью белыми лошадьми карете, следом за которой маршировал почетный караул. В визуальном плане акцент варшавского парада приходился на московских пленников и захваченную в России добычу. Так, например, за почетным караулом следовала открытая карета с Дмитрием, Иваном и Василием Шуйскими, чем устроенное зрелище особенно запомнилось варшавским мещанам. Далее за пленниками следовали армейские чины и возы с военными трофеями. Торжественное шествие замыкалось еще одной каретой, в которой перевозили М. Шеина и патриарха Филарета⁵³⁴.

Почетных пленников королю и сенату лично представил С. Жолкевский. Бывший московский царь и его братья были вынуждены поклониться Сигизмунду III, затем их допустили до поцелуя королевской руки. После свершения указанных церемониальных действий, Жолкевский прочитал подготовленную торжественную речь. Указывая на пленников, гетман представил их сеймовым сословиям: Василий Шуйский, властитель необъятного московского государства, столько лет чинившего обиду Речи Посполитой, и его брат Дмитрий – воевода над 180 000 русских воинов, ныне повержены и бьют челом королю Сигизмунду⁵³⁵.

Утилитарный характер устроенных в Варшаве триумфальных мероприятий в полной мере раскрывается при анализе речи Ф. Крыского, выступавшего перед королем и сеймом сразу после Жолкевского. Прославляя заслуги Сигизмунда III, подканцлер напрямую обращался к шляхетским послам и призывал их не губить королевские замыслы. Красноречивую оценку указанной речи, которая заметно контрастировала с предшествующей ей панегирической орацией, вынес исследователь А. Беловский. По его наблюдением, Крыский «вынужден был чуть ли не умоляющим голосом просить шляхту, чтобы в критический момент она не оставляла своего монарха без материальной помощи и тем самым не погубила ту

⁵³⁴ Byliński J. Sejm z 1611 roku. S. 141.

⁵³⁵ Prochaska A. Hetman Stanisław Żółkiewski. Warszawa, 1927. S. 69–70.

добычу, которая стала результатом двухлетнего польско-московского противоборства»⁵³⁶. Я. Былинский при оценке жалобной речи Крыского пришел к однозначному выводу: шляхту напрямую пришлось просить о финансовой помощи в войне прежде всего потому, что демонстрация плененного московского царя и прочие пропагандистские акции не оказали на сеймовые сословия того эффекта, которого надеялось добиться королевское окружение⁵³⁷.

Помимо очевидных финансовых проблем, к моменту проведения сейма в Варшаве до шляхетских послов начали доходить слухи о реальном положении дел в Москве. Уже в августе 1611 г. польский гарнизон оказался фактически заперт в стенах Московского Кремля. Следующим образом сложившуюся в российской столице ситуацию охарактеризовал О. А. Курбатов: «Решив судьбу Москвы, битва 22–24 августа 1612 г. стала переломным моментом в истории всей освободительной войны, похоронив сколь-нибудь реальные надежды интервентов завладеть всем Московским государством»⁵³⁸.

Проведенная королем Сигизмундом и гетманом С. Жолкевским демонстрация почетных пленников перед сеймовыми сословиями не привела к положительным подвижкам в деле поиска средств для продолжения войны. Более того, последующий ход обсуждений показал, что шляхетские послы нашли остроумный способ противостоять королевским притязаниям, повернув основной мотив антироссийской пропаганды против самого Сигизмунда III. Новый болезненный вопрос, который шляхетские послы ставили перед своим королем, можно обобщить следующим образом: если Москва уже была в руках польско-литовских воинов, царь пребывал в плену в Варшаве, а российские войска полностью разбиты, как об этом сообщает королевское окружение и множество изданных в Речи Посполитой пропагандистских сочинений, то почему все королевские задолженности нельзя погасить, используя казну побежденного государства?

⁵³⁶ Текст оглашенных перед королем Сигизмундом и сеймовыми сословиями речей см. по: Bielowski A. Pisma Stanisława Żółkiewskiego. Lwów, 1861. S. 558–561.

⁵³⁷ Byliński J. Sejm z 1611 roku. S. 143.

⁵³⁸ Курбатов О. А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014. С. 151.

Вплоть до последних дней работы варшавского сейма конфликт вокруг финансового вопроса продолжал нарастать. Последовательно всплывали новые порожденные русско-польской войной вопросы экономического характера, которые оставались без решения. В первых числах ноября на сейме обсуждались притязания тушинских поляков, которые требовали оплаты за участие в войне против Шуйского. Ответ шляхетских сословий был неизменен – солдаты должны быть вознаграждены именно из казны покоренной Москвы⁵³⁹. Подобный ответ получили и недовольные королевской политикой депутаты квартяного войска⁵⁴⁰. В итоге, после того как представители полков Я. П. Сапеги и А. Зборовского на сейме заявили свои права на большую часть московской добычи, так как их служба началась еще в войске самозванного царевича, самому королю пришлось признать, что московская казна оказалась не так богата, чтобы сразу оплатить все задолженности, а ситуация в покоренном государстве не так спокойна, чтобы можно было свободно распоряжаться российскими богатствами⁵⁴¹.

***

Подводя итоги варшавских политических прений в октябре–ноябре 1611 г., следует отметить, что в финансовом плане все выделенные сеймом деньги с трудом смогли покрыть одни только королевские долги, возникшие из-за осады Смоленска в 1609–1611 гг. Об активном продолжении кампании против России в ближайшее время не могло идти речи, так как армия и экономика Речи Посполитой были измотаны последними военными годами. Возлагаемые королем на работу варшавского сейма надежды не оправдались, и даже активно проводимые пропагандистские акции (празднование триумфов в крупных городах, демонстрация пленных, распространение прославляющей военные подвиги

---

⁵³⁹ Diariusz sejmu. B. J., акс. 5/52. К. 56v.

⁵⁴⁰ Ibid. К. 56v.

⁵⁴¹ Byliński J. Sejm z 1611 roku. S. 148.

правителя литературы) не смогли изменить негативное отношение шляхты к военной авантюре Сигизмунда III.

Отметим, что пропаганда войны с Россией сама в некоторых аспектах оказалась губительной для королевских планов. Рассуждая о суммах, потраченных королевской властью на проведение триумфа в Вильне, Я. Недзведзь однозначно пришел к выводу, что в условиях войны с Россией монарх занимался непростительным расточительством⁵⁴². Растиражированные панегирики в честь победы короля также обусловили возникновение непредвиденных ситуаций: та часть шляхты, которая поверила в успешность войны, не могла понять, зачем нужны были новые налоги в условиях уже состоявшейся победы. Любые попытки апелляции к военным нуждам и последующим выгодам, которые бы получила Речь Посполитая, разбивались об ответные предложения сеймовых депутатов использовать российскую казну. В тех случаях, когда королевская власть признавала невозможность того, чтобы сиюминутно распорядиться московскими ресурсами, шляхта сразу же заявляла об ограниченности своих полномочий. Красноречивой иллюстрацией подобной дипломатической тактики можно назвать канцелярский ответ, который дал калишский посол М. Мелжинский на очередной призыв вотировать дополнительные налоги: «нас этими речами к утверждению поборов не привести, так как нам братья за то строго запретили (на сеймике – И. П.)»⁵⁴³.

Попытки изменить и направить мнение шляхетских депутатов в выгодное для королевской политики русло благодаря пропагандистским акциям следует признать провальными. Пока король тратил деньги на показательные празднества и безуспешно пытался привлечь к себе шляхту на сейме, в Москве все большую силу набирало народно-освободительное движение против интервентов. В скором времени случившееся изгнание польско-литовского гарнизона из стен Московского Кремля стало поворотной точкой в истории противостояния Речи Посполитой и России. Несмотря на то, что польско-литовские войска позже

---

⁵⁴² Niedźwiedz J. *Kultura literacka Wilna (1323–1655)*. Retoryczna organizacja miasta. Kraków, 2012. S. 364–365.

⁵⁴³ *Diariusz sejmu*. B. J., akc. 5/52. K. 63v.

пытались взять реванш и снова вторгались в Россию (рейд Лисовского в 1615 г., поход гетмана Сагайдачного на столицу в 1618 г.), все же западные современники Смутного времени постепенно пришли к осознанию: увидеть Москву присоединенной к Речи Посполитой можно только на листах пропагандистских сочинений, в то время как в реальности это произойти уже не сможет.

Заключение

События Смутного времени, значительно обусловившие ход истории всего восточноевропейского региона, напрямую затрагивали интересы соседних с Россией государств. Особенно обострение внутривосточной ситуации в Московском царстве привлекло к себе внимание польско-литовских современников, которые не удовлетворились ролью только лишь пассивных наблюдателей кризисных явлений, поразивших русские земли. След целенаправленной политической деятельности магнатов Речи Посполитой очевиден с самых первых дней военного похода Лжедмитрия I на Москву. С течением времени влияние польско-литовского фактора на развитие социально-политического кризиса в России только увеличивалось. Апогеем антагонизма между Речью Посполитой и Московским царством стало официальное объявление войны королем Сигизмундом III, который в 1609 г. повел свои войска на Смоленск.

Прямое участие поляков и литовцев в событиях Смуты привело к появлению обширного пласта литературы, посвященной актуальной политической ситуации в России. Популярностью у читателей Речи Посполитой пользовались растиражированные произведения «малых литературных форм»: летучие листы, окказиональная поэзия, политическая публицистика, злободневные памфлеты, сборники сатирических эпиграмм, панегирики и т.д. В рамках нашего диссертационного исследования была предпринята попытка рассмотреть указанные разножанровые источники не как разрозненные исторические памятники, но как единый литературный цикл, функциональное значение и транслируемые идеи которого изменялись под влиянием актуальных событий Смутного времени.

По итогам проведенного исследования мы выделили три важнейших этапа в истории создания произведений (анти)российской тематики, изданных с 1604 по 1612 г. на территориях Королевства Польского и ВКЛ:

1. События первой димитриады побудили польско-литовских авторов задуматься о возможности новой политической унии между Речью Посполитой и

Россией. Если всего за несколько лет до экспедиции Лжедмитрия I на Москву Г. Пельgrimовский в своей эпической поэзии предрекал скорую войну с русскими, то уже заставшие авантюру самозванного царевича литераторы видели совершенно другие перспективы взаимоотношений двух государств. С 1604 по 1606 г. в Речи Посполитой издавались произведения пропагандистского характера, в которых звучал призыв к добровольцам поддержать притязания «царевича Дмитрия» на московский престол. Указанное тематическое направление ярко иллюстрирует т.н. «московская трилогия» Я. Жабчица. События, общественные настроения и ожидания от первой димитриады нашли комплексное отображение в творчестве С. Гроховского и Я. Юрковского. Брак Дмитрия и М. Мнишек интерпретировался большинством авторов как торжество унии, в рамках которой объединенные народы могли бы бросить вызов их природным врагам: шведам и туркам.

2. Смерть Лжедмитрия I во время московских свадебных торжеств в мае 1606 г. перечеркнула все надежды на мирное объединение двух государств. После указанного события литераторы Речи Посполитой вплоть до 1609 г. пытались найти объяснение произошедшей в Москве трагедии, во время которой пострадало множество поляков и литовцев. В злободневной литературе как продвигалась идея немедленного отмщения, так и раздавались голоса противников дальнейшего вмешательства в российские дела. Динамику последовательного нарастания антимосковских настроений можно проследить, если обратиться к изданным в указанный период трудам С. Лиффтеля и С. Петрици. Особенно ярко звучала антироссийская полемика в произведениях П. Пальчовского, который сравнивал миссию польско-литовского рыцарства в России с действиями конкистадоров в Новом Свете.

3. После 1609 г. военный поход Сигизмунда III на Смоленск стал центральным сюжетом в польско-литовской литературе, посвященной событиям Смуты. Когда королевская военная кампания завершилась успехом, панегирики и триумфы сразу же заняли доминирующее положение в новостном пространстве Речи Посполитой. С 1611 по 1612 г. было издано более 20 поэм, описывавших взятие Смоленска. В подавляющем большинстве случаев изученные нами тексты

были инспирированы королевским окружением и составлены авторами, близкими к центральной власти. Ввиду указанного обстоятельства мы пришли к выводу, что причина стремительного распространения антироссийских пропагандистских сочинений в 1611 г. крылась в их заказном характере. Сигизмунд III стремился использовать все доступные ему средства, чтобы расположить шляхту к продолжению войны с Россией.

Оценивая эффективность антироссийской литературной пропаганды, мы обратились к истории работы ординарного сейма в Варшаве, который проходил с 26 сентября по 9 ноября 1611 г. Вопреки надеждам короля, убедить шляхту в необходимости дополнительных налогов на военные нужды не удалось. Шляхетские послы апеллировали к распространенной в пропагандистских текстах мифологеме, что взятие Смоленска было равнозначно полному поражению России в войне, ввиду чего все королевские долги следовало покрыть средствами из казны побежденного государства.

После изгнания польско-литовских интервентов из Московского Кремля, современники постепенно пришли к осознанию, что Речь Посполитая все же не сумеет подчинить себе всю Россию. В этом контексте пропагандистские тексты стали амортизирующим фактором, работавшим на поддержание престижа центральной власти: хоть Москва и ускользнула от Речи Посполитой, но, тем не менее, присоединение Смоленска уже было преподнесено королевским подданным в качестве небывалого военного триумфа польско-литовского оружия. Подобные воззрения сохранялись на протяжении всего правления Сигизмунда III. Их постепенная переоценка начала происходить при Владиславе IV, когда в политической литературе появилось мнение, что собственные династические амбиции короля Сигизмунда, практически два года проведенного в осадном лагере и не желавшего идти на компромисс с российской стороной, не позволили Речи Посполитой овладеть Москвой.

Список источников и литературы

Архивные источники

1. Diariusz sejmu z 1611 r. Biblioteka Jagiellońska w Krakowie. Akc. 5/52.
2. Miaskowski W. (KUL 3250). P[an] Wojciech Miaskowski, dworz[anin] k[rola] j[ego]m[ości], dziękuje gościom na pogrzebie p[ana] Wojciecha Gajewskiego, starosty ujskiego pod Smoleńskiem zabitego. Rkps Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Sygn. 3250.
3. Miaskowski W. (AHWil op. 1135, 2/40). Tenże na przeprowadzenie tegoż ciała przez Poznanie. Rkps Archiwum Historycznego w Wilnie. Sygn. 2/40.
4. Triumphus et ingressus regis Vilnam die 24 Iulii 1611 anno. Rkps. Czart., sygn. 1577 IV.

Библиография и каталоги

1. Bibliografia Literatury Polskiej – Nowy Korbut. T. 2: Piśmiennictwo Staropolskie. Hasła osobowe: A–M. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1964. 551 s.
2. Estreicher K. Bibliografia Polska. Tom XVII. Kraków, 1899. 491 s.
3. Sommervogel C. Bibliothèque de la Compagnie de Jésus. Nouvelle édition par Carlos Sommervogel SJ. Bibliographie. Vol. 6. Bruxelles, Paris: Schepens/Picard, 1895. 869 p.
4. Zawadzki K. Gazety ulotne polskie i Polski dotyczące XVI–XVIII wieku. Bibliografia. T. 1: 1514–1661. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1977. 228 s.

Энциклопедии, справочники и словари

1. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Том IXа. СПб.: типография Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1893. 974 с.
2. Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku. Z. 5: Wielkie Księstwo Litewskie / oprac. A. Kawecka–Gryczowa. Wrocław–Kraków: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1959. 270 s.
3. Enciclopedia italiana di scienze, lettere ed arti. T. 16. Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana fondata da Giovanni Treccani, 1949. 973 p.
4. Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy, 1564–1995 / oprac. L. Grzebień. Kraków: WAM, 1996. 888 s.
5. Juszyński H. Dykcjonarz poetow polskich. T. 2. Kraków: Drukarnia Józefa Mateckiego, 1820. 615 s.
6. Krasicki I. Zbior potrzebniejszych wiadomości, porządkiem alfabetu ułożonych. T. 2. Warszawa, Lwów: Michał Groll, 1781. 628 p.
7. Maciszewski J. Kryski Feliks vel Szczęsny z Drobnina (Drobina) h. Prawdzic // Polski słownik biograficzny. T. 15. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1970, S. 482–485.
8. Niesiecki K. Herbarz Polski. T. 7. Lipsk: Breitkopf i Haertel, 1841. 613 s.
9. Polski słownik biograficzny. T. 17 (Lewiński Franciszek Ksawery – Linde Adrian von der). Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1972. 640 s.
10. Sobieszcański F. M. Czasopisma polskie // Encyklopedia Powszechna Orgelbranda. T. VI. Warszawa: S. Orgelbrand, 1861. S. 304–353.
11. Wierzbowski T. Biblioteka Zapomnianych Poetow i Prozaików Polskich XVI – XVIII wieku. Warszawa: Józef Berger, 1886. 917 s.
12. Wierzbowski T. Materiały do dziejów piśmiennictwa polskiego i biografii pisarzy polskich. T. 1: 1398–1600. Warszawa: Drukarnia L. Szkaradziński i S-ki, 1900. 641 s.

Опубликованные и переизданные источники

1. Бобкова О. В. Лист писаря Великого княжества литовского Гелияша Пельgrimовского. Август 1600 г. // Исторический архив, № 6. 2004. С. 199–201.
2. Вержбовский Ф. Ф. Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях. Вып. 3: Смутное время в современной ему польской литературе. Ч. 1: 1605–1607. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1900. 163 с.
3. Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне, изданные Павлом Алексан. Мухановым. 2-е издание. СПб: типография Эдуарда Праца, 1871. 300 с.
4. Рукопись Жолкевского. Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского / сост. А. И. Цепков. Рязань: Александрия, 2006. 496 с.
5. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 1: Памятники, относящиеся к Смутному времени / [под ред. проф. С. Ф. Платонова]. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1872. 846 с.
6. *Album studiosorum Universitatis Cracoviensis* / red. A. Chmiel. Cracoviae: Universitatis Jagellonicae, 1904. Т. 3 : 1551–1606.
7. Anonim. O Dymitrze // *Pamiętnik sandomierski* / wyd T. Ujazdowski. Т. 2. Poszyt 7. Warszawa: [s.l.], 1830. S. 410–413.
8. *Archiwum domu Sapiehów*. Т. 1: Listy z lat 1575–1606 / wyd. A. Prochaska. Lwów: nakł. Rodziny, 1892. 577 s.
9. Bartoszewski W. Pienia wesołe dziełek, na przyjazd do Wilna króla JMści, Senatu y Rycerstwa tudzież mowa po rekuperowaniu Smoleńska JW. J. MC. P. Chrystophowi Montwidowi Dorohostayskiemu marszałkowi W. X. Lit. // *Moskiewski Mars. Wiersze polskie czasu pierwszej dymitriady (1605–1612)*. Antologia / [oprac. A. Oszczęda]. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2016. S. 374–386.

10. Chlebowski W. Tryumf radosny wszystkich obywatelów koronnych // Moskiewski Mars. Wiersze polskie czasu pierwszej dymitriady (1605–1612). Antologia / [oprac. A. Oszczyda]. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2016. S. 357–367.
11. Czubek J. Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego, 1606–1608. T. 1: Poezya rokoszowa. Kraków: nakł. Akademji Umiejętności, 1916. 375 s.
12. Diariusz Drogi Krola Jmci Zygmunta III Od Szczesliwego Wyjazdu Z Wilna Pod Smolensk W Roku 1609 a Die 18 Augusta I Fortunnego Powodzenia Przez Lat Dwie Do Wziecia Zamku Smolenska W Roku 1611 / [oprac. J. Byliński]. Wrocław: Wydawn. Uniwersytetu Wrocławskiego, 1999. 302 s.
13. Gradowski F. Hodoeporicon Moschicum. Wyprawa moskiewska. Warszawa: Instytut Badań Literackich, 2011. 163 p.
14. Jurkowski J. Tragedia o polskim Scylurusie y o trzech synach koronnych Oyczyzny polskiej / oprac. S. Pigoń. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1949. 68 s.
15. Klonowic S. F. Dzieła Fabiana Sebastiana Klonowicza / wyd. J. N. Bobrowicz. Lipsk: druk. Breitkopfa et Haertela, 1836. T. II. 158 s.
16. Krajewski J. Chronologia wojny Moskiewskiej przez Jana Krajewskiego pilnie opisana // Moskiewski Mars. Wiersze polskie czasu pierwszej dymitriady (1605–1612). Antologia / [oprac. A. Oszczyda]. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2016. S. 454–480.
17. Krajewski J. Tryumph poznański Ná radosną victoryą K. Je° M. po wzięciu Smoleńská, który się odprávvovvał 3 dnia Lipcá 1611. Przez Jana Kraiewskiego Kom. K. J. M. teraz novvo vvydány. Moskiewski Mars. Wiersze polskie czasu pierwszej dymitriady (1605–1612). Antologia / [oprac. A. Oszczyda]. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2016. S. 367–374.
18. Marchocki M. Historia wojny moskiewskiej // Moskwa w rękach Polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610-1612 / Oprac. Kubala M., Ścieżor T. Kraków: Platan, 1995. S. 53–55.

19. Miaskowski K. Zbiór rytmów / wyd. A. Nowicka-Jeżowa // Biblioteka pisarzy staropolskich. Warszawa: Instytut Badań Literackich PAN, 1995. T. 3. 494 s.
20. Moskiewski Mars. Wiersze polskie czasu pierwszej dymitriady (1605–1612). Antologia / [oprac. A. Oszczyda]. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2016. 524 s.
21. Ozimiński B. Szturm pocieszny smoleński // Moskiewski Mars. Wiersze polskie czasu pierwszej dymitriady (1605–1612). Antologia / [oprac. A. Oszczyda]. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2016. S. 330–340.
22. Palczowski P. Kolęda moskiewska / wyd. i oprac. G. Franczak // Biblioteka Dawnej Literatury Popularnej i Okolicznościowej. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2010. T. 6. 146 s.
23. Petrycy S. Horatius flaccus w trudach więzienia moskiewskiego. Warszawa: Instytut Badań Literackich PAN, 2006. 458 s.
24. Piasecki P. Kronika Pawła Piaseckiego, biskupa przemyskiego / polski przekład wedle dawnego rękopisu, poprzedzony studjum krytycznym nad życiem i pismami autora / wstęp J. Bartoszewicz, przekł. A. Chrzęszczewski. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1870. 457 s.
25. Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. Poselstwo do Zygmunta Trzeciego / wyd. i oprac. R. Krzywy. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2010. 454 s.
26. Rymsza A. Deketeros akroama, to jest Dziesięćcrocna powieść wojennych spraw Krysztofa Radziwiła // Archiwum Literackie. T. XVI. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1972. S. 133–223.
27. Strykowski M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmiem pilnego doświadczenia / oprac. J. Radziszewska. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1978. 762 s.
28. Świątkiewicz A. Ostatni szturm na Smoleńsk // Kwartalnik Historyczny. T. 6. Lwów: TH, 1892. S. 90–92.

29. Szymon Marycjusz z Pilzna. O szkołach, czyli akademiach ksiąg dwoje / przeł. A. Danysz, wstęp H. Barycz. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1955. 269 s.
30. Tryumf niezwyciężonemu monarsze Zygmuntowi III, z łaski Bożej królowi polskiemu // Moskiewski Mars. Wiersze polskie czasu pierwszej dymitriady (1605–1612). Antologia / [oprac. A. Oszczyda]. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2016. S. 349–356.
31. Witkowski S. Wanda na szczęśliwe zwrócenie Je[go] Królewskiej Miłości z zwycięstwa moskiewskiego // Moskiewski Mars. Wiersze polskie czasu pierwszej dymitriady (1605–1612). Antologia / [oprac. A. Oszczyda]. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2016. S. 386–396.
32. Witkowski S. Safo słowieńska na grzmotną sławę z zwycięstwa smoleńskiego // Moskiewski Mars. Wiersze polskie czasu pierwszej dymitriady (1605–1612). Antologia / [oprac. A. Oszczyda]. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2016. S. 396–417.
33. Żółkiewski S. Pisma Stanisława Żółkiewskiego kanclerza koronnego i hetmana / wyd. A. Bielowski. Lwów: Drukarnia Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, 1861. 628 s.
34. Żółkiewski S. Początek i progres wojny moskiewskiej / wstęp i komentarz W. Sobieskiego. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1920. 100 s.
35. Żółkiewski S. Początek i progres wojny moskiewskiej, powst. 1612 / wyd. K. Słotwiński pt. Historia wojny moskiewskiej aż do opanowania Smoleńska. Lwów: [s.l.], 1833. 213 s.

Старопечатные источники

1. Avviso della gran vittoria ottenuta da Sigismondo III, re di Polonia, appresso Riga, il 27 settembre 1605, contro il duca Carlo di Sudermania. Roma: Guglielmo Facciotto. 1605. 4 k.

2. Bartoszewski W. Pienia wesołe dziełek, na przyjazd do Wilna króla JMści, Senatu y Rycerstwa tudzież mowa po rekuperowaniu Smoleńska JW. J. MC. P. Christophowi Montwidowi Dorohostayskiemu marszałkowi W. X. Lit. Wilno: Jan Karcan, 1611. 16 k.
3. Bartoszewski W. Trzy columny od trzech cnot na pogrzeb godney pamięci kniazia Mikołaiia Kroszyńskiego, dzielnego y zacnie urodzonego rycerza, w Moskwie pod Smoleńskiem zmarłego. Przez Walentego Bartoszewskiego na wieczną pamiętkę wystawione. Probos mores, sua praemia non relinquunt. W Wilnie: w drukarni Jana Karcana. 1611. 16 k.
4. Bielski M. Kronika tho iest historia swiata na sześć wiekow. Kraków: v Máttheuszá Siebeneychera, 1564. 467 k.
5. Bielski M. Kronika wszystkiego świata na sześć wieków, monarchie cztery rozdzielona, z kosmografią i z rozmaitemi królestwy, tak pogańskimi, żydowskiemi, jako i krześcijańskimi, z Sybillami i prorocctwy ich, po polsku pisana, z figurami, w której też żywoty cesarskie, papieskie i tych królów z ich królestwy, asyryjskich, egipskich, żydowskich, greckich, perskich, tureckich, węgierskich, czeskich i inych królów, książąt, jako inych przełożonych, od początku świata aż do tego roku, który się pisze 1551, są wypisane, między któremi też nasza Polska na ostatku z osobna jest wypisana. W Krakowie : [u Unglerowej] wdowy, [1551]. 823 s.
6. Bielski S. Diariusz Wiadomości od wyjazdu K.I.M. z Wilna do Smoleńska. [S.l., 1610]. 36 s.
7. Biesiady Rozkoszne Bałtyzera z Kaliskiego Powiatu. [S.l., po 1610]. 20 k.
8. Borastus G. Panegyricus Sigismundo III. Poloniae et Sveciae Regi etc. etc. invictissimo a Gregorio Laurentio Borasto Gotto dicatus. Vilnae: in typograpia Petri Blasti, 1611. 4°. 42 k.
9. Breve e vera relazione dell'acquisto e la presa della città di Smolensk in Moscovia. Roma: Giacomo Mascardi, 1611. 4 k.
10. Chlebowski W. Tryumf radosny wszystkich obywatelów koronnych y wielk. księztwa litewskiego, z sławnego zwycięztwa Nayiaśnieyszego i

- niezwyciężonego monarchy Zygmunta III., który po wzięciu stolicy Moskiewskiej y zamków przyległych, napotęźniejszy Smoleńsk szczęśliwie opanował. Kraków: [s.l.], 1611. 4 k.
11. De scholis seu academiis libri duo. Kraków: drukarnia H. Szarffenberg, 1551. 192 s.
  12. Drei merkliche Relationen. Erste von der Viktoria Sigismunds III., des Königs von Polen und Schweden, welche er über die Moskowiter erhalten und die Festung Smolensk, am 13. Juni 1611 erobert hat. Augsburg: Chrysostomus Dabertzhoffer, 1611. 8 k.
  13. Ein neues Lied von der Belagerung der Stadt Riga und Schlacht bei Kirchholm zwischen dem Feldobersten von Polen Johann Karl Chodkiewicz und Herzog Karl aus Schweden am 27. September 1605. [S.l.], 1605. 8 k..
  14. Gradovius F. Hodoeporicon Moschicum Illustrissimi Principis ac Domini Christophori Radivvilonis, Ducis in Birza et Dubinga, Castellani Trocensis, Vicecancellarij et campiductoris in Magno Ducatu Lituaniae, Capitanei Borissoviensis et Solecensis etc. Scriptum a Francisco Gradouio. Vilnae: [s.l.], 1582. 18 p.
  15. Grochowski S. Piesni na fest ućieszny wielkim dwiema narodom polskiemu y moskiewskiemu, przemoznego monarchy Dymitra Iwanowica cara moskiewskiego [...] od autora powtore wydane, z przyczynieniem niektorych rytmow, do slawy tegoz wielkiego cara sluzacych. W Krakowie: w drukarniey Jana Szeligi, 1606. 17 k.
  16. Gwagnini A. Kronika Sarmacyey Europejskiej, w ktorey sie zamyka krolestwo Polskie...: Tudziez też Wielkie Xięstwo Litewskie, Ruskie, Pruskie, Zmudzkie, Inflantskie, Moskiewskie y część Tatarow Przez Alexandra Gwagnina [...] Pierwey Roku 1578 po Lacinie wydana ; A teraz zas z przyczynieniem tych Krolow, ktorych w Lacińskiej niemaß, Tudziez krolestw [...] Przez tegoz Authora [...] Rozdziałami na X Ksiąg krociuchno zebrana, A przez Marcina Paszkowskiego za staraniem Authorowym z Lacińskiego na Polskie przełożona. Kraków: Drukarnia Mikołaiia Loba, 1611. 843 s.

17. Herberstein S. von. *Rerum Moscoviticarum Commentarii*. Basileae: Per Ioannem Oporinum, 1556. 175 p.
18. Hoffmanski M. *Wojna smoleńska, w której słuszne przyczyny Króla Jego Mości podniesienia wojny [...] przytem wyprawa, ciągnienie, powód wzięcia i opanowania Moskwy [...] do tego i szturm Smoleńska szczęśliwy [...] także tryumfy Króla Jego Mości [...] krótko opisane*. Poznań: J. Wolrab, 1611. 67 k.
19. Hofmański, Michał. *Porażka cudowna wojska moskiewskiego*. Poznań: Jan Wolrab, 1611. 8 k.
20. Horatius Flaccus. *Poetarum institutiones ad pisones*. Q. Horatij flaccij *Carmen seculare*. G. L. Cracovie: Kasper Hochfeder, 1505. 16 k.
21. Hyacinthus B. *Panegyricus In Excidium Polocense atq[ue] in memorabilem Victoriam Stephani invictissimi Poloniarum Regis magniq[ue] Ducis Lituaniae ex potentissimo Moschorum Principe III. Cal. Septemb. MDLXXIX. Reportatam*. Patavii: apud Laurentium Pasquatam, 1580. 24 p.
22. *In triumpho serenissimi ac potentissimi principis Sigismundi III. Poloniae et Sveciae Regis etc. etc. è Moscovia post insignes gloriose partas victorias feliciter redeuntis. Oratio Caesaris Baroffii Mediolanensis J. V. D. protonotarii ap. et illustrissimi ac reverendissimi Domini D. Comitis Francisci Simonetae, episcopi Fulginatensis, nuncii in Regno Polon. apostolici, a secretis*. Vilnae: Petri Blasti Kmitae, 1612. 15 k.
23. Jurkowski J. *Hymenaeus niaśnieysze[go] monarchy Dymitra Iwanowica, z łaski Bożey wielkiego cara moskiewskiego, wołodimirskie[go], rezańskie[go], nowogrodzkiego, etc. etc., wielkieg[o] hospodara iugurskieg[o], lapskiego, obdorskiego, etc. etc., cara razańskiego, astrahańskiego, sibirskiego, inowłayce y dziedzica ruskiego, y niasnieyszey paniey, iey mości paniey Marynie, carowey moskiewskiey etc. etc., iaśnie wielmożne[go] pana, p[ana] Ierze[go] Mniszka [sic] z Wielkich Kończyc, wojewody sędomiarskiego, lwowskiego, samborskiego, medeńskiego etc. starosty, córki; przez Iana Iurkowskiego wydany*. Kraków: Wojciech Kobyliński, 1605. 6 k.

24. Klonowic S. F. Pożar wojny Tureckiej. Upominanie do gaszenia i wróżka o upadku mocy tureckiej. [S.l.], 1597. 16 k.
25. Kobierzycki S. Historia Vladislai Poloniae et Sueciae principis, ejus natales, infantiam, electionem usque ad excessum Sigismundi III. Gdańsk: sumptibus Georgii Försteri, 1655. 952 p.
26. Krajewski J. Chronologia woyny Moskiewskiey przez Jana Krajewskiego pilnie opisana. 1615. Cic. Is est verus triumphus cum bene meritis de Repub. testimonium a consensu civitatis datur. Honor enim est praemium virtutis studio judicioque alicujus ad aliquem delatum etc. Szablą słynąc, piękna rzecz, kto na sławę robi: Pismem się cnota każda winosi y zdo. Kraków: Bazyli Skalski drukował, [1615]. 32 k.
27. Krajewski J. Tryumph poznański Ná radosną victoryą K. Je^o M. po wzięciu Smoleńską, który się odprávvovwał 3 dnia Lipcá 1611. Przez Jana Kraiewskiego Kom. K. J. M. teraz novvo vvydány. Poznań: w drukárniey Janá Wolrabá, 1611. 5 k.
28. Krótkie a prawdziwe opisanie wzięcia Smoleńska. [S.l.], 1611. 2 k.
29. Libenrodensi I. M. Divina gratia imperante Sigismundo Augusto Polonorum rege potentissimo, Magno Lithuaniae Duce etc. Victoria de Moschis reportata a Magnifico Domino Gregorio Chodcieuitio Castellano Vilmensi, Capitaneo Grodnensi, stipendiarii militis supremo gubernatore. Viennae: ex officinal Michaelis Zimmermani, 1564. 24 p.
30. Liffel S. Gody moskiewskie tamże na Moskwi opisane. Kraków: w drukarni Symona Kęmpiniusa, 1607. 16 k.
31. Loechius A. Na szczęśliwe y pożądane zwrocenie się JK Mści Zygmunta III do Wilna po rekuperowaniu Smoleńska. Wilno: [s.l.], 1611. 8 k.
32. Łubieński S. Oratio salutatoria a Stanislao Lubienio Canonico Varsav. ad Sigismundum III cum capto Smolensco, Varsaviam redux Basilicam visitaret, nomine Capituli Varsaviensis. [S.l.], 1611. 8 k.
33. Mercurius Sauromaticus sive rerum in septentrionalibus regnis in decursu 1605 anni gestarum, relatio in gratiam lectoris novorum cupidi ex peregrino idiomate

- in Latinum versa. Darzu Eigentliche Beschreibung der Königlichen Hochzeit in Polen. Welcher gestalt der Eintritt, Krönung, Vermehlung, auch andere Ceremonien und Solennitäten, vorgangen: Dessgleichen was sonst für Pracht und Pomp, getrieben, so vor dieser Zeit nie gesehen noch gehört worden. Gehalten in der Königlichen Statt Cracaw, im Monat Decemb. nechst abgewichenen 1605 Jahrs. Mainz: [s.l.], 1606. 12 k.
34. Miaskowski K. *Nenia na rozruch domowy // Zbiór rytmów*. Kraków: drukarnia B. Skalski, 1612. 275 s.
  35. Modrzewski F. A. *Andrzeia Fricza Modrzewskiego O poprawie Rzeczypospolitey księgi czwore. Przez Cypriana Bazilika z lacińskiego na Polski przetłumaczone*. Łosk: Jan Karcan, 1577. 299 s.
  36. Modrzewski F. A. *Commentariorum de Republica emendanda libri quinque*. Basileae: J. Oporinus, 1551. 393 s.
  37. Montelupi V. *Gratulationes in reditum Serenissimi et Potentissimi Sigismundi III. D. G. Poloniae et Sveciae Regis Magnique Lithuaniae Ducis etc. Victoris, de Moschovia triumphantis a Valerio Montelupi de Mari philosophiae studioso in collegio romano Societ. Jesu. Posnaniae: ex typographia Joannis Wolrabi*. 1611. 51 k.
  38. *Nowiny z Inflant o porażce, która się stała nad Karolem, księciem Sudermańskim przez Jana Karola Chodkiewicza dnia 27 września 1605*. Kraków: Mikołaj Scharffenberger, 1605. 4 k.
  39. *O rekuperowaniu Smoleńska od Moskwy przez Zygmunta III dnia 13 czerwca 1611*. Wilno: Jan Karcan, 1611. 4 k.
  40. Ozimiński, Baltazar. *Szturm pocieszny smoleński, który był odprawowany szczęśliwie w roku terażniejszym 1611, 13 dnia czerwca*. Wilno: Jan Karcan, 1611. 8 k.
  41. Palczowski P. *Kolęda moskiewska. To iest, Woyny Moskiewskiej, Przyczyny Sluszne, Okazyja pozadana, Zwycięstwa nadzieia wielka, Państwa tam tego pożytki y bogactwa, nigdy nieoszacowane. Krótko opisane Przez Pawła*

- Palczowskiego, z Palczowic, Szlachćica Polskiego. Kraków: Mikołaj Szarffenberger, 1609. 36 k.
42. Palczowski P. Status Venetorum Fsiue Brevis tractatus de origine et vetustate Venetorum, traktat po łacinie o ustroju Republiki Weneckiej. Cracoviae: in officina Lazari, 1604. 47 s.
43. Palczowski P. Wyprawa wojenna Króla Jego Mości do Moskwy da Bóg szczęśliwa, Rzeczypospolitej naszej pożyteczna. Wilno: Jan Karcan, 1609. 15 k.
44. Paszkowski M. Opisanie wzięcia Smoleńska przez niezwycięzonego monarchę Zygmunta III / Gwagnini A. Kronika Sarmacyjej Europejskiej. Kraków: Mikołaj Lob, 1611. Ks. 7. S. 80–81.
45. Paszkowski M. Posiłek Bellony słowieńskiej szlachetnemu rycerstwu Dymitra Iwanowicza W[ielkiego] Cara Moskiewskiego przeciwko Sujskiemu i inszym zdrajcom jego. Marcina Paszkowskiego. W Krakowie: [s.l.], 1608. 8 k.
46. Paszkowski M. Wizerunk wiecznej sławy Saurmatow starych, pobudzający młódz rycerską ku naśladowaniu spraw ich. Od szlachetnej Pallady, z Gniazda cnót ich, w ojczystym Parnasie wbudowany. A przez Marcina Paszkowskiego, z przykłady mężów rzymskich, onych wielkich miłośników Ojczyzny, opisany i wydany. Hic sibi delegit sedem pulcherrina virtus, Hinc sua Sauromatas, fors super astra vehit. Kraków: u dziedziców Jakuba Siebeneichera, 1613. 11 k.
47. Paszkowski M. Wykład bogiń słoweńskich, wesołego widzenia słońca z Panną, w złotym kole nad Krakowem. [S.l.], 1608. 8 k.
48. Petrycy S. Horatius Flaccus w trudach więzienia moskiewskiego na utulenie żalów... w lyryckich pieśniach zawarty. Kraków: w drukarni Bazylego Skalskiego, 1609. 204 s.
49. Piasecki P. Chronica gestorum in Europa singularium. Kraków: drukarnia F. Cezary, 1645. 627 s.
50. Pieśń o tyránstwie Szuyskiego, teraz uczyniona Roku Panskiego 1609. [S.l.], 1609. 2 k.

51. Poseł z Moskwy, który przez Litwę idąc, potkał go szlachcic polski i pytał o nowiny. [S.l.], 1608. 6 k.
52. Radawski A. Victoria de Moscho, Sigismundo III. Rege Maximo, triumphatore regnante, relata. Illustribus et Magnificis D. Joanni, D. Constantino Principibus Ostrogiensibus, Palatin. Wolynensibus dicata ab Alberto Radawski S. C. Cracoviae: In Offic. Joannis Scharffenberger, 1611. 2 k.
53. Radvanus I. Radivilias, sive, De vita, et rebus praeclarissime gestis, immortalis memoriae, illustrissimi principis Nicolai Radivili Georgii filii, ducis in Dubinki ac Bierze [...] libri quatuor, Ioannis Radvani Lit[uani]; iussu ac auctoritate mag. d. Ioannis Abramowicz, in Worniany [...] Addita est oratio funebris, generosi d. Andreae Volani, secretarii sacrae regiae magestatis, et quorundam auctorum epigrammata, vilnae metropoli lituanorum: ex officina Ioannis Kartzani. Vilnae: Ex Officina Joannis Kartzani, [1592]. 168 s.
54. Rudimenta cosmographica. Kraków: Universitatis Jagellonicae, 1530. 78 k.
55. Rymsza A. Deketeros Akroama to jest dziesięćroczna powieść wojennych spraw oświeconego księżęcia i pana, pana Krzysztofa Radziwiła, księżęcia na Birżach i Dubinek, pana trockiego, podkanclerzego Wielkiego Księstwa Litewskiego i hetmana polnego, borysowskiego, soleckiego etc. starosty. Ku temu posługi niektórych rotmistrzów i ludzi rycerskich pod sprawą jego mości będących są przypomnione i imiona napisane, która się poczyna od roku po narodzeniu Pana Chrystusowym 1572 aż do roku, który pisano 1582. Wilno: przez Daniela Łęczyckiego, 1585. 88 s.
56. Semusouio I. S. Conflictus ad Nevelam Polonorum cum Moschis. Bononiae: [s.l.], 1568. 68 p.
57. Skarga P. Na Moskiewskie zwycięstwo Kazanie y Dzięki Panv Bogv. Czynnione w Wilnie 25. Iulii, w dzień S. Iákubá, 1611. ná przyjazd szczęśliwy Krolá I. M. Przez X. Piotra Skarge Societatis Iesv. W Krakowie: z Drukarni Andrzeia Piotrkowczyka, 1611. 8 k.

58. Strykowski M. *Goniec cnoty do prawych slachciczow w którym są przykłady spraw mężow zacnych. Przytym napominanie Oyczyzny ku prawdziwym synom.* Kraków: Maciej Wirzbięta, 1574. 85 k.
59. Strykowski M. *Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi.* Krolewiec: v Gerzego Osterbergerá, 1582. 791 s.
60. *Szturm smoleński.* Poznań: Jan Wolrab, 1611. 1 k.
61. *Tryumf niezwycięzonemu monarsze Zygmuntowi III.* Kraków: B. Skalski, 1611. 4 k.
62. Twardowski S. *Władysław IV, król polski i szwedzki.* Leszno: drukarnia D. Vetter, 1649. 275 s.
63. *Viktoria Sigismundi III., Königs von Polen und Schweden, welche er über der Moskowiter Festung Smolensk erhalten und dieselbige am 13. Juni 1611 erobert hat.* [S.l.], 1611. 4 k.
64. *Viktoria und Sieg Sigismundi III., welche Ihre Königliche Majestät am 13. Juni 1611 wider die Festung Smolensk erhalten hat.* [S.l.], 1611. 4 k.
65. *Wahrhaftige Neue Zeitung und Beschreibung der sieghaften Schlacht Sigismundi III., Königs von Polen, durch Carolum Chodkiewicz mit Carolo Fürsten von Sudermanland.* [S.l.], 1605. 5 k.
66. Wassenberg E. *Gestorum Wladislai IV, Poloniae et Succide Regis, pars I principem panegyricè representans, pars II Regem panegyricè repraesentans.* Gedanii: typis Hünefeldianis, 1643. 208+257 (465) s.
67. Witkowski S. *Sapho Słowienska Ná grzmotną sławę z zwycięstwá Smolenskiego. Ku oddániu winnego podziękowánia Przedwiecznemu, á wieczney pámiątce y nieśmiertelney sławie Iego Krolewskiey Miłóści Páná, Páná nam szczęśliwie pánującego. Stanisława Witkowskiego, wiernego poddánego Io Krolewskiey Miłóści. Ouidius Lib. 12. Methamor. Fama tenet, summaq; domum sibi legit in arce, Innumerosq; aditus, ac mille foramina tectis Addidit, & nullis inclusit limina portis. Nocte dieq; patet, tota est ex aere sonanti, Tota fremit, vocesq; refert, iteratq; quod audit.* Kraków: z Drukárni Andrzeiá Piotrkowczyká, 1611. 16 k.

68. Witkowski S. Wanda Ná szczęśliwe zwrocenie Ieo Krolewskiej Miłości z zwycięstwá Moskiewskiego. Pod consultáciami Seymu wálnego Wárszawskiego, w Roku 1611. Dniá 26. Mieściá Wrześniá. Pisana przez Stanisława Witkowskiego. Euripides. Consilium sapienter inimum, multas manus vincit: imperitia verò cum multitudine, deterius malum est. W Krakowie: z Drukarni Andrzeiá Piotrkowczyká, 1611. 8 k.
69. Żabczyc J. Mars moskiewski krwawy. Kraków: drukarnia M. Szarffenbergera, 1605. 24 k.
70. Żabczyc J. Mars moskiewski krwawy (wyd. 2). Kraków: drukarnia M. Szarffenbergera, 1606. 24 k.
71. Żabczyc J. Poseł moskiewski. Kraków: drukarnia M. Szarffenbergera, 1605. 8 k.
72. Żabczyc J. Poseł moskiewski (wyd. 2). Kraków: drukarnia M. Szarffenbergera, 1606. 8 k.
73. Żabczyc J. Żegnanie ojczyzny możnej cesarzowej moskiewskiej. Kraków: drukarnia M. Szarffenbergera, 1606. 8 k.

Изобразительные источники

1. Бурова О., Иванов В. С. "Нет такой силы, которая поработила бы нас" (Кузьма Минин). Плакат. М.: Издательство "Искусство", 1942. 1 л.
2. Бурова О., Иванов В. С. "Наша правда. Бейтесь до смерти!" (Дмитрий Пожарский). Плакат. М.: Издательство "Искусство", 1942. 1 л.
3. Dolabella T. Zygmunt III jako zwycięzca pod Smoleńskiem (w stroju polskim). Miedzioryt T. Dolabelli z 1611 r. Dział Dokumentacji Muzeum Narodowego w Warszawie. Fot. ze zb. Muzeum Narodowego w Warszawie. 1 k.
4. Dolabella T. Zygmunt III jako wódz w kampanii 1609. Miedzioryt W. Kiliana, dedykacja królowi. Muzeum Hist. m. st. Warszawy Fot. M. H. m. st. Warszawy. [S.l.], 1609. 1 k.

Научные исследования

1. Александренко В. Н. Материалы по Смутному времени на Руси XVII в. // Старина и новизна. Кн. 14. 1911. С. 185–453.
2. Александров С. В. Смоленская осада. 1609–1611. М.: Вече, 2011. 304 с.
3. Антонов Д. И. Потешный ад Лжедмитрия, или монстр на Москве-реке // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Вып. 2 / отв. ред. и сост. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова. М., 2013. С. 45–56.
4. Антонов Д. И. Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII в. М.: РГГУ, 2009. 448 с.
5. Аржакова Л. М. Турецкая тема в «Сеймовых проповедях» Петра Скарги // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 5. СПб., 2005. С. 75–86.
6. Аржакова Л. М. Турецкий вопрос в польской публицистике конца XVI века: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Москва, 1999. 233 с.
7. Бокман Х. Немецкий орден: Двенадцать глав из его истории. М.: Ладомир, 2004. 273 с.
8. Войтак М. Генология обиходных текстов // Жанры речи. № 1(11), 2015. С. 38–50.
9. Гипич В. В. Московское государство первой половины XVII в. и «Смутное время» в сочинениях польских мещан // Смутное время в России: конфликт и диалог культур. СПб., 2012. С. 55–59.
10. Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение и славянская литература XV–XVI веков. М.: Издательство АН СССР, 1963. 415 с.
11. Граля Х. «In der Tyrannen Hand»: Русская колонизация Ливонии во второй половине XVI в. Планы и результаты // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 2(16). 2014. С. 175–193.

12. Дворниченко А. Ю. Смута как фактор российской истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 677–701.
13. Дзярновіч О. І. Поэма Матея Стрыйковского «Битва под Улой» (1564 г.): Образный ряд и событийная конкретика // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 2(8). С. 127–134.
14. Дорошкевич В. И. Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы: первая половина XVI в. Минск: Наука и техника, 1979. 208 с.
15. Жукович П. Н. Московская смута начала XVII века и ее отражение в литовско-польском государстве // *Христианское чтение*. 1902. № 11. С. 629–664.
16. Кавалёў С. Гераіка-эпічная паэзія Беларусі і Літвы канца XVI ст. Мінск: Універсітэцкае, 1993. 102 с.
17. Кавалёў С. Шматмоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага эпохі Рэнесансу. Мінск: Кнігазбор, 2010. 376 с.
18. Карнаухов Д. В. Исторический образ Московии в польской хронографии эпохи Возрождения // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 10. С. 101–114.
19. Карнаухов Д. В. Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск: НГПУ, 2010. 291 с.
20. Карнаухов Д. В. Польскоязычная историческая книга в интеллектуальной культуре эпохи Возрождения // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2008. № 3. С. 34–37.
21. Карнаухов Д. В. Проблема русских летописных источников Яна Длугоша и Мачея Стрыйковского в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346. С. 69–73.
22. Козляков В. Н. Лжедмитрий I. М.: Молодая гвардия, 2009. 256 с.
23. Костомаров Н. И. Смутное время. Московское государство в начале XVII столетия. Исторические монографии и исследования. М., 2008. 784 с.

24. Курбатов О. А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М.: Квадрига, 2014. 232 с.
25. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб.: Александрия, 2008. 400 с.
26. Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Крестьянское восстание под предводительством И. И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России в XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974. С. 327–353.
27. Некрашевич-Короткая Ж. В. Латиноязычные поэты XVI–XVII веков — просветители Беларуси и новолатинская поэзия как феномен белорусской книжной культуры // Роль просветителей в Беларуси и Турции: материалы международной научно-практической конференции (Минск, 19 апр. 2011 г.). Минск: РИВШ, 2011. С. 84–89.
28. Некрашэвіч-Короткая Ж. В. Беларуская лацінамоўная паэма: позні Рэнесанс і ранняе Барока. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2011. 231 с.
29. Некрашэвіч-Короткая Ж. В. Слава і плач патрыёта і прарока: паэма “Philopatris” (1597) // Acta Albaruthenica. 2003. № 3. С. 8–10.
30. Николаев С. И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 163–192.
31. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
32. Пенской В. В. Русская Смута начала XVII в. – локальное явление или часть общемирового процесса? // Смутное время в России: конфликт и диалог культур. СПб., 2012. С. 234–238.
33. Прохоренков И. А. «Наши в сумраке багровом к стенам с бомбами пришли...». Штурм Смоленска глазами польского поэта // Родина. 2013. № 9. С. 29–30.
34. Прохоренков И. А. Военная и политическая печатная пропаганда Речи Посполитой в конце XVI – начале XVII века: Печатники на королевской службе // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2021. № 2. С. 53–63.

35. Прохоренков И. А. Загадка соавтора «Хроники Европейской Сарматии» Александра Гваньини (по поводу книги Михала Курана «Marcin Paszkowski – poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku») // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1. С. 193–205.
36. Прохоренков И. А. Павел Влодковиц. Конфликт Польши и Немецкого ордена на Констанцском соборе [Электронный ресурс] // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXIII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (26–29 ноября 2013 года) / Под.ред. А. Ю. Прокопьева. СПб., С. 103–110.
37. Прохоренков И. А. Польско-литовская литературная пропаганда периода Смутного времени: к вопросу периодизации // *Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 24–25 мая 2022 г.* / Отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. С. 43–47.
38. Прохоренков И. А. Польско-литовская поэтическая пропаганда и ее образный ряд (на примере редких изданий панегирической поэзии эпохи первой димитриады в коллекциях РНБ) // *Книжная старина*. Вып. 4. 2018. С. 41–56.
39. Прохоренков И. А. Проект польско-российской унии и посольство Льва Ивановича Сапеги 1600 г. на страницах рифмованного диариуша Гелиаша Пельгримовского // *Вестник СПбГУ. История*. 2018. № 3. С. 702–717.
40. Прохоренков И. А. Собирая древнерусское наследство: дискурсы истории и географии русских земель в хронографах XVI – первой четверти XVII вв. и в восточноевропейском историческом нарративе // *Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского*. 2017. № 2. С. 63–71.
41. Прохоренков И. А., Эйльбарт Н. В. Военная и политическая агитация Речи Посполитой против Ивана Грозного: по материалам разножанровых

- литературных памятников эпохи Ливонской войны // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 6. С. 432–448.
42. Рогов. А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М.: Наука, 1966. 311 с.
  43. Селин А. А. Смутное время в историографии последних лет // Смутное время в России: конфликт и диалог культур. Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 12–14 октября 2012 года. СПб., 2012. С. 223–227.
  44. Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. Смута. М.: Мысль, 1988. 283 с.
  45. Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве начала XVII века. Л.: Издательство ЛГУ, 1985. 327 с.
  46. Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 881 с.
  47. Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М.: Наука, 1973. 224 с.
  48. Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М.: Индрик, 2005. 416 с.
  49. Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М.: Наука, 1978. 302 с.
  50. Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский на с братьями на варшавском сейме. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1905. 43 с.
  51. Шамин С. М. Иностранцы «памфлеты» и «куръезы» в России XVI – начала XVIII столетия. М.: Издательство «Весь Мир», 2020. 391 с.
  52. Эйльбарт Н. В. «Гораций для Марины Мнишек»: герои Смутного времени в поэзии Себастьяна Петрици // Научный диалог. 2017. № 2. С. 216–233.
  53. Эйльбарт Н. В. Морально-нравственный аспект поддержки польской шляхтой русских самозванцев начала XVII века: по источникам польско-литовского происхождения // Научный диалог. 2017. № 1. С. 204–214.

54. Юсим М. А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. Этика Макиавелли. Макиавелли в России. М.: КАНОН+, 2011. 580 с.
55. Balbuza K. Triumfator. Triumf i ideologia zwycięstwa w starożytnym Rzymie epoki cesarstwa. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2005. 358 s.
56. Bandtkie J. S. Wiadomość krótka o Gazetach Polskich, czytana na posiedzeniu Towarz. 15 Maia 1817 // Rocznik Towarzystwa Naukowego z Uniwersytetem Krakowskim Połączonego. T. 4. Kraków, 1819. S. 205–224.
57. Baranowski B. Znajomość Wshodu w dawnej Polsce do XVIII wieku. Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe, 1950. 256 s.
58. Bardach J. Historia państwa i prawa Polski. T. 1: Do połowy XV wieku. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964. 600 s.
59. Barłowska M. „Bo przystoi, by mężne tak wieziono ciała”. Mowy przy wyprowadzeniu ciała rycerza z obozu // Wschodni Rocznik Humanistyczny. T. 7. 2010–2011. S. 57–69.
60. Barłowska M. Słowo na theatrum wojny, czyli mowy pozostałe po czasach Dymitriad. Epizod smoleński // Napis. Seria XII. 2006. S. 209–229.
61. Bąkowski K. Dziennikarstwo krakowskie do roku 1848 // Rocznik Krakowski. T. 8. Kraków, 1906. S. 129–188.
62. Bentkowski F. Historya literatury polskiej. T. 2. Warszawa: Drukarnia Rządowa, 1814. 830 s.
63. Borek P. Hetman Stanisław Żółkiewski w poezji rokoszowej z lat 1606–1608 // Napis. 2006. Seria XII. S. 49–62.
64. Buchwald-Pelcowa, P. Emblematy w drukach polskich i Polski dotyczących XVI–XVIII wieku. Bibliografia. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1981. 307 s.
65. Budzyńska-Daca A. O cudownym rozmnożeniu Dymitrów, czyli retoryka wielkiej mistyfikacji // Napis. Seria XII. 2006. S. 157–169.
66. Byliński J. Sejm z 1611 roku: w nowum opracowaniu. Wrocław: E-Wydawnictwo, 2016. 252 s.

67. Chłędowski A.T. O początkowych pismach periodycznych w języku polskim // *Pamiętnik Lwowski*. T.1, № 2. Lwow, 1816. S. 122–133.
68. Chrościcki J. A. Sztuka i polityka: funkcje propagandowe sztuki w epoce Wazów 1587–1668. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1983. 278 s.
69. Ciszewska M. Tulusz domowy: świeckie oratorstwo szlacheckie kręgu rodzinnego (XVII–XVIII wiek). Warszawa: Instytut Badań Literackich PAN, 2016. 579 s.
70. Czajewski W. Warszawa ilustrowana. T. IV: Czasopiśmiennictwo. Warszawa: Drukarnia Estetyczna Sierpińskiego, 1896. 160 s.
71. Czapliński W. O Polsce Siedemnastowiecznej. Problemy i sprawy. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1966. 291 s.
72. Czekańska A. Drugi etap rokoszu Zebrzydowskiego (X 1606 – VI 1608) w świetle wybranych druków ulotnych // *Acta Universitatis Lodzensis. Folia historica*, 96. 2016. S. 19–41.
73. Czwółek A. Lew Sapieha, dyplomata w służbie Zygmunta III // *Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час*. Гродна: ГрДУ, 2007. S. 123–139.
74. Drob J. A. Obieg informacji w Europie w połowie XVII wieku. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 1993. 282 s.
75. Dziechcińska H. Zabawa jako komponent życia literackiego w dawnej Polsce // *Z dziejów życia literackiego w Polsce XVI i XVII wieku*. Praca zbiorowa pod red. H. Dziechcińskiej. Wrocław: Polska Akademia Nauk, 1980. S. 71–77.
76. Ehrlich L. Polski wykład prawa wojny XV wieku. Kazanie Stanisława ze Skarbimierza „De bellis iustis”. Warszawa: Wydawnictwo Prawnicze, 1955. 266 s.
77. *Europa triumphans: court and civic festivals in early modern Europe* / edit. J.R. Mulryne, H. Watanabe-O'Kelly, M. Shewring, E. Goldring, S. Knight. Vol. 1–2. Aldershot-Burlington, 2004. 602, 471 s.

78. Gajda M. Poselstwo Lwa Sapiehy w Moskwie w latach 1600–1601 w świetle polskich relacji dyplomatycznych oraz relacji Izaaka Massy i Jacques’a Margereta // *Piotrkowskie Zeszyty Historyczne*. 2001. № 12/1. S. 124–144.
79. Gansiniec R. „Metrificale” Marka z Opatowca i traktaty gramatyczne XIV i XV wieku. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1960. 332 s.
80. Gorski K. Z dziejów walki o pokój i sprawiedliwość międzynarodową. Ostatnie słowo Pawła Włodkowica o Zakonie krzyżackim. Toruń: PWN, 1964. 44 s.
81. Gorski S. Dziennikarstwo polskie : zarys historyczny. Warszawa: nakładem i drukiem M. Arcta, 1905. 134 s.
82. Homa T. Rzeczpospolita. Wybrane zagadnienia myśli obywatelskiej Piotra Skargi SI. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Ignatianum, 2020. 224 s.
83. Jarczykowa M. Sponsorowana pochwała. Funeralia Radziwiłłowskie z XVII wieku napisane na zamówieni // *Napis*. 2019. Seria XXV. S. 19–36.
84. Jarczykowa M. Szturm Smoleński (13 VI 1611) w siedemnastowiecznych drukach okolicznościowych // *Senoji Lietuvos literatūra*. Knyga 32. 2011. S. 81–101.
85. Kersten A. W sprawie badań nad początkami prasy polskiej // *Kwartalnik Historyczny*. 1963. Z. 1. S. 69–83.
86. Kowalczyk J. Triumf i sława wojenna „all’antica” w Polsce XVI w. // *Renesans. Sztuka i ideologia*, red. T. Jaroszewski. Warszawa, 1976. S. 293–349.
87. Kozłowski S. Elekcja królewicza Władysława Wazy na tron moskiewski (1609 – 1612) // *Przegląd Powszechny*. R. 6. T. XXII. 1889. S. 20–39, 207–226.
88. Kraushar A. Z dziejów Warszawy: grobowiec carów Szujskich. Kraków: nakł. i druk W. L. Anczyca i Spółki, 1984. 29 s.
89. Krzysztofik M. Siedemnastowieczne kalendarzowe poglądy na temat problemów zewnętrznych i wewnętrznych Rzeczypospolitej szlacheckiej // *Napis*. 2006. Seria XII. S. 7–20.

90. Krzywy R. Adama Władysławiusza lamenty „moskiewskie” w imieniu kobiet pisane // *Napis*. 2006. Seria XII. S. 197–207.
91. Kulicka E. Legenda o rzymskim pochodzeniu Litwinów i jej stosunek do mitu sarmackiego // *Przegląd Historyczny*. 1980. T. 71, nr 1. S. 1–21.
92. Kuran M. Marcin Paszkowski — poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku. Łódź: Uniwersytetu Łódzkiego, 2012. 664 s.
93. Kuran M. Moskiewska trylogia Jana Żabczyca // *Napis*. 2006. Seria XII. S. 109–126.
94. Kuran M. Pamięć o heroicznym czynach i cnotach rycerskich sławnych obrońców ojczyzny utrwalona w kazaniach funeralnych Fabiana Birkowskiego OP // *Napis*. 2019. Seria XXV. S. 37–63.
95. Kuran M. Relacje o zdobyciu Smoleńska w 1611 roku – konwencje literackie i funkcje komunikacyjne // *Senoji Lietuvos literatūra*. Kn. 32. 2011. S. 57–80.
96. Lasswell G. D. *Propaganda Technique in the World War*. New York: Peter Smith, 1938. 233 p.
97. Lisichenok E. A., Prohorenkov I. A. The Oriental discourse in the anti-Moscow Posiłek Bellony Słowieńskiej by Marcin Paszkowski // *Res Historica*. № 40. 2015. P. 115–125.
98. Maciejowski W. A. *Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830*. T. 2. Warszawa: S. Orgelbrand, 1852. 986 s.
99. Maciszewski J. *Polska a Moskwa 1603–1618: opinie i stanowiska szlachty polskiej*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. 326 s.
100. Maciszewski J. *Szlachecka opinia publiczna w Polsce wobec interwencji Moskwy (1604–1609)* // *Kwartalnik Historyczny. Studia Sławistyczne*. Warszawa, 1963. T. 72. Z. 2. s. 363–386.
101. Maciszewski J. *Szlachta polska i jej Państwo*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1986. 305 s.
102. Maciszewski J. *Wojna domowa w Polsce (1606–1609): studium z dziejów walki przeciw kontrreformacji. Część I. Od Stężycy do Janowca*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1960. 342 s.

103. Majeranowski K. Wiadomość historyczno-krytyczna o pismach periodycznych najdawniejszych czasów aż do roku 1826 alfabetycznie zebrane // *Flora Polska*. T. 5. 1826. S. 34–64.
104. Markowska W. *Literatura Polska epoki Odrodzenia*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1956. 237 s.
105. Miakiszew W. Нашли оне звери дивныя и страшныя... Мир причудливых животных в русском переводе Хроники всего света Мартина Бельского // *Acta Universitatis Wratislaviensis*. No 3792, *Slavica Wratislaviensia* CLXV. Wrocław, 2017. S. 287–296.
106. Niedzielski K. *Pod Smoleńskiem i Moskwą lat temu trzysta. Kartka z dziejów. 1609–1612*. Warszawa, 1911. 190 s.
107. Niedźwiedź J. How did Virgil help forge Lithuanian identity in the sixteenth century? // *Latinitas in the Polish Crown and the Grand Duchy of Lithuania: its Impact on the Development of Identities*. Ed. G. Siedina. Firenze, 2014. P. 35–48.
108. Niedźwiedź J. *Kultura literacka Wilna (1323–1655). Retoryczna organizacja miasta*. Kraków: Universitas, 2012. 502 s.
109. Niedźwiedź J. Polska i szwedzka epika propagandowa w pierwszej połowie XVII wieku // *Napis*. 2006. Seria XII. S. 319–330.
110. Niewolak-Krzywda A. Moralista, wizjoner czy towarzysz „frantowskiego cechu”? – Jan Jurkowski // *Pisarze staropolscy. Sylwetki*. T. 2. Warszawa, 1997. S. 576–608.
111. Nieznanowski S. *Staropolska epopeja historyczna. Kształtowanie się pojęcia, drogi rozwoju* // *Problemy literatury staropolskiej*. Seria 1. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1972. S. 391–426.
112. Nowak T. M. *Zagadnienie wojny sprawiedliwej w polskiej literaturze prawnej XV i XVI wieku* // *Napis*. Seria 7. 2001. S. 39–44.
113. Nowak-Dłużewski J. *Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce*. [T. 4]. *Zygmunt III*. Warszawa: Instytut wydawniczy „Pax”, 1971. 440 s.

114. Nowicka-Jeżowa A. *Sarmaci i śmierć. O staropolskiej poezji żałobnej.* Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1992. 339 s.
115. Nowicka-Jeżowa A. *Siedemnastowieczna poezja funeralna w kręgu tradycji renesansowej. Przekształcenia i przewartościowanie // Przełom wieków XVI i XVII w literaturze i kulturze polskiej.* Red. B. Otwinowska, J. Pelc. Wrocław, 1984. S. 193–210.
116. Oszczęda A. *Mała Iliada – Nemezis kraju północnego Jakuba Duszy Podhoreckiego // Napis. Seria VII.* 2001. S. 135–142.
117. Osterrieder M. *Das wehrhafte Friedensreich: Bilder von Krieg und Frieden in Polen-Litauen (1505–1595).* Wiesbaden: Reichert Verlag, 2005. 330 p.
118. Oszczęda A. *Tryumfy smoleńskie. Propagandowe treści wierszy triumfalnych z 1611 roku // Hołd carów Szujskich, pod red. J. A. Chrościckiego i M. Nagielskiego.* Warszawa: Neriton, 2012. S. 69–92.
119. Oszczęda A. *Poeta Wazów: studia o okolicznościowej poezji Stanisława Grochowskiego (1542–1612).* Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 1999. 202 s.
120. Oźlański A. *Dwie mowy Wojciecha Miaskowskiego wygłoszone na pogrzebie Wojciecha Gajewskiego – edycja krytyczna // Meluzyna. № 2 (9).* 2018. S. 71–94.
121. Pelc J. *Renesans w literaturze polskiej. Początki i rozwój // Problemy literatury staropolskiej. Seria pierwsza / red. J. Pelc.* Wrocław, 1972. S. 29–37.
122. Pfeiffer B. *Caelum et regnum: studia nad symboliką państwa i władcy w polskiej literaturze i sztuce XVI i XVII stulecia.* Zielona Góra: Wydawnictwo Uniwersytetu Zielonogórskiego, 2002. 374 s.
123. Pirożyński J. *Z dziejów obiegu informacji w Europie XVI wieku. Nowiny z Polski w kolekcji Jana Jakuba Wicka w Zurychu z lat 1560–1587.* Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1995. 361 s.
124. Polak W. *O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612.* Toruń: Towarzystwo Naukowe w Toruniu, 1995. 486 s.

125. Poplatek J. Studia z dziejów jezuickiego teatru szkolnego w Polsce. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1957. 225 s.
126. Prochaska A. Hetman Stanisław Żółkiewski. Warszawa: Wydawn. Kasy im. J. Mianowskiego Instytutu Popierania Nauki, 1927. 419 s.
127. Siarczyński F. Obraz wieku panowania Zygmunta III, króla polskiego i szwedzkiego, czyli obraz stanu, narodu i kraju. T. 1. Poznań: Księgarnia Nowa, 1843. 337 s.
128. Siarczyński F. Obraz wieku panowania Zygmunta III, króla polskiego i szwedzkiego, zawierający opis osób żyjących pod jego panowaniem. T. 2. Lwów: Józef Schnayder, 1828. 533 s.
129. Skwarczyńska S. O pojęcie literatury stosowanej // Pamiętnik Literacki : czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej. T. 28. № 1/4. S. 1–24.
130. Skwarczyńska S. Teoria listu. Lwów: Towarzystwo Naukowe we Lwowie, 1937. 373 s.
131. Sobieski W. Żółkiewski na Kremlu. Warszawa: nakładem Gebethnera i Wolffa, [1920]. 217 s.
132. Targosz K. Oprawa artystyczno-ideowa wjazdów weselnych trzech sióstr Habsburżanek (Kraków 1592 i 1605, Florencja 1608) // Theatrum ceremoniale na dworze książąt i królów polskich. Materiały konferencji naukowej zorganizowanej przez Zamek Królewski na Wawelu i Instytut Historii Uniwersytetu Jagiellońskiego w dniach 23–25 marca 1998, red. M. Markiewicz, R. Skowron. Kraków, 1999. S. 207–224.
133. Tatarkiewicz W. Historia estetyki. T.3: Estetyka nowożytna. Wrocław–Warszawa: Zakł. Narodowy im. Ossolińskich, 1967. 570 s.
134. Taylor P. M. Munitions of the mind. A history of propaganda from the ancient world to the present day. Manchester; New York: Manchester University Press, 1995. 324 p.
135. Tazbir J. Europa środkowowschodnia wobec „odkrycia Ameryki” // Kwartalnik Historyczny. № 4. 1991. S. 21–40.

136. Tazbir J. Szlachta a konkwistadorzy. Opinia staropolska wobec podboju Ameryki przez Hiszpanie. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1969. 170 s.
137. Trościński G. "Wiek naprawdę stracony". Poezja Sebastiana Petrycego jako świadectwo klęski wyprawy moskiewskiej // Napis. Seria XII. 2006. S. 139–155.
138. Trzej poetyccy świadkowie pierwszej dymitriady / opr. J. Wójcicki. Kraków: Collegium Columbinum, 2008. 203 s.
139. Tyszkowski K. Poselstwo Lwa Sapiehi w Moskwie 1600 r. Lwow: Nakł. Tow. Naukowego, 1927. 88 s.
140. Wielgus S. Polska średniowieczna doktryna „ius gentium”. Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1996. 84 s.
141. Wiszniewski M. Historia literatury polskiej. T. VIII. Kraków: nakł. Akademji Umiejętności, 1851. 503 s.
142. Wojciechowski K. Piotr Skarga. Lwów: Macierz Polska, 1912. 116 s.
143. Woronczak J. Polskość i europejskość literatury naszego średniowiecza // Problemy literatury staropolskiej. Seria pierwsza / red. J. Pelc. Wrocław, 1972. S. 7–28.
144. Załęski S. Jezuici w Polsce. Lwów: Ludowej, 1901. T. 2. 851 s.
145. Zamoyski A. Polska. Opowieść o dziejach niezwykłego narodu 966–2008. Warszawa: Wydawnictwo Literackie, 2011. 585 s.
146. Zawadzki K. Początki prasy polskiej: gazety ulotne i seryjne XVI–XVIII wieku. Warszawa: Biblioteka Narodowa, 2002. 437 s.
147. Zawadzki K. Szesnastowieczne gazety ulotne polskie i Polski dotyczące. Terminologia. Definicja. Charakterystyka. Zagadnienia edytorskie i topograficzne // Rocznik Historii Czasopiśmiennictwa Polskiego. T. 11, z. 1. 1972. S. 5–37.
148. Żydek-Bednarczuk U. Typy, odmiany, klasy... tekstów. W poszukiwaniu kryteriów // Stylistyka a pragmatyka, red. B. Witosz. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2001. S. 114–125.